Т. Маркъ

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (Спб., Невскій, 92).

Э. Бернштейнъ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ МАТЕРІАЛИЗМЪ.

Переводъ *Л. Канцель.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Основныя положенія ученія К. Маркса.

а) Научные элементы Марксизма.

> «Благодаря имъ соціализмъ сталъ наукой, которую нужно только разрабатывать во всѣхъ деталяхъ и подробностяхъ».
>
> *Энгельсъ.* «Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft».

Германская соціалдемократія признаетъ въ настоящее время теоретическимъ обоснованіемъ своей дѣятельности выработанное Марксомъ и Энгельсомъ ученіе, названное ими научнымъ соціализмомъ. Это должно означать, что въ то время, какъ соціалдемократія, какъ боевая партія, представляетъ извѣстные интересы и тенденціи и борется за поставленныя себѣ цѣли, она при опредѣленіи этой цѣли признаетъ въ послѣднемъ, конечномъ счетѣ только данныя, могущія быть доказанными объективно и основанныя только на опытѣ и на логикѣ и имъ подобныхъ доказательствахъ. Что не можетъ быть

такимъ образомъ доказано,—не научно и основано на субъективныхъ данныхъ, на простомъ желаніи или размышленіи.

Во всякой наукѣ можно различать чистую и прикладную сторону. Первая состоитъ изъ положеній познанія, полученныхъ изъ совокупности соотвѣтствующихъ знаній, которыя поэтому могутъ разсматриваться, какъ имѣющія общее значеніе. Они образуютъ въ теоріи основной элементъ. При примѣненіи этихъ положеній къ отдѣльнымъ явленіямъ или отдѣльнымъ случаямъ практики создается прикладная наука: знанія, полученныя отъ этого примѣненія и вошедшія въ ученіе, суть положенія прикладной науки. Въ составѣ ученія они составляютъ измѣняющійся элементъ.

Понятія: постоянный и измѣняющійся нужно понимать здѣсь лишь условно. И положенія чистой науки подвержены измѣненіямъ, совершающимся по бо̀льшей части въ видѣ ограниченій. По мѣрѣ прогрессированія знанія положенія, которымъ до тѣхъ поръ придавали абсолютное значеніе, принимаются условно и дополняются новыми положеніями знанія, ограничивающими ихъ значеніе, но въ то же время расширяющими область чистой науки. Въ прикладной наукѣ, напротивъ того, отдѣльныя положенія сохраняютъ продолжительное значеніе для опредѣленныхъ случаевъ. Законъ земледѣльческой химіи или электротехники, будучи разъ испытанъ, остается навсегда вѣрнымъ, если даже предположенія, на которыхъ онъ основанъ, окажутся опровергнутыми. Но множество элементовъ предположенія и соединяющая ихъ возможность создаютъ безконечное количество такихъ положеній и постоянное измѣненіе въ отношеніи цѣнности одного къ другому. Практика создаетъ все новый матеріалъ для познанія и такъ сказать каждый день измѣняетъ общую картину, часто сдавая въ рубрику устарѣлыхъ методовъ то, что еще недавно считалось новѣйшимъ пріобрѣтеніемъ науки.

До сихъ поръ не было попытокъ сдѣлать систематическое отдѣленіе чистой науки марксистскаго соціализма отъ ея прикладной части, хотя и нѣтъ недостатка въ важныхъ подготовительныхъ работахъ въ этомъ направленіи. Извѣстное изложеніе Марксомъ своего пониманія исторіи въ предисловіи къ «Критикѣ нѣкоторыхъ положеній» и третья глава книги Энгельса: «Развитіе научнаго соціализма изъ утопическаго» должны быть названы здѣсь на первомъ мѣстѣ, какъ лучшія сочиненія по этому вопросу. Въ упомянутомъ предисловіи Марксъ излагаетъ общія основанія своей исторической и общественной философіи въ такихъ сжатыхъ, опредѣленныхъ, лишенныхъ всякихъ ссылокъ на частныя явленія и частныя формы положеніяхъ, какъ это не встрѣчается съ подобной ясностью ни въ какомъ другомъ мѣстѣ. Въ немъ нѣтъ недостатка ни въ одной мысли, существенной для Марксовой исторической философіи.

Сочиненіе Энгельса есть отчасти популярное изложеніе, отчасти дальнѣйшее развитіе положеній Маркса. Онъ ссылается тамъ на такія частныя явленія развитія, какъ современное общество, названное Марксомъ буржуазнымъ, и говоритъ объ его дальнѣйшемъ ходѣ развитія, такъ что во многихъ мѣ-

стахъ уже можно говорить о прикладной наукѣ. Кое-что можетъ быть отброшено оттуда безъ ущерба для основной мысли. Но въ главныхъ положеніяхъ изложеніе все еще достаточно обще, чтобъ считаться чистой наукой марксизма. На это даетъ право и даже вынуждаетъ тотъ фактъ, что марксизмъ хочетъ быть чѣмъ-то бо̀льшимъ, чѣмъ абстрактной исторической теоріей. Онъ хочетъ быть въ то же время теоріей современнаго общества и его развитія. При стремленіи къ точнымъ разграниченіямъ можно уже эту часть ученія Маркса считать за прикладную доктрину, но для марксизма это чрезвычайно важное примѣненіе, безъ котораго онъ потерялъ бы всякое значеніе, какъ политическая наука. Поэтому слѣдуетъ причислять общія или главныя положенія этихъ выводовъ о современномъ обществѣ къ чистому ученію марксизма. Если современный общественный порядокъ, юридически основанный на частной собственности и на свободной конкуренціи, въ исторіи человѣчества есть лишь частный случай, то въ то же время онъ для современнаго культурнаго міра общая и длящаяся форма. Все, что въ марксовомъ изображеніи буржуазнаго общества и хода его развитія имѣетъ притязаніе на безусловное значеніе, т.-е. независимое отъ національныхъ и мѣстныхъ особенностей, то все принадлежитъ поэтому къ области чистой доктрины; все же, что относится къ временнымъ и мѣстнымъ частнымъ явленіямъ и предположеніямъ, ко всѣмъ частнымъ формамъ развитія, все это, наоборотъ, относится къ области прикладной науки.

Съ нѣкоторыхъ поръ вошло въ моду дискредитировать словомъ схоластика болѣе аналитическое отношеніе къ ученію Маркса. Такія словечки очень удобны и потому должны употребляться съ бо̀льшей осторожностью. Изслѣдованіе понятій, отдѣленіе случайнаго отъ существеннаго снова становится необходимымъ, и если понятія не стираются, отвлеченія не должны превратиться въ чистыя положенія вѣры. Схоластика занималась не только мелочнымъ разборомъ понятій, она играла роль не только поденщицы ортодоксіи, но она также, анализируя догмы теологіи, способствовала сверженію догматизма; она подкопала валъ, который противопоставляло ортодоксальное догматическое ученіе свободному философскому изслѣдованію; на почвѣ, воздѣланной схоластикой, выросли философіи Спинозы и Декарта. Есть различные роды схоластики—апологетическій и критическій. Послѣдній уже давно наводилъ ужасъ на всякую ортодоксію.

Раздѣляя упомянутымъ образомъ элементы Марксова ученія, мы получимъ руководящій масштабъ для оцѣнки отдѣльныхъ его положеній для всей системы. Съ каждымъ положеніемъ чистой науки будетъ уничтожаться часть фундамента, и бо̀льшая часть всего зданія лишится опоры и сдѣлается шаткой. Совсѣмъ другое съ положеніями прикладной науки: они могутъ свергаться, но фундаментъ отъ этого не страдаетъ. Да, цѣлые ряды положеній прикладной науки могли бы совершенно пасть, не затрагивая другихъ частей. Нужно бы только доказать, что при постройкѣ среднихъ частей была допущена ошибка. Тамъ, гдѣ такая ошибка не могла бы быть доказана, тамъ пришлось бы сдѣлать

заключеніе, что въ фундаментѣ была допущена ошибка или пробѣлъ.

Предпринять такое систематическое раздѣленіе до мельчайшихъ подробностей не входило въ планъ этой работы, такъ какъ здѣсь не идетъ дѣло объ исчерпывающемъ изложеніи или критикѣ ученія Маркса. Для моей цѣли будетъ достаточно разсмотрѣть, въ качествѣ главныхъ составныхъ частей этого ученія, уже упомянутую программу историческаго матеріализма, ученіе о классовой борьбѣ (въ зародышѣ содержащееся въ этомъ ученіи) вообще и классовой борьбѣ между буржуазіей и пролетаріатомъ въ частности,—затѣмъ ученіе о прибавочной цѣнности съ ученіемъ о способѣ производства въ буржуазномъ обществѣ, основанныя на немъ тенденціи развитія этого общества; все это, по моему мнѣнію, составляетъ зданіе чистой науки марксизма. Положенія какъ прикладной, такъ и чистой науки имѣютъ, само собой разумѣется, различную цѣнность для системы.

Никто не станетъ оспаривать, что важнѣйшій элементъ основанія марксизма, такъ сказать основной законъ его, проходящій черезъ всю систему, есть его специфическая историческая теорія, носящая названіе матеріалистическаго пониманія исторіи. Съ ней въ принципѣ марксизмъ стоитъ въ тѣснѣйшей связи; всякое ограниченіе этой теоріи отражается на положеніи остальныхъ ея частей. Каждое изслѣдованіе ея правильности должно поэтому исходить изъ вопроса, вѣрна ли и насколько вѣрна эта теорія.

b) Матеріалистическое пониманіе исторіи и историческая необходимость.

«Wir hatten den Gegnern gegenüber, das von diesen geleugnete Hauptprinzip (die ökonomische Seite) zu betonen, und da war nicht immer Zeit, Ort und Gelegenheit, die übrigen, an der Wechselwirkung betheiligten Momente zu ihrem Recht kommen zu lassen». [1])

Fr. Engels, Brief von 1890, abgedruckt im «Soz. Akademiker», Oct. 1895.

Вопросъ о правильности матеріалистическаго пониманія исторіи есть въ то же время вопросъ о степени исторической необходимости. Быть матеріалистомъ значитъ прежде всего признавать необходимость всего совершающагося. Движеніе матеріи, согласно матеріалистическому ученію, происходитъ съ необходимостью извѣстныхъ законовъ; нѣтъ причины безъ необходимо наступающаго слѣдствія и ничто не происходитъ безъ матеріальной причины. Но такъ какъ движеніе матеріи опредѣляетъ образованіе идей и направленія воли, то и они также, какъ и все случающееся въ мірѣ, необходимы. Такимъ образомъ матеріалистъ—тотъ же кальвинистъ, только безъ Бога. Если онъ не вѣритъ ни въ ка-

[1]) Намъ нужно было, имѣя дѣло съ противниками, напирать на отрицаемый или основной принципъ (на экономическую сторону), а при этомъ не всегда хватало времени, не всегда представлялся случай удѣлять должное мѣсто моментамъ, участвующимъ во взаимодѣйствіи.

кое осуществляемое божествомъ предопредѣленіе, то все же онъ вѣритъ и долженъ вѣрить, что съ каждаго любого момента все случающееся въ дальнѣйшемъ заранѣе опредѣлено совокупностью данной матеріи и соотношеніемъ силъ ея частей.

Перенесеніе матеріализма въ пониманіе исторіи означаетъ поэтому прежде всего признаніе необходимости всѣхъ историческихъ процессовъ. Вопросъ для матеріалиста лишь въ томъ, какимъ образомъ проявляется необходимость въ человѣческой исторіи, какой элементъ силы или какіе факторы силы имѣютъ при этомъ рѣшающее значеніе, каково отношеніе одного фактора силы къ другому, какую роль играютъ въ исторіи природа, экономика, правовыя учрежденія, идеи.

Марксъ въ упомянутомъ выше сочиненіи отвѣчаетъ въ томъ смыслѣ, что онъ считаетъ опредѣляющимъ факторомъ данныя матеріальныя производительныя силы и производственныя отношенія между людьми.

«Способъ производства матеріальной жизни вообще обусловливаетъ соціальный, политическій и духовный процессъ жизни. Не сознаніе людей опредѣляетъ формы ихъ бытія, но, напротивъ, общественное бытіе опредѣляетъ формы ихъ сознанія. На извѣстной ступени своего развитія матеріальныя производительныя силы общества впадаютъ въ противорѣчіе съ существующими производственными отношеніями, среди которыхъ онѣ до сихъ поръ дѣйствовали. Изъ формъ развитія производительныхъ силъ эти отношенія становятся ихъ оковами. Тогда наступаетъ эпоха соціальнаго переворота. Съ измѣненіемъ экономическаго основанія болѣе или менѣе быстро измѣняется вся громадная надстройка (правовыя и политическія учрежденія, которымъ соотвѣтствуютъ извѣстныя общественныя формы сознанія).... Ни одна общественная формація не погибаетъ раньше, чѣмъ разовьются всѣ производительныя силы, для которыхъ она даетъ достаточно простора, и новыя, высшія производственныя отношенія никогда не появляются на свѣтъ раньше, чѣмъ созрѣютъ матеріальныя условія ихъ существованія на лонѣ стараго общества. Буржуазныя производственныя отношенія составляютъ послѣднюю антагонистическую форму общественнаго процесса производства.... но производительныя силы, развивающіяся внутри буржуазнаго общества, создаютъ въ то же время матеріальныя условія, необходимыя для разрѣшенія этого антагонизма. Этой общественной формаціей завершается, поэтому, предшествовавшая исторія человѣческаго общества...» (Критика нѣкоторыхъ положеній пол. экономіи; предисловіе).

Прежде всего должно быть замѣчено, что заключительное предложеніе и слово «послѣдняя» въ предыдущей фразѣ недоказательны, и представляютъ собой лишь болѣе или менѣе обоснованныя положенія. Но они несущественны для теоріи и болѣе принадлежатъ къ прикладной части и потому здѣсь на нихъ можно и не останавливаться.

Если присмотрѣться къ другимъ предложеніямъ, то прежде всего поражаетъ, не говоря уже о словахъ «болѣе или менѣе быстро» (отъ того или другого выраженія зависитъ весьма многое), аподиктиче-

скій (не допускающій сомнѣній) характеръ ихъ изложенія. Такъ во второмъ изъ цитированныхъ предложеній «сознаніе» и «бытіе» противопоставляются такъ рѣзко, что недалеко до вывода, что люди разсматриваются только какъ живые агенты исторической силы, дѣло которыхъ исполнять ея велѣнія противъ своей воли и сознанія. И это только отчасти измѣнено пропущенной здѣсь, какъ несущественной, фразой, гдѣ подчеркивается необходимость различать при соціальныхъ переворотахъ матеріальный переворотъ въ условіяхъ производства и «идеологическія формы», въ которыхъ люди сознаютъ этотъ конфликтъ и борются съ нимъ. Въ общемъ сознаніе и воля людей являются подчиненнымъ матеріальному развитію факторомъ.

На не менѣе детерминистично изложенное предложеніе наталкиваемся мы въ предисловіи къ I тому «Капитала». «Дѣло идетъ», говорится тамъ относительно «естественнаго закона» капиталистическаго производства, «объ этихъ проявляющихся и дѣйствующихъ съ желѣзной необходимостью тенденціяхъ». И вотъ туда, гдѣ только что говорилось о законѣ, въ заключеніе вмѣсто этого опредѣленнаго понятія проникаетъ другое, очень гибкое: тенденція. А на другой страницѣ стоитъ такъ часто цитируемое мѣсто, что общество можетъ «сокращать и смягчать» родовыя муки новыхъ естественныхъ фазъ развитія.

Гораздо болѣе условной является зависимость людей отъ производственныхъ отношеній въ объясненіи, данномъ Энгельсомъ еще при жизни К. Маркса съ его согласія въ полемическомъ сочи-

неніи объ историческомъ матеріализмѣ, направленномъ противъ Дюринга. Тамъ говорится, что «конечныя причины всѣхъ общественныхъ перемѣнъ и политическихъ переворотовъ» слѣдуетъ искать не въ умахъ людей, а въ «измѣненіяхъ способовъ производства и обмѣна». «Конечныя причины» заключаютъ въ себѣ, однако, содѣйствующія причины другого рода, причины второй, третьей и т. д. степени, и ясно, что чѣмъ больше рядъ такихъ причинъ, тѣмъ больше количественно и качественно ограничивается опредѣляющая сила послѣдней причины. Остается фактъ ея дѣйствія, но конечный видъ вещей зависитъ не только отъ нея. Результатъ работы различныхъ силъ лишь тогда можетъ быть съ увѣренностью вычисленъ, когда всѣ силы точно извѣстны и приняты въ расчетъ по ихъ полной стоимости. Игнорированіе силы даже низшей степени можетъ, какъ знаетъ каждый математикъ, имѣть слѣдствіемъ величайшія отступленія.

Въ своихъ болѣе позднихъ трудахъ Фр. Энгельсъ еще болѣе ограничилъ опредѣляющее значеніе производственныхъ отношеній. Это направленіе особенно замѣтно въ двухъ письмахъ, напечатанныхъ въ «Socialistischer Akademiker» въ октябрѣ 1895 г.; одно изъ нихъ относится къ 1890 г., а другое—къ 1894 г. «Правовыя формы», политическія, юридическія, философскія теоріи, религіозныя воззрѣнія и догмы перечисляются здѣсь въ качествѣ факторовъ, дѣйствующихъ на ходъ исторической борьбы и во многихъ случаяхъ «преимущественно опредѣляющихъ ея форму». «Существуютъ, такимъ образомъ, безчисленныя, между собой перекрещивающіяся

силы, безконечная группа параллелограммовъ силъ, результатомъ которыхъ является историческое событіе, которое само опять можетъ быть разсматриваемо, какъ продуктъ силы, въ цѣломъ дѣйствующей безсознательно и безвольно, такъ какъ то, чего хочетъ отдѣльный индивидуумъ, препятствуетъ другимъ, и то, что происходитъ, есть нѣчто такое, чего никто не хотѣлъ» (писано въ 1890 г.). «Политическое, правовое, философское, религіозное, литературное, художественное и т. п. развитіе основано на экономическомъ. Но всѣ они воздѣйствуютъ другъ на друга и на экономическій базисъ». (Письмо 1895 г.). Надо признаться, что это звучитъ нѣсколько иначе, чѣмъ цитированное въ началѣ главы мѣсто у Маркса.

Нельзя, конечно, утверждать, что Марксъ и Энгельсъ проглядѣли когда-нибудь тотъ фактъ, что неэкономическіе факторы оказываютъ вліяніе на ходъ исторіи. Въ доказательство можно привести безчисленное количество мѣстъ изъ ихъ первыхъ сочиненій. Но здѣсь дѣло идетъ о соотношеніи, не о томъ, признавать или нѣтъ идеологическіе факторы, но какую мѣру вліянія, какое значеніе для исторіи можно имъ приписывать. А въ этомъ отношеніи нельзя отрицать, что Марксъ и Энгельсъ признавали первоначально гораздо болѣе незначительное воздѣйствіе неэкономическихъ факторовъ на развитіе обществъ, гораздо болѣе незначительное вліяніе ихъ на производственныя отношенія, чѣмъ въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ. Это соотвѣтствуетъ ходу развитія каждой новой теоріи. Она всегда сначала появляется въ рѣзкой, аподик-

тической формулировкѣ. Чтобъ пріобрѣсти значеніе, она должна доказать шаткость старыхъ теорій и въ этой борьбѣ вполнѣ понятны и односторонность, и утрировка. Въ положеніи, которое мы взяли эпиграфомъ этой главы, Энгельсъ безусловно признаетъ это и въ заключеніи прибавляетъ еще: «Но, къ сожалѣнію, слишкомъ часто думаютъ, что можно вполнѣ понять новую теорію, безъ долгихъ размышленій примѣнять ее, разъ только усвоены главныя ея положенія»... Тотъ, кто теперь примѣняетъ матеріалистическую историческую теорію, обязанъ примѣнять ее въ ея наиболѣе выработанной формѣ, т.-е. обязанъ, на-ряду съ развитіемъ и вліяніемъ производительныхъ силъ и производственныхъ отношеній, принимать въ расчетъ [1]) правовыя и моральныя понятія, историческія и религіозныя традиціи каждой эпохи, вліянія географическихъ и прочихъ естественныхъ факторовъ, къ которымъ

---

[1]) Изъ желанія противодѣйствовать извѣстнымъ, во всякомъ случаѣ существующимъ отчасти въ его воображеніи преувеличеніямъ матеріалистическаго пониманія исторіи, г. Бельфортъ Баксъ придумалъ новое пониманіе исторіи, называемое имъ синтетическимъ. Этимъ онъ слово, могущее вести къ преувеличеніямъ, замѣнилъ другимъ, совершенно не имѣющимъ здѣсь смысла. Синтетическій—соединяющій воедино—есть лишь понятіе о формѣ метода, ничего не говорящее о руководящей точкѣ зрѣнія изслѣдованія. Какъ было выше показано, историческій матеріализмъ заключаетъ въ себѣ соединеніе матеріальныхъ и идеологическихъ силъ. Но если Баксъ выбираетъ вмѣсто выраженія, допускающаго двусмысленность, выраженіе, не имѣющее смысла, то его превосходитъ съ другой стороны г. Плехановъ, употребляющій въ своихъ: «Beiträge zur Geschichte des Materialismus» для марксова пониманія исторіи опредѣленіе «монистическій» (стр. 227). Почему не прямо «простоватый» (simplistisch)?

принадлежитъ также природа самого человѣка и его духовныхъ способностей. Особенно надо имѣть это въ виду, когда дѣло идетъ не только о чистомъ изслѣдованіи прежнихъ историческихъ эпохъ, но и о предсказаніи будущаго развитія, гдѣ матеріалистическое пониманіе исторіи должно помогать, какъ руководитель для будущаго.

Въ противоположность теоріямъ, разсматривающимъ человѣческую натуру, какъ нѣчто данное и неизмѣнное, социалистическая критика справедливо указывала на значительныя измѣненія, имѣвшія мѣсто въ человѣческой натурѣ въ различныхъ странахъ втеченіе вѣковъ, на способность измѣняться, которую проявляютъ люди извѣстной эпохи, если они попадаютъ въ другія условія. Въ самомъ дѣлѣ человѣческая натура очень эластична, насколько дѣло идетъ о способности примѣняться къ новымъ естественнымъ условіямъ и новой окружающей соціальной обстановкѣ. Но не надо забывать одного: гдѣ дѣло идетъ о такихъ большихъ массахъ, какъ современныя націи съ ихъ тысячелѣтнимъ развитіемъ, воспитанными привычками жизни, тамъ нельзя ожидать быстрой перемѣны человѣческой натуры даже отъ крупныхъ реформъ собственности, такъ какъ кономическія и владѣльческія отношенія составляютъ только часть соціальной обстановки, оказывающей вліяніе на человѣческій характеръ. Здѣсь нужно принимать во вниманіе много факторовъ; къ способамъ производства и обмѣна, которымъ историческій матеріализмъ придаетъ главнѣйшее значеніе, присоединяются, между прочимъ,—хотя и обусловливаемыя способами производства и об-

мѣна, — внѣшнія территоріальныя группировки и агломерація, т.-е. мѣстное распредѣленіе населенія, и сношенія.

Въ письмѣ къ К. Шмидту отъ 27 окт. 1890 г. Фр. Энгельсъ превосходно излагаетъ, какъ общественныя учрежденія изъ результатовъ экономическаго развитія превращаются въ соціальныя силы съ собственнымъ движеніемъ, которыя съ своей стороны вліяютъ на нихъ, содѣйствуя ихъ росту, задерживая ихъ или давая имъ иное направленіе. Прежде всего, онъ приводитъ какъ примѣръ государственную власть, при чемъ онъ дополняетъ главнымъ образомъ имъ данное опредѣленіе государства, какъ органа классоваго господства и подчиненія, очень значительнымъ сведеніемъ роли государства къ общественному раздѣленію труда. [1]) Такимъ образомъ историческій матеріализмъ не отрицаетъ вовсе самостоятельнаго движенія политическихъ и идеологическихъ силъ; онъ оспариваетъ только независимость этого самостоятельнаго движенія и доказываетъ, что развитіе экономическихъ основъ общественной жизни—производственныхъ отношеній и развитія классовъ—оказываетъ въ концѣ концовъ на движеніе этихъ силъ наиболѣе сильное вліяніе.

Но множественность факторовъ во всякомъ случаѣ остается и никоимъ образомъ не такъ-то легко

---

[1]) «Происхожденіе семьи» говоритъ во всякомъ случаѣ о томъ, какъ общественное раздѣленіе труда дѣлаетъ необходимымъ образованіе государства. Но Энгельсъ позднѣе совершенно отрицаетъ эту сторону возникновенія государства и разсматриваетъ,—напр. въ «Antidühring» — государство исключительно, какъ органъ политической репрессіи.

указать связи, существующія между ними, чтобы имѣть возможность съ точностью опредѣлить, гдѣ въ отдѣльномъ случаѣ слѣдуетъ искать наиболѣе сильно дѣйствующее побужденіе. Экономическія причины создаютъ ближайшимъ образомъ только почву для воспріятія опредѣленныхъ идей, но какъ эти идеи приходятъ, распространяются и какую форму принимаютъ, это зависитъ отъ взаимодѣйствія цѣлаго ряда вліяній. Больше вреда, чѣмъ пользы, приносятъ историческому матеріализму тѣ, кто отказываются, какъ отъ эклектизма, отъ рѣшительнаго подчеркиванія вліянія другой не чисто экономической природы или кто не обращаетъ вниманія на иные экономическіе факторы, кромѣ техники производства и ея напередъ опредѣленнаго развитія. Эклектизмъ — выборъ изъ различныхъ объясненій и способовъ оцѣнки явленій—часто является лишь естественной реакціей противъ доктринерскаго стремленія выводить все изъ одного положенія или обсуждать все по одному и тому же методу. Разъ только такое стремленіе дѣлается преобладающимъ, то эклектическій духъ прокладываетъ себѣ путь со стихійной силой. Онъ есть возмущеніе здраваго смысла противъ свойственнаго всякой доктринѣ стремленія подгонять мысль подъ одинъ шаблонъ [1]).

---

[1]) Такимъ образомъ нельзя, конечно, отрицать ни нивеллирующей тенденціи эклектизма, ни великаго какъ теоретическаго, такъ и практическаго значенія стремленія къ единообразному пониманію вещей. Безъ этого стремленія нѣтъ научнаго мышленія. Но жизнь шире всякихъ теорій и самая строгая доктрина должна въ концѣ концовъ обратиться къ эклектизму и брать потихоньку въ долгъ у этой фривольной особы, смѣло лакомящейся

Чѣмъ въ большей степени на ряду съ чисто экономическими силами вліяютъ на жизнь общества другія, тѣмъ больше измѣняется значеніе того, что мы называемъ исторической необходимостью. Въ современномъ обществѣ мы различаемъ въ этомъ отношеніи два крупныхъ теченія. Съ одной стороны, появляется все растущее убѣжденіе въ законосообразности развитія и именно экономическаго развитія. Рука объ руку съ этимъ взглядомъ идетъ, отчасти какъ его причина, отчасти какъ его слѣдствіе, растущая способность направлять такъ или иначе экономическое развитіе. Какъ физическія, такъ и экономическія силы природы понемногу изъ властителей человѣка превращаются въ его слугъ, по мѣрѣ того какъ познается ихъ сущность. Такимъ образомъ общество теоретически противопоставляется экономической производительной силѣ болѣе свободнымъ, чѣмъ когда-либо, и только антагонизмъ интересовъ между его элементами—сила частныхъ, групповыхъ интересовъ—препятствуетъ полному превращенію этой теоретической свободы въ практическую. При этомъ общій интересъ въ значительной мѣрѣ выигрываетъ въ силѣ относительно интереса частнаго и въ той степени, какъ

въ саду жизни, и потомъ разсчитываться съ ней предъ свѣтомъ, утверждая, что она то и другое всегда въ сущности думала въ душѣ.

«Doch hat Genie und Herz vollbracht
Was Locke und Descartes nie gedacht,
Sogleich wird auch von diesen
Die Möglichkeit bewiesen».

Хорошій тому примѣръ даетъ въ исторіи соціальныхъ наукъ исторія теоріи и практики коопераціи.

это происходитъ, и въ той области, гдѣ это происходитъ, ослабѣваетъ элементарное дѣйствіе экономическихъ силъ. Ихъ развитіе предуготовлено и потому совершается быстрѣе и легче. Индивидуумы и цѣлые народы освобождаютъ такимъ образомъ все бо̀льшую часть своей жизни отъ вліянія необходимости, дѣйствующей безъ ихъ воли или противъ нея.

Но такъ какъ люди придаютъ все больше значенія экономическимъ факторамъ, то легко могло показаться, что въ настоящее время они играютъ бо̀льшую роль, чѣмъ прежде. На самомъ дѣлѣ это не такъ. Заблужденіе происходитъ только потому, что экономическій мотивъ выступаетъ теперь свободно тамъ, гдѣ онъ прежде былъ скрытъ отношеніями господства и идеологіями всякаго рода. Идеологіей, опредѣляемой не экономикой и не природой, дѣйствующей какъ экономическая сила, современное общество много богаче, чѣмъ прежнія общества [1]). Науки, искусства, бо̀льшая часть со-

[1]) Кому это покажется парадоксомъ, тотъ пусть вспомнитъ, что многочисленнѣйшій классъ населенія лишь при современномъ строѣ считается свободной идеологіей въ выше приведенномъ смыслѣ. Сельское населеніе и рабочіе раньше были юридически связаны частью ради экономическихъ цѣлей, частью подъ вліяніемъ идеологій, въ которыхъ отражалось подчиненіе человѣка природѣ. Послѣднее извѣстно, какъ основная черта идеологіи (суевѣрія) первобытныхъ народовъ. Г. Бельфортъ Баксъ въ своемъ сочиненіи «Syntetische und materialistische Geschichtsauffassung» («Socialistische Monatshefte», дек. 1897 г.) говоритъ, что, по его мнѣнію, при цивилизаціи экономическій моментъ почти всегда былъ рѣшающимъ; въ доисторическомъ періодѣ, наоборотъ, онъ оказывалъ меньше прямого вліянія на спекулятивную мысль,—тамъ «основные законы человѣческаго мышленія и чувства» имѣли вѣдь больше всего значенія; утверждая подобныя вещи, онъ на основаніи чисто внѣшняго различія выворачиваетъ факты на изнанку. У доисторическихъ народовъ окружающая ихъ природа была рѣшающей экономической силой и, какъ таковая, имѣла наибольшее вліяніе на ихъ мысли и чувства. Критика Баксомъ историческаго матеріализма еще потому почти всегда не попадаетъ въ цѣль, что онъ ультра-ортодаксаленъ именно тамъ, гдѣ въ проведеніи историческаго матеріализма всего болѣе было допущено преувеличеній.

ціальныхъ отношеній зависятъ въ настоящее время гораздо меньше отъ экономіи, чѣмъ прежде. Или, во избѣжаніе недоразумѣній, скажемъ, что нынѣ достигнутое состояніе экономическаго развитія предоставляетъ идеологическимъ и особенно этическимъ факторамъ больше мѣста для самостоятельной дѣятельности, чѣмъ это было прежде. Вслѣдствіе этого причинная связь между технико-экономическимъ развитіемъ и развитіемъ прочихъ соціальныхъ учрежденій дѣлается все болѣе посредственной и съ нею вмѣстѣ естественная неизбѣжность первыхъ становится все менѣе опредѣляющей для той формы, которую примутъ послѣднія.

„Желѣзная неизбѣжность исторіи“ (der «Geschichte ehernes Muss») испытала такимъ образомъ ограниченіе, означающее для практики соціалдемократіи не уменьшеніе, но повышеніе или квалифицированіе соціально-политическихъ задачъ.

Теперь, послѣ всего сказаннаго, матеріалистическое пониманіе исторіи представляется въ другомъ видѣ, чѣмъ какъ оно прежде изображалось его творцами. У нихъ самихъ оно совершило свое развитіе, у нихъ самихъ получило ограниченіе своего абсолютнаго значенія. Такова, какъ сказано, исторія каждой теоріи. Было бы величайшимъ шагомъ

назадъ возвращаться отъ зрѣлой формы, данной ей Энгельсомъ въ письмахъ къ К. Шмидту и въ письмахъ, опубликованныхъ въ «Sozial. Akademiker», къ первоначальнымъ опредѣленіямъ, и, опираясь на нихъ, придавать этой теоріи «монистическое» значеніе. Слѣдуетъ, скорѣе, дополнять первоначальныя опредѣленія этими письмами. Основная мысль теоріи не потеряетъ отъ этого въ единствѣ, но сама теорія выиграетъ въ научности. Благодаря этимъ дополненіямъ она впервые дѣйствительно превращается въ теорію научнаго пониманія исторіи. Въ своей первоначальной формѣ она могла въ рукахъ Маркса стать рычагомъ для замѣчательнѣйшихъ историческихъ открытій, но она же приводила даже его геній къ невѣрнымъ выводамъ [1]). Къ какимъ же ошибкамъ могла эта теорія приводить тѣхъ, кто не обладалъ ни его геніемъ, ни его познаніями. Научнымъ основаніемъ соціалистической теоріи можно въ настоящее время считать матеріалистическое пониманіе исторіи лишь въ приведенномъ выше расширеніи; во всѣ же выводы, которые будутъ сдѣланы

[1]) «Гораздо легче», говоритъ Марксъ въ одномъ много цитированномъ мѣстѣ «Капитала», «анализомъ найти земную сущность религіозныхъ представленій, чѣмъ, наоборотъ, изъ обычныхъ, реальныхъ жизненныхъ отношеній выводить ихъ позднѣйшія неземныя формы. Послѣдній методъ единственный матеріалистическій и потому единственный научный методъ» (Капиталъ, т. 1. изд. О. Н. Поповой с. 300). Въ этомъ противопоставленіи заключается крупное преувеличеніе. Не имѣя знакомства съ неземными формами, такой способъ развитія вызоветъ повсюду произвольныя построенія; при знакомствѣ же съ ними упомянутая форма развитія есть средство научнаго анализа, но не научная противоположность аналитическаго объясненія.

безъ того, чтобы обращать вниманіе или достаточное вниманіе на указанное измѣнчивое вліяніе матеріальныхъ и идеологическихъ силъ, должны быть внесены поправки соотвѣтственно этому вліянію, все равно, дѣлаются ли они самими творцами теоріи или другими лицами.

* * *

Изложенное выше было уже написано, когда я получилъ октябрьскій номеръ „Deutsche Worte“ 1898 г. со статьей В. Гейне: „Paul Barte's Geschichtsphilosophie und seine Einwände gegen den Marxismus“. Гейне защищаетъ Марксово пониманіе исторіи отъ упрека извѣстнаго лейпцигскаго доцента, утверждающемъ, что эта доктрина сводитъ понятіе матеріальнаго къ техники-экономическому, такъ что къ ней скорѣе подходитъ опредѣленіе экономическаго пониманія исторіи. Онъ противопоставляетъ этому замѣчанію цитированныя письма Энгельса 90-хъ годовъ и дополняетъ ихъ нѣкоторыми собственными достойными вниманія замѣчаніями объ отдѣльныхъ доказательствахъ марксизма и происхожденіи, развитіи и силѣ дѣйствія идеологій. По его мнѣнію, марксистская теорія можетъ сдѣлать въ пользу идеологіи больше уступокъ, чѣмъ она это до сихъ поръ дѣлала, не теряя ничего въ своей теоретической цѣльности; она должна дѣлать теоріи такія уступки, чтобъ оставаться научной теоріей, достаточно правильно оцѣнивающей существующіе факты. Дѣло идетъ не о томъ, забыли ли марксистскіе писатели нигдѣ не отрицаемую связь между вліяніемъ пережитыхъ

идей и новыми экономическими фактами или недостаточно подчеркивали ее,—но о томъ, есть ли мѣсто полному признанію этой связи въ системѣ матеріалистическаго пониманія исторіи.

Принципіально такая постановка вопроса безусловно вѣрна. Здѣсь дѣло идетъ, какъ впрочемъ вездѣ въ наукѣ, о вопросѣ предѣла. Такъ ставитъ его и Карлъ Каутскій въ своемъ сочиненіи: „Was kann die materialistische Geschichtsauffassung leisten"? Но не нужно упускать изъ виду, что первоначально вопросъ ставился не въ этихъ границахъ: технически-экономическому фактору приписывалась почти неограниченная опредѣляющая сила въ исторіи.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Гейне, споръ идетъ о количественномъ отношеніи опредѣляющихъ факторовъ; онъ прибавляетъ, что рѣшеніе имѣетъ „скорѣе практическую, чѣмъ теоретическую важность".

Я бы сказалъ вмѣсто „скорѣе, чѣмъ"—„такую же, какъ" важность. Но что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ вопросомъ большой практической важности, есть также и мое убѣжденіе. Практически очень важно исправлять, на основаніи узнаннаго количественнаго отношенія другихъ факторовъ, положенія, зиждящіяся на признаніи чрезмѣрно высокаго значенія за технико-экономическимъ опредѣляющимъ факторомъ въ исторіи. Мало того, чтобы практика исправляла теорію, теорія—если она вообще можетъ имѣть какую-нибудь цѣну—должна умѣть признавать значеніе поправки.

Тогда въ концѣ концовъ возникаетъ вопросъ, до какой степени матеріалистическое пониманіе

исторіи можетъ имѣть притязаніе на самое свое названіе, разъ мы будемъ продолжать расширять его вышеупомянутымъ образомъ,—постояннымъ введеніемъ поправокъ. Дѣйствительно, по приведеннымъ Энгельсомъ объясненіямъ, оно не чисто матеріалистическое, не говоря уже о томъ, что оно не чисто экономическое. Я не отрицаю, что слово не вполнѣ покрываетъ заключающееся въ немъ понятіе. Но я ищу прогресса не въ сглаживаніи, а въ ясномъ опредѣленіи понятій, и такъ какъ при названіи исторической теоріи рѣчь прежде всего идетъ о томъ, чтобъ узнать, чѣмъ она отличается отъ другихъ,—то я, нисколько не соблазняясь названіемъ книги Барта «Экономическое пониманіе исторіи», готовъ считать его наиболѣе подходящимъ обозначеніемъ для марксистской исторической теоріи.

На важности, которую эта теорія придаетъ экономіи, основано ея значеніе; въ изученіи и оцѣнкѣ экономическихъ фактовъ заключаются ея великія заслуги передъ исторической наукой; она же щедро обогатила эту отрасль человѣческаго знанія. Экономическое пониманіе исторіи не означаетъ признанія значенія за однѣми экономическими силами, за одними экономическими мотивами; оно признаетъ только, что экономія всегда является рѣшающей силой, исходнымъ пунктомъ крупныхъ движеній въ исторіи. Въ выраженіи «матеріалистическое пониманіе исторіи» заранѣе заключены всѣ недоразумѣнія, которыя вообще связаны съ понятіемъ матеріализма. Философскій или естественно-научный матеріализмъ вполнѣ детерминистиченъ, чего нельзя сказать о марксистскомъ пониманіи исторіи; оно не

признаетъ за экономическимъ основаніемъ жизни народовъ никакого безусловно опредѣляющаго вліянія на ея формы.

c) Марксистское ученіе о классовой борьбѣ и о развитіи капитала.

Ученіе о борьбѣ классовъ основано на матеріалистическомъ пониманіи исторіи. «Считается», пишетъ Энгельсъ въ книгѣ противъ Дюринга, «что вся исторія [1]) до сихъ поръ была исторіей борьбы классовъ, что эти борющіеся между собой классы суть результаты условій производства и обмѣна, однимъ словомъ, экономическихъ отношеній своей эпохи». (3-е изд. стр. 12). Классовая борьба между капиталистическими собственниками орудій производства и лишенными ихъ производителями, наемными рабочими, налагаетъ особенный отпечатокъ на современное общество. Названіе буржуазія для перваго и пролетаріатъ для второго класса взяты Марксомъ изъ Франціи, гдѣ они въ то время какъ онъ разработывалъ свою теорію, особенно охотно употреблялись тамошними соціалистами. Эта классовая борьба между буржуазіей и пролетаріатомъ есть перенесенный на людей антагонизмъ современныхъ производственныхъ отношеній, а именно частнаго характера способа присвоенія и общественнаго характера способа производства.

[1]) Въ четвертомъ изданіи сочиненія «Развитіе соціализма» вслѣдъ за этимъ помѣщены слова: «за исключеніемъ первобытнаго состоянія»,—имѣющія ограничительный смыслъ.

Средства производства составляютъ собственность отдѣльныхъ капиталистовъ, присвоивающихъ себѣ доходы отъ производства, но само производство сдѣлалось уже общественнымъ процессомъ, т.-е. производствомъ потребительныхъ благъ многими людьми на основаніи планомѣрнаго раздѣленія и организаціи труда. И этотъ антагонизмъ скрываетъ въ себѣ или порождаетъ еще второй: планомѣрное раздѣленіе и организація труда внутри промышленныхъ заведеній (мастерскія, фабрики) противопоставляется безпорядочной продажѣ продуктовъ на рынкѣ.

Исходнымъ пунктомъ классовой борьбы между капиталистами и рабочими является антагонизмъ интересовъ, какъ онъ создается изъ характера оцѣнки первыми труда послѣднихъ. Изслѣдованія этого процесса оцѣнки привели въ ученію о цѣнности и о производствѣ и присвоеніи прибавочной цѣнности.

Характерно для капиталистическаго производства и для основаннаго на немъ общественнаго строя то, что люди въ своихъ экономическихъ отношеніяхъ противопоставляются другъ другу, какъ продавцы и покупатели. Оно признаетъ въ экономической жизни не формальныя, а дѣйствительныя, вытекающія изъ чисто экономическихъ фактовъ (владѣніе, наемъ и т. д.) отношенія зависимости. Рабочій продаетъ капиталисту свою рабочую силу, на опредѣленное время и на опредѣленныхъ условіяхъ, за опредѣленную цѣну, т.-е. за заработную плату. Капиталистъ продаетъ полученную при помощи рабочаго, т.-е. при помощи совокупности всѣхъ

занятыхъ у него рабочихъ массу продукта на рынкѣ за цѣну, которая вообще и какъ условіе дальнѣйшаго существованія его предпріятія даетъ излишекъ сравнительно съ суммой, затраченной на производство. Но что же такое этотъ излишекъ?

По Марксу, это прибавочная цѣнность произведеннаго рабочимъ труда. Товары обмѣниваются на рынкѣ по цѣнѣ, опредѣленной овеществленнымъ въ нихъ трудомъ, измѣряемымъ временемъ. То, что капиталистъ вложилъ въ производство въ видѣ затраченнаго уже,—можно сказать,—мертваго труда въ формѣ сырого и вспомогательнаго матеріала, изнашиванія машинъ, найма помѣщенія и другихъ издержекъ, неизмѣнно появляется снова въ цѣнности продукта. Другое дѣло употребленный живой трудъ. За него капиталистъ заплатилъ заработную плату, онъ приноситъ ему барышъ, противоцѣнность трудовой цѣнности. Трудовая цѣнность есть цѣнность заключающагося въ продуктѣ количества труда; заработная плата есть покупная цѣна затраченной въ производствѣ рабочей силы. Цѣна, т.-е. цѣнность рабочей силы, опредѣляется необходимыми издержками на поддержаніе жизни рабочаго соотвѣтственно исторически выработаннымъ жизненнымъ его привычкамъ. Разница между противоцѣнностью (выручкой) трудовой цѣнности и заработной платой есть прибавочная цѣнность; по возможности повышать ее и во всякомъ случаѣ не давать ей опуститься составляетъ естественное стремленіе капиталиста.

Но конкуренція на товарномъ рынкѣ постоянно вліяетъ на цѣну товаровъ и усиленіе сбыта достигается только путемъ все бо̀льшаго удешевленія производства. Капиталистъ можетъ достигнуть этого удешевленія троякимъ способомъ: пониженіемъ заработной платы, удлиненіемъ рабочаго времени, повышеніемъ производительности труда. Такъ какъ для первыхъ двухъ всегда существуютъ опредѣленныя границы, то его энергія всегда направляется на послѣднее. Въ болѣе развитомъ капиталистическомъ обществѣ преобладающими средствами удешевленія производства служатъ: лучшая организація труда, напряженность его и усовершенствованіе машинъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ слѣдствіемъ является измѣненіе того, что Марксъ называетъ органическимъ строеніемъ капитала. Отношеніе доли капитала, затрачиваемой на сырой матеріалъ, на орудія производства и т. д., повышается; часть же капитала, затрачиваемая на заработную плату, понижается; то же количество продукта изготовляется меньшимъ количествомъ рабочихъ, либо бо̀льшее количество продуктовъ—прежнимъ или даже уменьшеннымъ числомъ рабочихъ. Отношеніе прибавочной цѣнности къ части капитала, затрачиваемой на заработную плату, Марксъ называетъ нормой прибавочной цѣнности или степенью эксплуатаціи; отношеніе прибавочной цѣнности ко всему вложенному въ производство капиталу—нормой прибыли. Изъ предыдущаго ясно, что норма прибавочной цѣнности можетъ повышаться въ то время, какъ норма прибыли можетъ падать.

Въ зависимости отъ характера отрасли производства мы находимъ чрезвычайно разнообразное органическое строеніе капитала. Есть предпріятія,

гдѣ несоотвѣтственно большая часть капитала затрачивается на средства производства, на сырой матеріалъ и т. д. и относительно только небольшая часть на заработную плату; въ другихъ же заработная плата поглощаетъ значительную часть капитала. Первыя представляютъ высшее, послѣднія низшее органическое строеніе капитала. Если бы повсюду царило одинаковое пропорціанальное отношеніе между полученной прибавочной цѣнностью и заработной платой, то въ этихъ послѣднихъ отрасляхъ производства норма прибыли должна была бы во многихъ случаяхъ значительно превышать нормы прибыли первыхъ группъ. Это не имѣетъ, однако, мѣста. Въ дѣйствительности, въ развитомъ капиталистическомъ обществѣ товары продаются не по ихъ трудовой цѣнности, но по ихъ производственнымъ цѣнамъ, слагающимся изъ издержекъ производства (заработной платы, плюсъ затраченный мертвый трудъ) и прибавочной суммы, соотвѣтствующей средней прибыли общественнаго производства или нормѣ прибыли тѣхъ отраслей производства, въ которыхъ органическое строеніе капитала свидѣтельствуетъ о среднемъ отношеніи капитала, затрачиваемаго на заработную плату, къ остальному затраченному капиталу. Такимъ образомъ, цѣны товаровъ ни въ какомъ случаѣ не зависятъ въ различныхъ отрасляхъ производства отъ ихъ цѣнности. Въ однихъ онѣ постоянно много ниже, въ другихъ постоянно превышаютъ цѣнность и только въ отрасляхъ производства средняго органическаго строенія капитала онѣ приближаются къ своей цѣнности. Законъ цѣнности совершенно исчезаетъ изъ

сознанія производителей; онъ дѣйствуетъ лишь у нихъ за спиной, регулируя въ болѣе долгихъ промежуткахъ времени высоту средней нормы прибыли.

Принудительный законъ конкурренціи и растущее количество общественнаго капитала дѣйствуютъ на постоянное пониженіе нормы прибыли, которое задерживается противоположно дѣйствующими силами, но не можетъ быть вполнѣ остановлено. Перепроизводство капитала идетъ рука объ руку съ созданіемъ излишняго числа рабочихъ. Все бо́льшая централизація охватываетъ промышленность, торговлю и сельское хозяйство; происходитъ все сильнѣйшая экспропріація мелкихъ капиталистовъ болѣе крупными. Періодическіе кризисы, вызываемые анархіей въ производствѣ, въ связи съ недостаточнымъ потребленіемъ массъ, принимаютъ все болѣе рѣзкій характеръ, дѣйствуя все разрушительнѣе; они такимъ образомъ все болѣе способствуютъ уничтоженію множества мелкихъ капиталистовъ, процессу централизаціи и экспропріаціи. Съ одной стороны, все чаще и чаще встрѣчается коллективистская—кооперативная—форма процесса труда и все въ возрастающей степени, съ другой, растетъ «съ постоянно уменьшающимся числомъ крупныхъ капиталистовъ, узурпирующихъ и монополизирующихъ всѣ выгоды этого процесса превращенія,—масса нищеты, гнета, рабства, вырожденія, эксплуатаціи, но въ то же время растетъ и недовольство рабочаго класса, постоянно увеличивающагося въ числѣ, вышколеннаго, соединеннаго и организованнаго механизмомъ самого капиталистическаго процесса производства». Такимъ образомъ,

ходъ развитія направляется къ такому пункту, гдѣ монополія капитала станетъ стѣсненіемъ для расцвѣтшаго съ нимъ же способа производства. Тогда произойдутъ коренныя реформы...

Такова, по ученію Маркса, историческая тенденція капиталистическаго способа производства, т.-е. присвоенія. Классъ, призванный къ совершенію великихъ будущихъ реформъ, есть классъ рабочихъ, пролетаріатъ. Съ этой цѣлью его нужно организовать въ классовую политическую партію. Этотъ классъ овладѣетъ въ извѣстный моментъ государственной властью и «превратитъ орудія производства въ собственность государства. Но для этого пролетаріатъ уничтожитъ себя, какъ пролетаріатъ, уничтожитъ всѣ классовыя различія и классовыя противорѣчія, а также и государство, какъ государство». Прекратится среди отдѣльныхъ лицъ борьба за существованіе со всѣми ея конфликтами и эксцессами; государству некого будетъ болѣе давить и оно «умретъ» (Энгельсъ. Развитіе соціализма).

* * *

Таковы въ возможно болѣе сжатомъ изложеніи важнѣйшія положенія той части ученія Маркса, которую мы причисляемъ къ чистой теоріи основаннаго на ней соціализма. Эта часть ученія также мало или даже еще меньше, чѣмъ матеріалистическое пониманіе исторіи, возникла въ законченной формѣ въ головѣ своего творца. Здѣсь еще больше, чѣмъ тамъ, можно доказать развитіе ученія, которое, при сохраненіи основной точки зрѣнія, состоитъ въ постепенномъ ограниченіи положеній, сперва

высказанныхъ въ аподиктической (безспорной) формѣ. Это измѣненіе ученія начато самими Марксомъ и Энгельсомъ. Въ предисловіи къ «Капиталу» (1867), въ предисловіи къ новому изданію «Коммунистическаго манифеста» (1872), въ предисловіи и одномъ примѣчаніи къ новому изданію «Нищеты философіи» (1881) и въ предисловіи къ «Klassenkämpfe in der Französischen Revolution» (1895) указаны нѣкоторыя измѣненія, которыя совершались въ воззрѣніяхъ Маркса и Энгельса съ теченіемъ времени относительно нѣкоторыхъ важнѣйшихъ вопросовъ. Но при окончательной выработкѣ теоріи удѣлено вниманіе не всѣмъ подлежавшимъ констатированію измѣненіямъ, отдѣльныхъ частей теоріи или ея основаній. Приведу примѣръ: въ предисловіи къ новому изданію «Коммунистическаго Манифеста» Марксъ и Энгельсъ говорятъ объ изложенной въ немъ революціонной программѣ: «Въ сравненіи съ громаднымъ въ послѣднія 25 лѣтъ развитіемъ крупной промышленности и развивающейся вмѣстѣ съ нею партійной организаціи рабочаго класса, въ сравненіи съ практическими уроками, преподанными сперва февральской революціей и еще болѣе парижской коммуной, когда пролетаріатъ впервые въ теченіе двухъ мѣсяцевъ держалъ въ своихъ рукахъ политическую власть,—эта программа теперь мѣстами устарѣла. Такъ коммуна доставила доказательство, что рабочій классъ не можетъ прямо овладѣть готовой государственной машиной и пустить ее въ ходъ для своихъ собственныхъ цѣлей». Это было написано въ 1872 г. Но пять лѣтъ спустя, въ полеми-

ческомъ сочиненіи противъ Дюринга, снова, однако, говорится: «Пролетаріатъ овладѣетъ государственной властью и превратитъ орудія производства въ государственную собственность». (1-е изд. стр. 233, 3-е изд. стр. 308). А въ новомъ изданіи «Enthüllungen über den Kommunistenprocesz» Энгельсъ въ 1885 г. помѣщаетъ революціонную программу 1848 года, основанную на прежнихъ воззрѣніяхъ, и циркуляръ исполнительнаго комитета коммунистическаго союза, составленный въ томъ же духѣ; при этомъ онъ о первомъ дѣлаетъ лишь лаконическое замѣчаніе, что изъ него «и теперь кое-чему можно научиться», а о второмъ,—«что кое-что изъ сказаннаго тамъ остается въ силѣ еще и теперь» (стр. 14). Можно ссылаться на выраженія «кое-чему», «кое-что» и объяснить, что положенія слѣдуетъ понимать лишь условно, но этимъ, какъ мы еще увидимъ, дѣло не улучшается. Марксъ и Энгельсъ ограничились только намеками на то обратное вліяніе, которое признанныя ими измѣненія въ фактахъ и лучшее знакомство съ фактами должно имѣть на выработку и примѣненіе теоріи; установили же они это вліяніе только относительно отдѣльныхъ пунктовъ. И въ послѣднемъ отношеніи у нихъ также нѣтъ недостатка въ противорѣчіяхъ. Марксъ и Энгельсъ оставили своимъ послѣдователямъ задачу возстановить единство въ теоріи и единеніе между теоріей и практикой.

Эта задача можетъ, однако, быть исполнена лишь въ томъ случаѣ, если отдавать себѣ полный отчетъ въ пробѣлахъ и противорѣчіяхъ, встрѣчающихся въ теоріи. Другими словами, дальнѣйшее развитіе и обработка марксистскаго ученія должны

начинаться съ его критики. Теперь дѣло обстоитъ такъ, что сочиненіями Маркса и Энгельса можетъ быть доказано, что угодно. Это представляетъ большія удобства для апологетовъ и литературныхъ крючкотворовъ. Но кто сохранилъ въ себѣ хоть немного теоретическаго смысла, для кого научность соціализма не есть «лишь показная вещица, которую вынимаютъ изъ шкафа съ серебромъ только по праздничнымъ днямъ, но на которую обыкновенно не обращаютъ вниманія», тотъ будетъ ощущать потребность, разъ только онъ сознаетъ эти противорѣчія, привести ихъ въ порядокъ. Въ этомъ, а не въ вѣчномъ повтореніи словъ учителя, заключается задача учениковъ.

Въ такомъ смыслѣ излагается въ дальнѣйшемъ критика нѣкоторыхъ элементовъ марксистскаго ученія. Желаніе придать этому сочиненію сжатый объемъ и вынужденная необходимость написать его въ нѣсколько недѣль объясняютъ полное отсутствіе попытокъ исчерпать предметъ. Въ то же время считаю умѣстнымъ заявить разъ навсегда, что я не имѣлъ претензій на оригинальность критики. Бо̀льшая часть, если не все изъ того, что изложено ниже, уже разобрано или, по крайней мѣрѣ, намѣчено другими. Такимъ образомъ, значеніе этого сочиненія заключается не въ томъ, что оно открываетъ неизвѣстное, а въ томъ, что оно признаетъ уже открытое.

Но и это—необходимая работа. Самъ, кажется, Марксъ писалъ однажды относительно судебъ теорій: «Возлюбленная Мора можетъ погибнуть лишь отъ руки Мора». Заблужденія ученія лишь

тогда могутъ считаться опровергнутыми, когда они будутъ признаны таковыми приверженцами ученія. Такое признаніе не говоритъ еще о гибели ученія. Скорѣе можетъ случиться, что послѣ разрѣшенія того, что считается невѣрнымъ—да будетъ мнѣ позволено употребить Лассалевское выраженіе—въ концѣ концовъ Марксъ останется правъ относительно Маркса!

ГЛАВА II.

Марксизмъ и Гегелевская діалектика.

а) Ловушки гегельянско-діалектическаго метода.

«Во время долгихъ, нерѣдко всю ночь длившихся споровъ я заражалъ его—къ большому для него вреду—гегельянствомъ».

Карлъ Марксъ о Прудонѣ.

Марксистское пониманіе исторіи и основанное на немъ соціалистическое ученіе были выработаны въ своей первоначальной формѣ между 1844 и 1847 гг. въ то время, когда въ западной и средней Европѣ существовало сильное революціонное броженіе. Они могутъ быть названы самыми радикальными продуктами этой эпохи.

Въ Германіи это время было эпохой усиленнаго буржуазнаго либерализма. Какъ и въ другихъ странахъ, идеологи—представители класса, борющагося противъ существующаго строя, — далеко переходили за практическія потребности этого класса. Буржуазія, — т. е. широкій слой нефеодальныхъ и ненаходящихся въ наемныхъ отношеніяхъ клас-

совъ,—боролась противъ еще наполовину феодальнаго государственнаго абсолютизма; ея представители—философы начали съ отрицанія абсолютнаго, чтобы окончить отрицаніемъ государства.

Философское теченіе, нашедшее въ этомъ отношеніи въ Максѣ Штирнерѣ своего наиболѣе радикальнаго представителя, извѣстно, какъ крайняя лѣвая гегельянской философіи. По словамъ Фр. Энгельса, жившаго, какъ и Марксъ, нѣкоторое время въ этомъ кругу,—они оба были въ Берлинѣ близки со «свободными» собиравшимися гипельскомъ погребкѣ,—представители этого направленія, отвергнувъ гегелевскую систему, удовлетворились тѣмъ не менѣе его діалектикой; въ результатѣ, подъ вліяніемъ отчасти практической борьбы съ положительной религіей, отчасти же Людвига Фейербаха, они пришли къ полному признанію матеріализма. Марксъ и Энгельсъ не остановились, однако, на все еще преимущественно естественно-научномъ матеріализмѣ Фейербаха, но, при помощи діалектики, лишенной ими ея мистическаго характера, и подъ вліяніемъ разыгравшейся во Франціи и еще болѣе въ Англіи классовой борьбы между буржуазіей и рабочимъ классомъ, они развили свою теорію историческаго матеріализма.

Энгельсъ съ большой энергіей подчеркивалъ значеніе діалектическаго метода при возникновеніи этой теоріи. По примѣру Гегеля, онъ различаетъ метафизическое и діалектическое сужденіе о вещахъ и говоритъ, что первое состоитъ въ томъ, что вещи или ихъ мысленныя изображенія, понятія, разсматриваются каждое отдѣльно, какъ неподвижныя, разъ навсегда данные предметы. Послѣднее же

ученіе, наоборотъ, разсматриваетъ ихъ въ ихъ связи, ихъ измѣненіяхъ, переходахъ, при чемъ оказывается, что оба полюса противорѣчія, какъ положительный, такъ и отрицательный, взаимно проникаются, несмотря на всю ихъ противоположность. Но въ то время, какъ Гегель понималъ діалектику, какъ саморазвитіе понятія, у Маркса и у Энгельса діалектика понятія сдѣлалась сознательнымъ рефлексомъ діалектическаго движенія дѣйствительнаго міра, чѣмъ гегелевская діалектика, «стоявшая на головѣ, снова была поставлена на ноги».

Такъ говоритъ Энгельсъ въ своемъ сочиненіи «Людвигъ Фейербахъ и происхожденіе классической философіи».

Но не такъ-то легко поставить діалектику «на ноги». Какъ всегда бываетъ въ дѣйствительности, лишь только мы покидаемъ почву эмпирически установленныхъ фактовъ и начинаемъ мыслить помимо нихъ, мы попадаемъ въ міръ производныхъ понятій; если мы въ такомъ случаѣ станемъ слѣдовать законамъ діалектики, какъ ихъ установилъ Гегель, то мы очутимся, прежде чѣмъ это замѣтимъ, снова въ тискахъ «саморазвитія понятія». Въ этомъ крупная научная опасность для гегелевской логики противорѣчій. Ея положенія при извѣстныхъ условіяхъ могутъ служить для приданія нагляднаго характера отношеніямъ и развитію реальныхъ предметовъ [1]). Они могли бы быть очень полезны также

[1]) Хотя и здѣсь естественное положеніе вещей этой теоріей часто скорѣе затемняется, чѣмъ разъясняется. Тотъ фактъ, что измѣненіе въ количественномъ отношеніи составныхъ частей

для формулировки научныхъ задачъ и быть толчкомъ важнымъ открытіямъ. Но разъ на почвѣ этихъ положеній будетъ основано то или другое развитіе, то наступаетъ опасность произвольныхъ построеній. Эта опасность тѣмъ значительнѣе, чѣмъ сложнѣе предметъ, о развитіи котораго идетъ рѣчь. При довольно простомъ объектѣ главнымъ образомъ опытъ и способность логическаго сужденія предохраняютъ насъ отъ увлеченій такими аналогіями, какъ «отрицаніе отрицанія» до выводовъ, лежащихъ за предѣлами правдободобности. Но чѣмъ сложнѣе данный объектъ, чѣмъ больше число его элементовъ, чѣмъ разнороднѣе его природа и чѣмъ разнообразнѣе отношеніе его силъ, тѣмъ меньше могутъ такія положенія намъ говорить объ его развитіи, такъ какъ всякое мѣрило оцѣнки теряется тамъ, гдѣ сужденія составляются на основаніи этихъ положеній.

Но этимъ вовсе не отрицаются заслуги гегелевской діалектики. Напротивъ, что касается до ея вліянія на историческую работу, то Фр. А. Ланге прекрасно оцѣнилъ ее, замѣчая о ней въ своемъ «Рабочемъ вопросѣ», что гегелевскую историческую философію съ ея основнымъ положеніемъ—развитіемъ путемъ противоположностей и ихъ примиреніемъ—можно «назвать почти антропологическимъ открытіемъ». Но Ланге въ то же время «почти» вложилъ перстъ въ рану, прибавивъ, что «какъ въ жизни индивидуума, такъ и въ исторіи развитіе путемъ противоположностей совершается не такъ легко и радикально, не такъ, точно и симметрично, какъ въ спекулятивныхъ построеніяхъ» (3-е изд., стр. 248—49). Для прошедшаго это признаетъ теперь каждый марксистъ, но для будущаго и даже для очень близкаго будущаго это должно быть по ученію Маркса иначе. «Коммунистическій манифестъ» объявилъ въ 1847 г., что буржуазная революція, наканунѣ которой, по его мнѣнію, стояла Германія, при достаточномъ развитіи пролетаріата и прогрессивныхъ условіяхъ европейской цивилизаціи «можетъ быть лишь непосредственной прелюдіей для пролетарской революціи».

Этотъ историческій самообманъ, которому едва ли могъ бы поддаться какой нибудь политическій мечтатель, былъ бы непонятенъ у Маркса, уже въ то время серьезно занимавшагося экономикой, если не смотрѣть на этотъ самообманъ, какъ на продуктъ остатковъ гегелевской діалектики противорѣчій, отъ котораго Марксъ—какъ и Энгельсъ—не могъ вполнѣ отдѣлаться всю свою жизнь, а тогда, во время всеобщаго броженія, долженъ былъ быть въ тѣмъ

какого-нибудь предмета измѣняетъ его свойства, очень неудачно и внѣшне передается выраженіемъ о «переходѣ количества въ качество».

Здѣсь будетъ умѣстно замѣтить, что я принимаю Энгельсовское опредѣленіе понятія метафизическаго и діалектическаго воззрѣній съ оговоркой, что квалифицирующія слова «метафизическій» и «діалектическій» должны имѣть значеніе въ приведенномъ здѣсь смыслѣ только для этого противопоставленія. Вообще же, метафизическое разсмотрѣніе вещей и разсмотрѣніе вещей каждая въ отдѣльности и въ ихъ кристаллизаціи, по-моему, двѣ совершенно разныя вещи.

Скажу еще, что мнѣ, само собой разумѣется, и не приходитъ въ голову критиковать здѣсь самого Гегеля, ни оспаривать великія заслуги, оказанныя наукѣ этимъ замѣчательнымъ мыслителемъ. Я имѣю дѣло съ его діалектикой, поскольку она оказала вліяніе на соціалистическую теорію.

бо́льшей отъ него зависимости. Мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло не только съ чрезмѣрно высокой оцѣнкой результатовъ политической борьбы, какъ это часто случается у энтузіастовъ-вожаковъ и доставляетъ имъ при извѣстныхъ условіяхъ быстрый успѣхъ,—но съ чисто-спекулятивнымъ предвосхищеніемъ зрѣлости экономическаго и соціальнаго развитія, въ дѣйствительности едва пустившаго первые ростки. То, что для своего осуществленія требуетъ нѣсколькихъ поколѣній, то въ освѣщеніи философіи развитія, путемъ противоположностей и въ противоположностяхъ разсматривалось уже какъ непосредственный результатъ политическаго переворота, который далъ бы буржуазному классу свободный просторъ для развитія. И если Марксъ и Энгельсъ уже два года послѣ изданія манифеста считали себя вынужденными — при расколѣ коммунистическаго союза—напомнить своимъ противникамъ въ союзѣ «о неразвитомъ состояніи германскаго пролетаріата» и протестовать противъ того, чтобъ «дѣлать слово пролетаріатъ священнымъ», то это было лишь результатомъ минутнаго отрезвленія. Въ другихъ формахъ то же самое противорѣчіе между дѣйствительной и конструированной зрѣлостью развитія должно было повториться еще не разъ.

Такъ какъ дѣло здѣсь касается пункта, который, по моему мнѣнію, является наиболѣе роковымъ для ученія Маркса-Энгельса, то мнѣ дозволено будетъ привести примѣръ, относящійся къ недавнему прошлому.

Въ своей полемикѣ съ одной южно-германской соціалъ-демократической газетой Фр. Мерингъ недавно снова привелъ въ «Leipziger Volkszeitung» выдержку изъ предисловія ко второму изданію сочиненія Ф. Энгельса «Zur Wohnungsfrage», гдѣ Энгельсъ говоритъ о «существованіи извѣстнаго мелко-буржуазнаго соціализма» въ германской соціалдемократіи, находящаго своихъ представителей «вплоть до фракціи рейхстага». Энгельсъ видитъ мелко-буржуазный характеръ этого направленія въ томъ, что хотя оно и признаетъ основныя воззрѣнія современнаго соціализма правильными, но откладываетъ ихъ осуществленіе на отдаленное время, при чемъ «для настоящаго указывается лишь наложеніе соціальныхъ заплатъ». Энгельсъ считаетъ это направленіе въ Германіи вполнѣ понятнымъ, хотя и не опаснымъ при «удивительномъ здравомъ смыслѣ» нѣмецкихъ рабочихъ. Мерингъ ставитъ эти выводы въ связь со споромъ по поводу вопроса о субсидіяхъ судоходству, который незадолго до его изложенія разыгрался въ нѣмецкой соціалдемократіи и который онъ выставляетъ «первымъ крупнымъ разногласіемъ въ партіи по поводу практической политики и пролетарско-революціонной тактики въ партіи». То, что говоритъ Энгельсъ въ данномъ мѣстѣ, есть по мнѣнію Меринга, то же самое, что «думаютъ и хотятъ» представители пролетарско-революціоннаго направленія, къ которому онъ себя причисляетъ; а хотятъ они отдѣленія отъ «мелко-буржуазныхъ соціалистовъ».

Нельзя отрицать, что Мерингъ правильно толкуетъ данное мѣсто у Энгельса. Тогда—въ январѣ 1887 г.—Энгельсъ такъ и смотрѣлъ на положеніе

вещей. За 15 мѣсяцевъ передъ тѣмъ онъ къ новому изданію «Enthüllungen über den Kommunistenprocess» приложилъ два имъ и Марксомъ въ мартѣ и іюнѣ 1850 г. изданныхъ доклада, которые политикой революціоннаго пролетаріата объявляли «постоянную революцію»; въ предисловіи онъ говоритъ, что многое изъ изложеннаго тамъ примѣнимо и къ имѣющему скоро наступить «европейскому потрясенію». Послѣднимъ изъ прежнихъ потрясеній такого рода выставлена здѣсь война 1870—71 г.; промежутки же между европейскими революціями равняются, по его мнѣнію, въ нашемъ столѣтіи 15—18 лѣтамъ.

Это было написано въ 1885—87 году. Нѣсколько лѣтъ спустя наступилъ въ германской соціалдемократіи конфликтъ съ такъ называемыми «молодыми». Конфликтъ долгое время назрѣвалъ, проявился же онъ въ 1890 г. по поводу вопроса о праздновапіи перваго мая въ видѣ остановки работы. Теперь никто не станетъ отрицать, что большинство «молодыхъ» искренно вѣрили, что они поступали по Энгельсу, борясь съ «тогдашнимъ оппортонизмомъ» фракціи рейхстага. Если они тогда называли большинство парламентскихъ фракцій «мелко-буржуазными»—то кто же другой былъ для нихъ при этомъ авторитетомъ, какъ *не* Энгельсъ? Вѣдь это большинство состояло изъ тѣхъ же людей, которые образовали оппортюнистское большинство въ вопросѣ о судовыхъ субсидіяхъ. Но когда тогдашняя редакція «Sächsische Arbeiterzeitung» въ концѣ концовъ сослалась въ видѣ аргумента на Энгельса, то отъ него, какъ это знаетъ Мерингъ, получился отвѣтъ совсѣмъ другого содержанія, чѣмъ

цитированное Мерингомъ замѣчаніе. Энгельсъ заявилъ, что онъ считаетъ движеніе молодыхъ «литературнымъ и студенческимъ бунтомъ», упрекалъ ихъ за «судорожно искривленный марксизмъ», и объявилъ, что тѣ упреки, которые съ этой стороны дѣлались парламентской фракціи, въ лучшемъ случаѣ сводились къ мелочамъ; пусть «Sächsische Arbeiterzeitung», сколько угодно, надѣется на побѣду здраваго смысла германскихъ рабочихъ надъ гоняющимся за успѣхомъ парламентскимъ направленіемъ въ соціалдемократіи,—онъ, Энгельсъ, такихъ надеждъ не раздѣляетъ, ему ничего неизвѣстно о такомъ большинствѣ въ партіи.

Что Энгельсъ при формулировкѣ этого заявленія слѣдовалъ лишь своему убѣжденію, этого никто не знаетъ лучше автора этихъ строкъ. Движеніе «молодыхъ», бывшее, по меньшей мѣрѣ, движеніемъ рабочихъ, и даже рабочихъ, принадлежавшихъ, во время законовъ о соціалистахъ, къ дѣятельнѣйшимъ агитаторамъ партіи, представлялось ему возмущеніемъ, устроеннымъ радикальствующими литераторами; проводимая ими политика казалась ему въ данный моментъ столь вредной, что сравнительно съ ней «мелко-буржуазныя прегрѣшенія» (Kleinbürgereien) парламентской фракціи представлялись мелочью.

Но сколь ни было «за отвѣтомъ», опубликованномъ въ «Sozialdemocrat» отъ 13 сент. 1890 г., политическихъ заслугъ, столь же, однако, сомнительно, былъ ли Энгельсъ въ остальномъ вполнѣ правъ, когда онъ такимъ образомъ отталкивалъ отъ себя «молодыхъ». Если бы европейская революція была

такъ близка, какъ онъ это говорилъ въ предисловіи къ «Enthüllungen»—а указанный тамъ срокъ, между прочимъ, уже наступилъ,—и если бы набросанная въ докладѣ тактика принципіально имѣла бы еще силу, то «молодые» дѣйствительно были бы плоть отъ плоти его, кровь отъ крови его. Въ противномъ случаѣ, въ ошибкѣ можно было менѣе обвинять «молодыхъ», чѣмъ сочиненія, пущенныя съ цѣлями пропаганды въ 1885 г. и 1887 г., къ которымъ были присоединены упомянутые доклады, чѣмъ положенія, допускающія двоякое толкованіе. Эта двусмысленность, столь мало свойственная характеру Энгельса, въ концѣ концовъ коренилась въ заимствованной у Гегеля діалектикѣ. Ея «да, нѣтъ и нѣтъ, да» вмѣсто: «да, да и нѣтъ, нѣтъ», ея взаимные переходы противоположностей и превращеніе количества въ качество, и другія діалектическія красоты всегда стояли препятствіемъ ясному представленію о значеніи признанныхъ измѣненій. Если схема развитія, построенная чисто по-гегеліански, должна была оставаться въ силѣ, то либо дѣйствительность должна была быть перетолкованной, либо при измѣреніи пути къ намѣченной цѣли должны были игнорироваться всѣ реальныя отношенія. Противорѣчіе вызывается тѣмъ, что крайняя тщательность въ изслѣдованіи экономической структуры общества, соотвѣтствующая пчелиному усердію генія, идетъ рука объ руку съ почти невѣроятнымъ игнорированіемъ бьющихъ въ глаза фактовъ. Такое же вліяніе оказываетъ то обстоятельство, что то самое ученіе, которое исходитъ изъ опредѣляющаго вліянія экономики на власть, превращается въ на-

стоящую вѣру въ чудеса, вѣру въ творческую силу власти, и что теоретическое превознесеніе соціализма до степени науки столь нерѣдко «обращается» («umschlägt») въ подчиненіе требованій научности тенденціи.

Чрезвычайно ненаучно, чтобъ не сказать больше, опредѣлять точку зрѣнія политика или теоретика, исходя только изъ его пониманія быстроты хода общественнаго развитія. Отождествленіе понятія «пролетарскій» съ представленіемъ о непремѣнномъ непосредственномъ прекращеніи противорѣчій вытекаетъ изъ очень низменнаго толкованія этого понятія. Все грубое, все пошлое было бы въ такомъ случаѣ олицетвореніемъ «пролетарскаго». Если вѣра въ каждый разъ въ недалекомъ будущемъ ожидаемую революціонную катастрофу создаетъ пролетарски-революціонныхъ соціалистовъ, то право на это названіе имѣютъ, прежде всего, революціонеры-бунтари. Въ научной теоріи долженъ по крайней мѣрѣ быть какой-нибудь раціональный масштабъ для границы, по одну сторону которой можно было бы найти идеалиста, а по другую—мелкаго буржуа. Но объ этомъ не было и рѣчи; оцѣнка остается дѣломъ чистаго произвола. Въ виду того, что отношенія между предметами кажутся всегда меньше, если наблюдать ихъ издалека, то на практикѣ обыкновенно наблюдается тотъ удивительный фактъ, что «мелко-буржуазное «пониманіе въ вышеуказанномъ смыслѣ встрѣчается у людей, которые сами, принадлежа къ рабочему классу, стоятъ въ ближайшемъ соприкосновеніи съ дѣйствительнымъ пролетарскимъ движеніемъ, тогда

какъ люди, принадлежащіе къ буржуазіи или живущіе въ буржуазныхъ условіяхъ, не имѣющіе вовсе никакого соприкосновенія съ рабочимъ людомъ, или знающіе его только по политическимъ собраніямъ, заранѣе настроеннымъ въ извѣстномъ тонѣ, — исполнены крайняго пролетарско-революціоннаго духа.

На закатѣ своей жизни Энгельсъ въ предисловіи къ «Klassenkämpfe» безусловно созналъ ошибку, сдѣланную Марксомъ и имъ въ оцѣнкѣ продолжительности періода соціальнаго и политическаго развитія. Заслуга, которую онъ оказалъ соціалистическому движенію тѣмъ сочиненіемъ, которое съ правомъ можно назвать его политическимъ завѣщаніемъ, еще не вполнѣ оцѣнена. Въ немъ заключается больше, чѣмъ то, что оно прямо высказываетъ. Но ни предисловіе не было мѣстомъ, гдѣ могли быть сдѣланы всѣ выводы, получающіеся изъ такъ искренно сдѣланнаго признанія, ни вообще можно было ожидать отъ Энгельса, чтобъ онъ самъ предпринялъ связанную съ признаніемъ провѣрку теоріи. Если бъ онъ это сдѣлалъ, то онъ долженъ былъ бы безусловно, если не открыто, то фактически порвать съ гегелевской діалектикой. Она—предательскій элементъ въ марксовской доктринѣ; она—ловушка, лежащая на пути всякаго послѣдовательно правильнаго разсмотрѣнія явленій. Но порвать съ ней не могъ или не хотѣлъ Энгельсъ. Онъ дѣлалъ выводы изъ пріобрѣтеннаго знанія только относительно извѣстныхъ методовъ и формъ политической борьбы. Какъ ни глубоки высказываемыя имъ въ

этомъ отношеніи мысли, но онѣ охватываютъ лишь часть области нынѣ возбужденныхъ вопросовъ.

Ясно, напримѣръ, что въ настоящее время мы смотримъ на политическую борьбу, о которой оставили намъ монографіи Марксъ и Энгельсъ, подъ нѣсколько другимъ угломъ зрѣнія, чѣмъ то дѣлали они сами. Ихъ сужденія о партіяхъ и о людяхъ не могли при иллюзіяхъ, которыя они создавали себѣ относительно хода событій, оказаться вполнѣ вѣрными, несмотря на вполнѣ реалистическій методъ наблюденія. Также не всегда вѣрной была и ихъ политика. Дополнительная поправка вовсе не имѣла бы практическаго значенія, если бы именно въ соціалистической исторіографіи, поскольку она касается новѣйшаго времени, преданіе не играло бы такой большой роли и если бы съ другой стороны не дѣлали бы ссылокъ на прежнюю борьбу.

Но важнѣе поправки, которую должна сдѣлать соціалистическая исторіографія новаго времени послѣ предисловія Энгельса, является поправка, вытекающая изъ этого предисловія для всего пониманія борьбы и задачъ соціалдемократіи. И это приводитъ насъ къ до сихъ поръ малоизслѣдованному вопросу о коренной внутренней связи марксизма съ бланкизмомъ и прекращеніи этой связи.

---

b) Марксизмъ и Бланкизмъ.

«Если нація заранѣе исчерпала источники своей силы»;

«Если въ странѣ нѣтъ производства и обмѣна»;

«Если деморализованные политикой клубовъ и бездѣйствіемъ національныхъ мастерскихъ рабочіе идутъ въ солдаты, чтобы только имѣть кусокъ хлѣба»...

«О, тогда вы узнаете, что такое революція, вызванная адвокатами, произведенная художниками и руководимая романистами и поэтами».

«Проснитесь же отъ сна, вы, монтаньяры, фёльянты, кордельеры, мускадены, янсонисты и бабувисты! Меньше чѣмъ черезъ шесть недѣль наступятъ событія, которыя я вамъ предсказываю».

Прудонъ въ «Représentant du Peuple» отъ 29 апр. 1848 г.

Философія Гегеля считается различными писателями за отраженіе великой французской революціи, и, дѣйствительно, она со своими противорѣчивыми эволюціями разума можетъ быть названа идеологической противоположностью великой борьбы, въ которой, по выраженію Гегеля, «человѣкъ становился на голову, т.-е. на мысль». Гегелевская система является, положимъ, кульминаціоннымъ пунктомъ эволюціи политическаго разума въ прусскомъ просвѣщенномъ полицейскомъ государствѣ эпохи реставраціи. Но за годъ до смерти

Гегеля реставрація во Франціи превратилась въ буржуазное королевство; по всей Европѣ снова пронеслись радикальныя вѣянія, приведшія къ все болѣе рѣзкимъ нападкамъ на буржуазное королевство и на классъ, представителемъ котораго оно было, на буржуазію. Имперія и реставрація казались радикальнымъ представителямъ новыхъ направленій лишь нарушеніями ускоряющагося хода развитія великой революціи; съ буржуазнымъ королевствомъ устанавливалось стремленіе къ прежнему развитію, которое теперь, съ точки зрѣнія измѣненныхъ соціальныхъ условій, не должно было болѣе находить на своемъ пути препятствій, нарушавшихъ ходъ развитія французской революціи.

Наиболѣе радикальнымъ продуктомъ великой французской революціи было движеніе Бабёфа и «клуба равныхъ». Ихъ традиціи были во Франціи восприняты тайными революціонными обществами, образовавшимися при Людовикѣ-Филиппѣ и изъ которыхъ позднѣе развилась бланкистская партія. Ихъ программой было сверженіе буржуазіи пролетаріатомъ при помощи насильственной экспропріаціи. Во время февральской революціи 1848 года клубные революціонеры такъ же часто назывались бабувистами и партіей Барбеса, какъ и по имени человѣка, бывшаго ихъ духовнымъ главой — по имени Августа Бланки.

Въ Германіи Марксъ и Энгельсъ, исходя изъ радикальной гегелевской діалектики, пришли къ ученію, весьма родственному бланкизму. Наслѣдниками буржуазіи могъ быть только пролетаріатъ, ея крайняя противоположность, этотъ самый типичный

соціальный продуктъ буржуазной экономіи. Вмѣстѣ съ нынѣ несправедливо слишкомъ низко цѣнимыми соціально-критическими работами соціалистовъ школъ Оуэна, Фурье и С.-Симона, они избрали экономически-матеріалистическое основаніе, но и въ матеріализмѣ они все еще аргументировали погегельянски. Современный пролетаріатъ, игравшій у с.-симонистовъ ту же роль, какъ крестьяне прошлаго столѣтія у школы Руссо, былъ ими теоретически идеализированъ прежде всего въ его историческомъ значеніи, а затѣмъ и въ его способностяхъ и склонностяхъ. Такимъ образомъ, они, несмотря на болѣе солидную философскую подготовку, пришли къ тому же политическому міровоззрѣнію, какъ и бабувисты—участники тайныхъ союзовъ. Партійная революція была, по ихъ мнѣнію, утопіей; возможна лишь пролетарская революція, говоритъ Марксъ въ «Deutsch-Französische Jahrbücher» (ср. со статьей «Zur Kritik der Hegelschen Rechtsphilosophie»). Такая точка зрѣнія вела прямо къ бланкизму.

Въ Германіи понимаютъ бланкизмъ лишь какъ теорію тайныхъ союзовъ и политическаго бунтарства, какъ доктрину возбужденія революціи маленькой, сознающей цѣль партіей, дѣйствующей по заранѣе обдуманному плану. Эта характеристика не идетъ, однако, дальше внѣшности и примѣнима развѣ къ эпигонамъ бланкизма. Бланкизмъ есть нѣчто большее, чѣмъ теорія метода; его методъ скорѣе только слѣдствіе, продуктъ его глубоко обоснованной политической теоріи. Это просто теорія безмѣрной творческой силы революціонной политической власти

и ея проявленія — революціонной экспропріаціи. Методъ есть до извѣстной степени вопросъ данныхъ условій. Тамъ, гдѣ союзы и пресса несвободны, тамъ тайныя общества неизбѣжны, и тамъ, гдѣ политическій центръ при революціонныхъ вспышкахъ фактически господствуетъ надъ всей страной, какъ это было во Франціи до 1848 г., тамъ и бунтарство, поскольку только при этомъ обращается вниманіе на опредѣленныя данныя опыта, не было столь ирраціонально, какъ это кажется нѣмцу [1]). Поэтому отрицаніе бунтарства не есть еще вовсе освобожденіе отъ бланкизма. Ничто не доказываетъ этого яснѣе, какъ изученіе сочиненій Маркса и Энгельса, относящихся по времени коммунистическаго союза. За исключеніемъ отрицанія бунтарства, они все-таки проникнуты бланкистскимъ, т.-е. бабувистскимъ духомъ. Характерно, что въ «Коммунистическомъ Манифестѣ» изъ всей соціалистической литературы остались безъ критики только сочиненія Бабёфа. О нихъ говорится только, что они выражали во время великой революціи «требованія пролетаріата»—это во всякомъ случаѣ не соотвѣтствующая времени характеристика. Революціонная практическая программа вся пропитана бланкизмомъ. Въ «Klassenkämpfe», «18-ten Brumaire» и особенно въ циркулярахъ коммунистиче-

[1]) Бланкизмъ зналъ не одни только пораженія; на ряду съ ними онъ пользовался значительнымъ временнымъ успѣхомъ. Въ 1848 и 1870 гг. провозглашеніе республики было въ значительной степени дѣломъ бланкистскихъ соціалистовъ-революціонеровъ. Іюль 1848 и май 1871 года были, наоборотъ, временемъ пораженія бланкизма.

скаго союза бланкисты выставлялись пролетарской партіей—«настоящая пролетарская партія», говорится въ іюньскомъ циркулярѣ 1850 года; такое отношеніе было основано на революціонномъ настроеніи бланкистской партіи, а ни въ какомъ случаѣ не на ея соціальномъ составѣ. Пролетарской партіей Франціи были въ 1848 году рабочіе, группировавшіеся вокругъ Люксембурга. Такія же соображенія рѣшали отношеніе чартистовъ къ борящимся фракціямъ [1]). При изложеніи хода событій во Франціи въ «Klassenkämpfe» и «18-ten Brumaire» къ мастерскому анализу дѣйствительно двигавшихъ силъ примѣшивается уже развившаяся бланкистская легенда. Но нигдѣ бланкистскій духъ не выражался такъ рѣзко и неограниченно, какъ въ мартовскомъ циркулярѣ (1850 г.) коммунистическаго союза съ его точными указаніями на то, что при предстоящей новой вспышкѣ революціи коммунисты должны будутъ употребить всѣ усилія, чтобъ сдѣлать революцію «постоянной». Весь теоретическій взглядъ на сущность современнаго хозяйства, все знаніе даннаго состоянія экономическаго развитія Германіи,—въ то время стоявшей въ этомъ отношеніи далеко позади Франціи, о которой Марксъ, однако, писалъ въ то же время, что въ ней «борьба промышленнаго рабочаго противъ промышленнаго буржуа еще частный фактъ»,—все экономическое пониманіе распадается въ прахъ передъ программой, такой, какую болѣе фантастично не могъ составить любой клубный революціонеръ. То, въ чемъ шесть мѣсяцевъ спустя Марксъ упрекалъ Виллихъ-Шаппера, онъ вмѣстѣ съ Энгельсомъ тогда провозглашалъ; вмѣсто реальныхъ условій они «силой, производящей революцію», признавали «только волю». Потребности современной экономической жизни совершенно игнорировались, вполнѣ упускались изъ виду отношеніе силъ и степень развитія отдѣльныхъ классовъ. Но пролетарскій терроризмъ, который въ силу положенія вещей могъ въ Германіи быть только разрушительнымъ и потому съ перваго дня, когда онъ былъ такимъ образомъ пущенъ въ ходъ противъ буржуазной демократіи, долженъ былъ политически и экономически дѣйствовать реакціонно,—возводится на степень чудотворной силы, которая должна довести производственныя отношенія до той высоты развитія, которую считали предварительнымъ условіемъ соціалистическаго преобразованія общества.

[1]) Съ извѣстнымъ удовлетвореніемъ устанавливаетъ циркуляръ въ рубрикѣ «Англія», что разрывъ между революціонной и умѣренной фракціями чартистовъ былъ «существенно ускоренъ делегатами (Коммунистическаго) Союза». Въ высшей степени сомнительно, чтобы полное разложеніе чартизма было избѣгнуто, не случись этого разрыва. Но радость по поводу счастливо достигнутаго разрыва совершенно въ духѣ бланкизма.

Критикуя циркуляръ, было бы несправедливо не считаться съ тѣмъ, что онъ былъ написанъ въ изгнаніи, въ то время, когда дѣйствовали и особенно кипѣли страсти, возбужденныя побѣдой реакціи. Если такое естественное возбужденіе и даетъ удовлетворительное объясненіе извѣстному преувеличиванію близости революціонной вспышки—ожиданія, которыя вскорѣ были оставлены Марксомъ и Энгельсомъ,—если этимъ же объясняются и извѣстныя

крайности въ изложеніи, то бросающееся въ глаза противорѣчіе между дѣйствительностью и программой этимъ вовсе не объясняется. Это противорѣчіе не было продуктомъ минутнаго настроенія—хотѣть его этимъ извинить, значило бы допустить относительно авторовъ циркуляра историческую несправедливость—оно было продуктомъ интеллектуальной ошибки, дуализма въ ихъ теоріи.

Въ современномъ соціалистическомъ движеніи можно различить два крупныхъ теченія, въ различныя времена выступавшія въ различныхъ видахъ и часто противоположныхъ одно другому. Одно связано съ выработанными соціалистическими мыслителями проектами реформъ и по своему существу направлено на созиданіе; другое же черпаетъ свои силы въ народныхъ революціонныхъ волненіяхъ и ставитъ себѣ цѣлью главнымъ образомъ разрушеніе. Въ зависимости отъ условій времени, одно является утопическимъ, либо сектантскимъ, либо мирно-эволюціоннымъ, другое же конспиративнымъ, демагогическимъ, террористическимъ. Чѣмъ ближе мы подходимъ къ новѣйшему времени, тѣмъ рѣшительнѣе звучитъ съ одной стороны лозунгъ—освобожденіе путемъ экономической организаціи, а съ другой—освобожденіе путемъ политической экспропріаціи. Въ прошлыхъ вѣкахъ первое направленіе было представлено, по большей части, отдѣльными мыслителями, послѣднее — безпорядочными народными движеніями. Въ первой половинѣ этого столѣтія на обѣихъ сторонахъ стоятъ уже постоянно дѣйствующія группы: съ одной стороны—соціалисти-

ческія секты и различныя рабочія коопераціи, съ другой—всякаго рода революціонные союзы. Не было недостатка въ попыткахъ къ соединенію и противоположности не всегда были абсолютными. Такимъ образомъ, положеніе коммунистическаго манифеста о томъ, что французскіе фурьеристы противодѣйствуютъ французскимъ реформистамъ, а англійскіе оуэнисты—чартистамъ, полностью относится лишь къ крайностямъ той и другой стороны. Масса оуэнистовъ вполнѣ стояла за политическія реформы—вспомнимъ только такихъ людей, какъ Ллойдъ Джонсъ—они, правда, возставали противъ культа силы, какъ его исповѣдывали болѣе радикальные чартисты «phisical force men»—и удалялись на второй планъ тамъ, гдѣ тѣ получали преобладаніе. Такъ же поступали во Франціи приверженцы Фурье.

Марксова теорія стремилась соединить вмѣстѣ сущность обоихъ направленій. У революціонеровъ она заимствовала пониманіе освободительной борьбы рабочихъ, какъ политической классовой борьбы, отъ соціалистовъ—вниканіе въ экономическія и соціальныя условія эмансипаціи рабочихъ. Но соединеніе еще не было уничтоженіемъ противорѣчій, а скорѣе компромиссомъ, какъ его предлагалъ Энгельсъ англійскимъ соціалистамъ въ «Lage der arbeitenden Klassen»: выдвиганіе политически-радикальнаго, соціально-революціоннаго элемента передъ специфически-соціалистическимъ. И какое дальнѣйшее развитіе ни получала позже теорія Маркса, въ ней навсегда сохранился характеръ этого компромисса,—характеръ дуализма. Въ немъ

мы должны искать объясненія того, что марксизмъ въ очень короткіе промежутки времени носилъ существенно различную физіономію. Здѣсь идетъ рѣчь не о такихъ различіяхъ, какъ они создаются для каждой боевой партіи, измѣняющей вмѣстѣ съ измѣняющимися условіями требованія тактики, но о различіяхъ, произвольно наступающихъ безъ принуждающей внѣшней необходимости, но только какъ продуктъ внутренняго противорѣчія.

Марксизмъ превзошелъ бланкизмъ съ одной стороны—со стороны метода. Что же касается другой, преувеличенной оцѣнки творческой силы революціонной власти для преобразованія современнаго общества на соціалистическій ладъ, то онъ никогда вполнѣ не освобождался отъ бланкистскаго пониманія. То, что онъ въ немъ исправилъ, какъ, напримѣръ, идею о болѣе сильной централизаціи революціонной власти, есть болѣе вопросъ формы, чѣмъ существа.

Въ статьѣ, нѣкоторыя мѣста изъ которой мы взяли эпиграфомъ этой главы и въ которой Прудонъ почти предсказываетъ день іюньской битвы, онъ напоминаетъ воспитаннымъ въ клубахъ парижскимъ рабочимъ, что такъ какъ экономическая революція XIX столѣтія должна существенно отличаться отъ таковой XVIII-го, то преданія 1793 года, которыя имъ продолжаютъ проповѣдывать въ клубахъ, совершенно не подходятъ къ условіямъ времени. Терроръ 1793 г., говоритъ онъ, никоимъ образомъ не угрожалъ условіямъ существованія преобладающей массы населенія. Но въ 1848 г. террористическое правленіе привело бы къ столкнове-

нію двухъ обширныхъ классовъ, которые оба для своего существованія нуждаются въ обмѣнѣ продуктовъ и въ противоположности отношеній; но это столкновеніе означало бы всеобщее разореніе.

Эта мысль была выражена прудонистически-преувеличенно, но при данномъ экономическомъ положеніи Франціи она вѣрно передавала суть дѣла.

Производство и обмѣнъ ограничивались въ 1789 и 1794 гг. во Франціи болѣе, чѣмъ на $^{9}/_{10}$, мѣстнымъ рынкомъ; внутренній національный рынокъ, при очень незначительной дифференціаціи сельскаго хозяйства, игралъ очень подчиненную роль. Поэтому, какъ ни свирѣпствовалъ терроръ, онъ поражалъ, что касалось промышленныхъ классовъ, лишь отдѣльныхъ лицъ и лишь временно нѣкоторые мѣстные промыслы, но народная экономическая жизнь затрогивалась имъ лишь косвенно. Ни одной части классовъ, занятыхъ въ промышленности и торговлѣ, онъ не угрожалъ, какъ таковой, и поэтому страна могла его выдержать довольно долгое время; раны, которыя онъ ей нанесъ, были скоро залѣчены. Напротивъ того, въ 1848 г. неувѣренное положеніе, въ которое, вслѣдствіе состава временного правительства и быстраго нарожденія и роста съ виду всемогущихъ клубовъ, былъ поставленъ дѣловой міръ, сказалось въ усиливающемся застоѣ промышленности и въ параличаціи торговли и обмѣна. Продолженіе этого состоянія съ каждымъ днемъ означало новыя разоренія, новую безработицу, грозило громадными убытками

всему работающему населенію городовъ и отчасти даже деревень. Не могло быть и рѣчи о соціально-политической экспропріаціи крупныхъ и мелкихъ руководителей производствъ, такъ какъ и промышленность не была для этого достаточно развита, да и не существовало органовъ, способныхъ занять ихъ мѣсто. Одного индивидуума замѣнилъ бы какой-нибудь другой или группа индивидуумовъ, при чемъ ничего не измѣнилось бы въ соціальномъ строѣ страны, ничего не улучшилось бы въ соціальномъ положеніи хозяйства. На мѣсто опытныхъ руководителей дѣла выступили бы новички со всѣми слабостями диллетантовъ. Короче сказать, политика по образцу террора 1793 г. была наиболѣе безсмысленной и нецѣлесообразной, какую только можно было придумать, и такъ какъ она была безсмысленной, то надѣваніе костюма 1793 года, повтореніе и утрировка языка того времени было болѣе, чѣмъ нелѣпо, именно потому, что все это происходило при политической революціи—это было преступленіемъ, которое вскорѣ однѣ тысячи рабочихъ должны были искупить жизнью, а другія тысячи—свободой. Поэтому предостереженія «мелкобуржуазнаго» Прудона, при всѣхъ его фантастическихъ преувеличеніяхъ, свидѣтельствуютъ о вѣрномъ пониманіи момента и нравственномъ мужествѣ, проявленныхъ имъ среди сатурналій революціонныхъ фразъ; это ставитъ его высоко въ политическомъ отношеніи надъ литераторами, художниками и прочей буржуазной богемой, драпировавшейся въ «пролетарско-революціонный» плащъ и жаждавшей новаго Преріаля. Марксъ и Прудонъ

почти одновременно—одинъ въ «Klassenkämpfe», другой въ «Confessions d'un révolutionnaire»—признали фактъ февральской революціи историческимъ событіемъ, втеченіе котораго революція испытывала пораженіе за пораженіемъ. Но въ отличіе отъ Прудона, Марксъ видѣлъ революціонный прогрессъ въ самой контръ-революціи; только побѣдивъ ее, писалъ онъ, партія переворота превратится въ настоящую революціонную партію. Марксъ довольно скоро увидѣлъ, что при этомъ онъ сдѣлалъ ошибку въ установленіи времени—вопросъ шелъ дѣсь о партіи революціонной въ политическомъ смыслѣ,—но онъ, кажется, никогда вполнѣ не призналъ принципіальной ошибки, лежащей въ основѣ этого предположенія; столь же мало открылъ ее Энгельсъ въ предисловіи къ «Klassenkämpfe».

Марксъ и Энгельсъ всегда исходили изъ представленія о революціи, которая, при всемъ измѣненіи своего содержанія, должна была имѣть такой же внѣшній видъ, какъ революціи XVII и XVIII столѣтій. Это значитъ, что она должна была передать власть въ руки прогрессивной буржуазно-радикальной партіи, за которой долженъ былъ стоять революціонный рабочій классъ, въ качествѣ критикующей и побуждающей силы. Послѣ того, какъ эта буржуазія сойдетъ со сцены, почву для соціалистической революціи воздѣлаетъ еще болѣе радикальная буржуазная, т.-е. мелко-буржуазная партія, и тогда настанетъ моментъ для захвата власти революціонной партіей пролетаріата. Эта мысль выражена въ мартовскомъ циркулярѣ 1850 г.; она

же очень ясно снова формулируется въ предисловіи къ «Enthüllungen über den Kommunistenprocesz»: тамъ говорится, что въ Германіи при ближайшемъ европейскомъ волненіи «мелко-буржуазная демократія безусловно должна стать у кормила правленія». Это «безусловно» не было результатомъ объективной оцѣнки, оно было въ значительно большей степени характеристикой хода развитія, признаваемаго необходимымъ для успѣшнаго господства соціалдемократіи. Устныя и письменныя заявленія Энгельса не оставляютъ объ этомъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Къ тому же такой ходъ мысли, разъ допущены извѣстныя предпосылки, является вполнѣ послѣдовательнымъ.

Но эти-то предпосылки и вызываютъ сомнѣнія. Все говоритъ о томъ, что политическая революція, которая передала бы власть въ руки буржуазно-радикальной партіи, отошла въ передовыхъ европейскихъ государствахъ въ область прошлаго. Современныя революціи имѣютъ тенденціи въ самомъ же своемъ началѣ передавать власть самымъ радикальнымъ изъ вообще возможныхъ комбинацій правленія. Такъ уже было во Франціи въ 1848 г. Временное правительство было тогда наиболѣе радикальнымъ изъ даже только временно возможныхъ французскихъ правительствъ. Это понималъ и Бланки; поэтому 26-го февраля онъ очень рѣшительно выступилъ противъ намѣреній своихъ приверженцевъ, желавшихъ прогнать «измѣнническое» правительство и замѣнить его настоящимъ революціоннымъ. Такимъ же образомъ 15-го мая, когда вторгшійся въ палату революціонный народъ про-

возгласилъ правительство, состоящее изъ него и другихъ революціонеровъ и соціалистовъ, онъ не сдѣлалъ никакихъ попытокъ, подобно «рыцарскому» мечтателю Барбесу, остаться къ городской ратушѣ, а мирно отправился домой. Его политическая проницательность взяла верхъ надъ его революціонной идеологіей. То же, что и въ 1848 г., произошло и въ 1870 г. при провозглашеніи республики—бланкисты добились ея, но въ составъ правительства вошли только буржуазные радикалы. Напротивъ того, когда въ мартѣ 1871 г. подъ вліяніемъ бланкистскихъ соціалъ-революціонеровъ въ Парижѣ произошло возстаніе противъ правительства, учрежденнаго національнымъ собраніемъ, и была провозглашена коммуна, тогда обнаружилось другое явленіе: буржуазные и мелко-буржуазные радикалы отступили и предоставили соціалистамъ-революціонерамъ поле дѣйствія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и политическую отвѣтственность.

Все это говоритъ за то, что въ передовыхъ странахъ въ ближайшее время каждое возстаніе должно принять именно такую форму. Буржуазные классы въ нихъ болѣе уже не революціонны, а рабочій классъ уже слишкомъ силенъ, чтобы послѣ успѣшнаго возстанія оставаться въ роли критикующей оппозиціи.

Нужно признать, что подобныя соображенія руководили Энгельсомъ, когда онъ въ предисловіи къ «Klassenkämpfe» рѣшительнѣе чѣмъ когда бы то ни было прославлялъ всеобщее избирательное право и парламентскую дѣятельность, какъ средства эманципаціи рабочихъ, и отвергалъ идею захвата

политической власти путемъ революціонныхъ переворотовъ.

Это было дальнѣйшимъ отрицаніемъ бланкистскихъ взглядовъ, хотя бы даже получившихъ современную форму. Но вопросъ все еще разсматривается исключительно относительно важности его для соціалдемократіи, какъ политической партіи. На почвѣ измѣненныхъ военно-стратегическихъ условій указывается незначительная надежда на успѣхъ, ожидающій въ будущемъ возстанія сознательнаго меньшинства; какъ на необходимое условіе успѣшнаго преобразованія общественнаго строя указывается на участіе просвѣщенныхъ массъ. Но все-таки это касается только внѣшнихъ средствъ и воли, идеологіи. Матеріальное основаніе соціалистической революціи остается неизслѣдованнымъ, прежняя формула «присвоенія средствъ производства и обмѣна» остается неизмѣнной и ни одно слово не указываетъ, чтобы что-нибудь измѣнилось въ экономическихъ предпосылкахъ о превращеніи средствъ производства въ государственную собственность путемъ великаго революціоннаго акта. Пересматривается лишь вопросъ, какъ произойдетъ захватъ политической власти; что же касается экономической возможности использованія этой власти, то въ силѣ остается прежнее ученіе, связанное съ традиціями 1793 и 1796 годовъ.

Совершенно въ духѣ этого ученія писалъ Марксъ въ 1850 г. въ «Klassenkämpfe»: «общественный и частный кредитъ—это экономическій термометръ, которымъ можно измѣрять интенсивность революціи. Въ той мѣрѣ, въ какой они падаютъ, повышается пылъ и жизненность революціи» (стр. 31). Вполнѣ гегельянское выраженіе, понятное всѣмъ умамъ выращеннымъ на Гегелѣ. Но всегда есть точка, перейдя которую, творческій пылъ революціи угасаетъ и начинаетъ ощущаться его разрушающее и опустошающее дѣйствіе. Какъ только эта точка будетъ перейдена, наступаетъ не дальнѣйшее развитіе, а реакція, противоположность первоначальной цѣли. Объ эту особенность каждый разъ разбивалась въ исторіи бланкистская тактика, если даже вначалѣ она и пользовалась успѣхомъ. Въ этомъ, а не въ бунтарской теоріи ея больное мѣсто; и именно поэтому она никогда не подвергалась критикѣ со стороны марксизма.

Это явленіе не случайное. Иначе критика бланкизма стала бы самокритикой марксизма—самокритикой не только отдѣльныхъ деталей, но очень существенныхъ составныхъ частей его ученія,—самокритикой его діалектики прежде всего, какъ мы это сейчасъ увидимъ. Каждый разъ, какъ мы видимъ, что ученіе, исходящее изъ экономіи, какъ основанія общественнаго развитія, пасуетъ предъ теоріей, доводящей культъ насилія до крайнихъ предѣловъ—мы каждый разъ наталкиваемся на какое-нибудь гегелевское положеніе. Быть можетъ, иногда только въ видѣ аналогіи, но тогда тѣмъ хуже. Великій обманъ гегелевской діалектики заключается въ томъ, что она никогда не бываетъ вполнѣ неправой. Она такъ же смахиваетъ на истину, какъ блуждающій огонекъ—на настоящій свѣтъ. Она не противорѣчитъ себѣ потому, что по ней всякая вещь

заключаетъ въ себѣ самой свою противоположность. Есть ли противорѣчіе въ томъ, что на то мѣсто, гдѣ возсѣдала экономика, возводится насиліе? О нѣтъ, потому что насиліе само по себѣ есть «экономическая потенція».

Ни одинъ разумный человѣкъ не станетъ оспаривать относительной вѣрности этого послѣдняго положенія. Но если мы поставимъ себѣ вопросъ, какъ и когда насиліе, въ качествѣ экономической силы, дѣйствуетъ такъ, что получается желаемый результатъ, то гегелевская діалектика покинетъ насъ, и мы должны будемъ считаться съ конкретными фактами и точными—«метафизически»—опредѣленными понятіями, если мы только не захотимъ дѣлать грубѣйшихъ ошибокъ. Логическіе цвѣты гегельянства блестятъ остроуміемъ и радикализмомъ. Какъ блуждающіе огоньки, показываютъ они намъ въ неопредѣленныхъ контурахъ отдаленныя перспективы. Но какъ только мы довѣрчиво направимъ свой путь по немъ, то мы непремѣнно попадаемъ въ трясину. То великое, что сдѣлали Марксъ и Энгельсъ, они сдѣлали не съ помощью гегелевской діалектики, а помимо нея. Если они съ другой стороны проходили безъ вниманія мимо грубѣйшихъ ошибокъ бланкизма, то причина этого отношенія кроется прежде всего въ гегелевской примѣси въ ихъ собственной теоріи.

ГЛАВА III.

Экономическое развитіе современнаго общества.

а) Кое-что о значеніи теоріи цѣнности Маркса.

Мы уже видѣли, что, по ученію Маркса, прибавочная цѣнность есть краеугольный камень экономіи капиталистическаго общества. Но чтобы понять прибавочную цѣнность, нужно точнѣе знать, что такое цѣнность вообще. Марксовское изображеніе природы и хода развитія капиталистическаго общества начинается поэтому съ анализа цѣнности.

Цѣнность товаровъ по Марксу слагается въ современномъ обществѣ изъ потраченнаго на нихъ общественно-необходимаго труда, измѣряемаго временемъ. При такомъ измѣреніи цѣнности требуется цѣлый рядъ абстракцій и сведеній. Прежде всего, слѣдуетъ вывести чистую мѣновую цѣнность, т.-е. абстрагировать ее отъ особенной потребительной цѣнности отдѣльныхъ товаровъ. Затѣмъ при образованіи понятія общаго или абстрактнаго человѣческаго труда—абстрагировать ее отъ особенностей отдѣльныхъ видовъ труда (сведеніе высшаго или

сложнаго труда къ простому или абстрактному). Затѣмъ, чтобъ дойти до общественно-необходимаго рабочаго времени, какъ опредѣлителя трудовой цѣнности, нужно абстрагировать отъ различій въ прилежаніи, способностяхъ и тѣхъ средствъ, которыми располагаютъ отдѣльные рабочіе; далѣе же, разъ дѣло пойдетъ о превращеніи цѣнности въ рыночную цѣнность, т.-е. цѣну, придется абстрагировать отъ общественно-необходимаго рабочаго времени, требуемаго для отдѣльныхъ товаровъ. Но и такимъ путемъ выведенная трудовая цѣнность требуетъ новой абстракціи. Въ развитомъ капиталистическомъ обществѣ товары, какъ было упомянуто выше, продаются не соотвѣтственно ихъ индивидуальной цѣнности, но по цѣнѣ ихъ производства, т.-е. по дѣйствительной цѣнѣ издержекъ плюсъ средняя пропорціональная норма прибыли, высота которой опредѣляется отношеніемъ всей цѣнности общественнаго производства ко всей платѣ, уплачиваемой рабочей силѣ въ производствѣ, обмѣнѣ и такъ далѣе, при чемъ изъ этой общей цѣнности должна быть вычтена земельная рента и должно приниматься въ расчетъ раздѣленіе капитала на промышленный, купеческій и банковый.

Такимъ образомъ, разъ только разсматриваются отдѣльные товары или категоріи товаровъ, цѣнность теряетъ всякое конкретное содержаніе и становится чисто мысленнымъ построеніемъ. Но во что превратится при такихъ условіяхъ «прибавочная цѣнность»? Она, по ученію Маркса, состоитъ изъ разницы между трудовой цѣнностью продуктовъ и платой за рабочую силу, потраченную ра-

бочимъ на ихъ созиданіе. Поэтому ясно, что съ того момента, какъ трудовая цѣнность ограничится значеніемъ научной гипотезы или мысленной формулы, прибавочная цѣнность тоже превратится лишь въ формулу, опирающуюся на гипотезу.

Какъ извѣстно, Фр. Энгельсъ въ оставленной имъ посмертной статьѣ, напечатанной въ «Neue Zeit» въ 1895—96 гг., указывалъ на разрѣшеніе задачи путемъ историческаго изслѣдованія процесса. Законъ цѣнности, по мнѣнію этой статьи, дѣйствительно имѣлъ непосредственное значеніе; онъ дѣйствительно непосредственно управлялъ обмѣномъ товаровъ въ періодъ, предшествовавшій капиталистическому хозяйству. Пока орудія производства принадлежали самимъ производителямъ— въ томъ ли видѣ, что общины обмѣнивали излишекъ своихъ продуктовъ, или что самостоятельные крестьяне или ремесленники выносили на рынокъ свои продукты,—цѣна ихъ регулировалась ихъ трудовой цѣнностью. Но какъ только между дѣйствительными производителями и потребителями протиснулся капиталъ, сперва въ видѣ купеческаго или ростовщическаго, затѣмъ—мануфактурнаго, и въ концѣ концовъ—крупно-промышленнаго, трудовая цѣнность все больше исчезаетъ со сцены и на первый планъ выступаетъ цѣна производства. Упомянутыя выше абстракціи суть мысленныя повторенія процессовъ, разыгравшихся въ исторіи, дѣйствующихъ еще до сихъ поръ и реально повторяющихся въ извѣстныхъ случаяхъ и формахъ. Трудовая цѣнность остается реальностью, если она

даже болѣе и не управляетъ непосредственно движеніемъ цѣнъ.

Энгельсъ старается доказать это по поводу одного мѣста III-го тома «Капитала», исходя изъ экономической исторіи. Но какъ наглядно ни излагаетъ онъ происхожденіе и развитіе нормы прибыли, все же въ статьѣ недостаетъ безусловной доказательной силы именно тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о цѣнности. Судя по изложенію Энгельса, марксовъ законъ цѣнности долженъ былъ господствовать вообще, какъ общій экономическій законъ втеченіе 5—7 столѣтій, отъ начала обмѣна продуктовъ, какъ товаровъ (въ Вавилоніи, Египтѣ и т. д.) до возникновенія капиталистическаго производства. Противъ этого воззрѣнія въ томъ же году въ «Neue Zeit» выступилъ съ серіозными возраженіями Парвусъ, указывая на рядъ условій (феодальныя отношенія, недифференцированность сельскаго хозяйства, монополіи цеховъ и другія монополіи), препятствовавшихъ созиданію общей мѣновой цѣнности, основанной на рабочемъ времени производителя. Ясно, что обмѣнъ, основанный на трудовой цѣнности, до тѣхъ поръ не можетъ стать общимъ правиломъ, пока производство съ цѣлью обмѣна есть только побочное занятіе хозяйственныхъ единицъ, есть только использованіе незанятаго рабочаго времени и т. д., пока, наконецъ, производство у обмѣнивающихся производителей совершается при существенно различныхъ условіяхъ. Проблема труда, созидающаго мѣновую цѣнность, а также проблема цѣнности и прибавочной цѣнности на этой ступени хозяйства, оказывается не яснѣе, чѣмъ теперь.

Но что тогда выступало яснѣе, чѣмъ теперь, такъ это фактъ прибавочнаго труда (Mehrarbeit). Когда въ древности и въ средніе вѣка примѣнялся прибавочный трудъ, то о немъ не существовало обманчивыхъ представленій и онъ не затемнялся никакими разсужденіями о цѣнности. Разъ рабъ производилъ для обмѣна, онъ былъ только машиной для созиданія прибавочнаго труда; крѣпостной производилъ прибавочный трудъ въ ясной формѣ барщины, натуральныхъ повинностей или уплаты десятины. Подмастерье у цехового мастера легко могъ опредѣлить, во что обходился мастеру его трудъ и что мастеръ заставлялъ платить покупателей за этотъ трудъ [1]). Эта ясность отношеній между заработной платой и цѣной товаровъ преобладаетъ еще и на порогѣ капиталистическаго производства. Ею объясняются нѣкоторыя странныя для насъ мѣста въ политико-экономическихъ сочиненіяхъ того времени о прибавочномъ трудѣ и трудѣ, какъ единственныхъ созидателяхъ богатства. Что намъ теперь кажется плодомъ глубочайшаго изслѣдованія явленій, было тогда почти общимъ мѣстомъ. Богачамъ той эпохи вовсе не приходило въ голову выставлять свое богатство плодомъ своего собственнаго труда. Возникшее въ началѣ мануфактурнаго

---

[1]) Тамъ, гдѣ докапиталистическіе промышленные пріемы сохранились и до сихъ поръ, тамъ и теперь прибавочный трудъ не скрытъ. Помощникъ мелкаго хозяина-каменщика, исполняющій для него работу у какого-нибудь его заказчика, очень хорошо знаетъ, что его плата за часъ настолько-то ниже той цѣны, которую хозяинъ поставитъ въ счетъ за каждый часъ работы. То же самое у портныхъ, садовниковъ и т. д.

періода ученіе о трудѣ, какъ о мѣрилѣ начинавшей становиться общественной (мѣновой) цѣнности, хотя и держится еще представленія о трудѣ, какъ единственномъ созидателѣ богатства, и почти вполнѣ конкретно понимаетъ цѣнность, но вскорѣ начинаетъ способствовать скорѣе затемненію, чѣмъ выясненію пониманія прибавочнаго труда. У самого Маркса можно прочесть, какъ впослѣдствіи Адамъ Смитъ на основаніи этого ученія изобразилъ прибыль и земельную ренту, какъ вычеты изъ трудовой цѣнности, какъ Рикардо шире развилъ эту мысль и какъ соціалисты повернули ее противъ буржуазной экономіи.

Но у Адама Смита трудовая цѣнность уже понимается лишь какъ абстракція отъ господствовавшей дѣйствительности. Полной дѣйствительностью для него были только «раннее и первобытное состояніе общества», предшествовавшее накопленію капитала и присвоенію земли, а также отставшіе промыслы. Напротивъ того, въ капиталистическомъ мірѣ для Смита наряду съ трудомъ, т.-е. заработной платой, созидающими цѣнность элементами являются и прибыль и рента. Трудовая же цѣнность служитъ для Смита лишь «понятіемъ», чтобъ обнаруживать раздѣленіе продукта труда, т.-е. фактъ прибавочнаго труда.

Въ системѣ Маркса дѣло въ принципѣ не обстоитъ иначе. Марксъ гораздо, правда, сильнѣе, чѣмъ Смитъ, держится выраженнаго имъ гораздо строже, но и абстрактнѣе, понятія трудовой цѣнности. Но въ то время, какъ марксистская школа, а вмѣстѣ съ нею и авторъ этихъ строкъ, еще думали, что

пунктомъ основной важности для системы является страстно-обсуждавшійся вопросъ, касается ли аттрибутъ «общественно-необходимое рабочее время» въ отношеніи трудовой цѣнности только вида производства данныхъ товаровъ или въ то же время и отношенія произведеннаго количества этихъ товаровъ къ дѣйствительному спросу,—у Маркса въ столѣ уже лежало готовое рѣшеніе, придававшее этому вопросу вмѣстѣ съ другими совершенно иную физіономію, передвигая его въ другую область. Цѣнность даннаго товара или вида товаровъ сдѣлалась теперь чѣмъ-то совершенно второстепеннымъ, такъ какъ товары продаются по ихъ производственной цѣнѣ, слагающейся изъ издержекъ производства плюсъ норма прибыли. На первый планъ выступаютъ цѣнность всего общественнаго производства и излишекъ этой цѣнности надъ общей суммой заработной платы рабочаго класса,—т.-е. не индивидуальная, а вся общественная прибавочная цѣнность. Тотъ продуктъ, который всѣ рабочіе производятъ въ данный моментъ сверхъ доли, поступающей въ ихъ пользу, образуетъ общественную прибавочную цѣнность, прибавочную цѣнность общественнаго производства, которую дѣлятъ между собой отдѣльные капиталисты, приблизительно пропорціально капиталу, вложенному ими въ дѣло. Но этотъ прибавочный продуктъ реализируется лишь постольку, поскольку все производство соотвѣтствуетъ всѣмъ вообще потребностямъ, т.-е. покупательной способности рынка. Съ этой точки зрѣнія, т.-е. съ точки зрѣнія производства, взятаго въ цѣломъ, цѣнность каждаго отдѣльнаго

рода товаровъ опредѣляется рабочимъ временемъ, бывшимъ необходимымъ для воспроизведенія этого товара при нормальныхъ условіяхъ производства въ томъ количествѣ, которое въ данное время можетъ поглотить рынокъ, т.-е. населеніе, разсматриваемое, какъ покупатель. Но именно для разсматриваемыхъ товаровъ въ дѣйствительности нѣтъ мѣрила данной общей потребности, и такимъ образомъ эта цѣнность, какъ и предыдущая, есть лишь чисто мысленный фактъ, не что иное, какъ предѣльная потребительная цѣнность Госсенъ-Джевонсъ-Бёмской школы. Обѣ основываются на дѣйствительныхъ отношеніяхъ, но построены онѣ на абстракціяхъ [1]).

---

[1]) Интересную попытку дать трудовой цѣнности конкретное содержаніе, т.-е. превратить ее въ теоретически-соизмѣримую величину, находимъ мы въ сочиненіи Л. Буха «Интенсивность труда, цѣнность и цѣна товаровъ» (Лейпцигъ, 1896 г.). Авторъ при составленіи своего труда не былъ, повидимому, знакомъ съ III томомъ «Капитала»; онъ предлагаетъ мѣриломъ величины трудовой цѣнности предѣльную напряженность («предѣльную интенсивность») труда, результатъ отношенія ежедневнаго рабочаго времени къ 8-часовому рабочему дню и результатъ отношенія фактической заработной платы къ цѣнности продукта труда (норма эксплоатаціи). Чѣмъ короче рабочій день и незначительнѣе норма эксплоатаціи, тѣмъ плотнѣе консистенція труда, а также и трудовой цѣнности продукта. Бухъ отрицаетъ поэтому эксплуатацію на основаніи трудовой цѣнности. Она впервые создается изъ отношенія трудовой цѣнности къ рыночной цѣнности продукта, лежащей въ основѣ цѣны и называемой Бухомъ о ц ѣ н о ч н о й ц ѣ н н о с т ь ю; слово же: мѣновая цѣнность—Бухъ отвергаетъ, какъ въ настоящее время лишенное смысла: теперь больше не прибѣгаютъ къ мѣнѣ.

Какъ ни кажется странной на первый взглядъ эта теорія, одно она имѣетъ за себя: Бухъ радикально раздѣляетъ трудовую

Конечно, такія абстракціи вовсе не могутъ быть обойдены при изслѣдованіи сложныхъ явленій. Насколько онѣ допустимы, это зависитъ отъ предмета и цѣли изслѣдованія. Съ самаго начала и Марксъ могъ настолько не обращать вниманія на свойства товаровъ, что они въ концѣ концовъ обратились только въ овеществленіе массъ простого человѣческаго труда; точно также могла и Бёмъ-Джевонская школа абстрагировать всѣ свойства товаровъ, кромѣ ихъ полезности. Но какъ тѣ, такъ и другія абстракціи допустимы лишь для опредѣленныхъ цѣлей аргументаціи. Положенія же, выведенныя на ихъ основаніи, имѣютъ право на значеніе лишь внутри опредѣленныхъ границъ.

и рыночную цѣнности; тѣмъ самымъ онъ избѣгаетъ всякаго дуализма понятій и потому можетъ строже и чище развивать первую цѣнность. Спрашивается только, не будетъ ли забѣганіемъ впередъ вносить въ опредѣленіе трудовой цѣнности послѣднюю, рыночную цѣнность. То, чего хотѣлъ Бухъ—дать трудовой цѣнности, въ противоположность рыночной, ф и з і о л о г и ч е с к о е обоснованіе,—этого онъ могъ бы достигнуть, прямо взявъ мѣриломъ фактически уплачиваемую заработную плату. Пусть тѣ, кто совершенно отвергаютъ отношеніе трудовой цѣнности къ заработной платѣ, внимательно прочтутъ у Маркса слѣдующее мѣсто въ главѣ «Процессъ труда и процессъ нарастанія капитала», гласящее: «но если цѣнность такой силы (рабочей силы) выше, то она и проявляется въ высшемъ трудѣ и овеществляется, поэтому, въ равные промежутки времени въ сравнительно высшихъ цѣнностяхъ» («Капиталъ», т. I, вып. 2, стр. 143, и 144, изданіе О. Н. Поповой»). Сочиненіе Буха, первая часть котораго лежитъ передо мной и о которой я намѣренъ при случаѣ поговорить подробнѣе, кажется мнѣ результатомъ анализа немалой остроты и достойнымъ вниманія трудомъ, касающимся далеко не вполнѣ выясненнаго вопроса.

Но если нѣтъ никакой точной мѣры для данной общей потребности въ опредѣленномъ сортѣ товаровъ, то все же практика свидѣтельствуетъ о томъ, что въ предѣлахъ извѣстнаго промежутка времени спросъ и доставленіе всѣхъ товаровъ приблизительно уравниваются. Практика далѣе говоритъ намъ, что въ производствѣ и сбытѣ [1] (Zustellung) товаровъ принимаетъ дѣятельное участіе только часть всего общества; другая часть состоитъ изъ людей, либо получающихъ жалованье за услуги, не стоящія ни въ какомъ прямомъ отношеніи къ производству, либо пользующихся доходами, получаемыми безъ всякой затраты труда. На счетъ заключающагося въ производствѣ труда живетъ такимъ образомъ значительно бо́льшее число людей, чѣмъ одни принимающіе дѣятельное участіе въ производствѣ; статистика доходовъ показываетъ намъ, что слои населенія, незанятые въ производствѣ, присвоиваютъ себѣ изъ общаго продукта часть, значительно превышающую ихъ численное отношеніе къ части населенія, занятой въ производствѣ. Прибавочный трудъ этой послѣдней есть эмпирическій, опытомъ доказанный фактъ, не нуждающійся ни въ какомъ дедуктивномъ доказательствѣ. Вѣрна ли марксова теорія цѣнности или нѣтъ, — это совершенно безразлично для доказательства существованія прибавочнаго труда. Онъ въ этомъ отношеніи является не положеніемъ, которое нужно

[1] *Это слово я предпочитаю неточному* выраженію «распредѣленіе» (*«Vertheilung»*).

бы доказывать, а лишь средствомъ анализа и иллюстраціи.

Когда такимъ образомъ Марксъ при анализѣ товарнаго производства предполагаетъ, что товары отчуждаются по ихъ цѣнности, то опредѣленнымъ отдѣльнымъ случаемъ онъ иллюстрируетъ процессъ, который, согласно его пониманію, въ дѣйствительности представляетъ все производство. Рабочее время, потраченное на всю совокупность товаровъ, есть поэтому, въ ранѣе указанномъ смыслѣ, ихъ общественная цѣнность [1]). Если даже эта общественная цѣнность не вполнѣ осуществляется — такъ какъ всегда происходитъ обезцѣненіе товаровъ вслѣдствіе частичнаго перепроизводства — то это не оказываетъ никакого принципіальнаго вліянія на существованіе соціальной прибавочной цѣнности или прибавочнаго продукта. Ростъ массы этого продукта случайно измѣняется или замедляется, но ни въ одномъ современномъ государствѣ никогда не было и рѣчи объ его застоѣ, не говоря

[1]) «Въ дѣйствительности это законъ стоимости,... что не только на каждый отдѣльный товаръ употребляется лишь необходимое рабочее время, но изъ всей суммы общественнаго труда на различныя группы производствъ употребляется только относительно необходимое количество его; такъ какъ условіемъ этого распредѣленія остается потребительная стоимость... общественная потребность, т.-е. потребительная стоимость съ общественной точки зрѣнія при этомъ опредѣляетъ количество валового общественнаго труда, приходящагося на разныя особыя отрасли производства» («Капиталъ» т. III, стр. 525, изд. 1896 г.). Ужъ одно это мѣсто дѣлаетъ невозможнымъ ограничиться относительно Госсенъ-Бёмской теоріи нѣсколькими фразами, исполненными сознаніемъ превосходства.

уже о регрессѣ. Прибавочный продуктъ вездѣ увеличивается, но отношеніе его увеличенія къ увеличенію капитала заработной платы падаетъ теперь въ прогрессивныхъ государствахъ.

То, что Марксъ переноситъ на отдѣльный товаръ приведенную здѣсь схему всей товарной цѣнности, уже указываетъ, что образованіе прибавочной цѣнности относится у него исключительно къ сферѣ производства, гдѣ ее производитъ промышленный наемный рабочій. Всѣ другіе дѣйствующіе въ современной хозяйственной жизни элементы суть вспомогательные агенты производства, не прямо способствующіе повышенію прибавочной цѣнности, уменьшая, напримѣръ, въ качествѣ торговцевъ, банкировъ и т. д. или изъ персонала, ту работу, которая иначе ложилась бы на промышленное предпріятіе; такимъ образомъ сокращаются издержки этого предпріятія. Оптовые и другіе торговцы со своими служащими представляютъ изъ себя измѣненныхъ и дифференцированныхъ приказчиковъ промышленниковъ, а ихъ прибыль—превращенныя и концентрированныя издержки послѣднихъ. Служащіе по найму у этихъ торговцевъ создаютъ для нихъ прибавочную цѣнность, но не создаютъ никакой общественной прибавочной цѣнности, такъ какъ прибыль ихъ хозяевъ вмѣстѣ съ ихъ собственнымъ жалованьемъ есть вычетъ изъ прибавочной цѣнности, произведенной промышленностью. Этотъ вычетъ только относительно незначительнѣе, чѣмъ онъ былъ бы до или безъ дифференціаціи разсматриваемыхъ здѣсь функцій. Такая-же дифференціація дѣлаетъ возможнымъ колоссальное развитіе производства и ускореніе оборота промышленнаго капитала. Какъ и вообще раздѣленіе труда, она повышаетъ производительность промышленнаго капитала, а также непосредственно занятаго въ промышленности труда.

Мы удовольствуемся этимъ краткимъ перечнемъ изложенныхъ въ III томѣ «Капитала» разсужденій о товарно-торговомъ капиталѣ (денежно-торговый капиталъ представляетъ его разновидность) и о купеческой прибыли. Изъ нихъ выясняется какія тѣсныя границы въ системѣ Маркса поставлены работѣ, производящей прибавочную цѣнность. Болѣе сложныя функціи, а также и другія, на которыхъ я здѣсь не останавливаюсь, по самой природѣ современнаго общества, неизбѣжно необходимы для него. Ихъ формы могутъ измѣняться и безъ сомнѣнія будутъ измѣнены, но онѣ сами будутъ продолжать существовать, пока человѣчество не распадется на мелкія замкнутыя хозяйственныя единицы; въ нихъ эти функціи могутъ быть либо упразднены, либо низведены до минимума. Въ ученіи о цѣнности, относящемся къ современному обществу, всѣ издержки на эти функціи являются вычетомъ изъ прибавочной цѣнности, отчасти какъ «издержки», отчасти какъ интегрированная часть нормы эксплоатаціи. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ извѣстнымъ произволомъ въ оцѣнкѣ функцій, такъ какъ Марксъ исходитъ не отъ даннаго, а отъ мысленно конструированнаго общества, ведущаго общее хозяйство. Въ этомъ—ключъ ко всѣмъ неясностямъ теоріи цѣнности. Ее можно понять, только держась этой схемы. Мы видѣли, что прибавочная цѣнность

можетъ быть реально понята только при взглядѣ на хозяйство, какъ на нѣчто цѣлое. Марксъ не дошелъ до того, чтобъ окончить столь важную для его ученія главу о классахъ. Въ ней самымъ яснымъ образомъ было бы доказано, что трудовая цѣнность—абсолютно не что иное, какъ ключъ, какъ мысленное изображеніе, подобно одушевленному атому [1]). Ключъ, въ мастерской рукѣ Маркса, привелъ къ

[1]) Мы знаемъ, что мы думаемъ, и мы также достаточно знаемъ, какимъ образомъ мы думаемъ. Но мы никогда не узнаемъ какъ это происходитъ, что мы думаемъ, какимъ образомъ изъ впечатлѣній извнѣ, изъ возбужденія нервовъ или изъ измѣненія положенія и взаимодѣйствія клѣточекъ нашего мозга возникаетъ сознаніе. Пытались объяснить это, приписывая атому извѣстную долю сознавательной способности, долю одушевленности въ смыслѣ ученія о монадахъ. Но это—мысленный образъ, предположеніе, къ которому вынуждаетъ насъ нашъ способъ мышленія и наша потребность цѣльнаго міровоззрѣнія.

Статья, въ которой я указывалъ на это обстоятельство и замѣчалъ, что чистый матеріализмъ въ концѣ концовъ сводится къ идеализму, дала господину П. желанный поводъ напасть на меня въ «Neue Zeit» (вып. 44, годъ 16, II), упрекая меня въ невѣжествѣ вообще и въ особенности въ полномъ отсутствіи пониманія философскихъ воззрѣній Фр. Энгельса. Я уже не говорю о томъ, какъ г. П. произвольно отнесъ мои слова къ предметамъ, которыхъ я вовсе не касался,—я констатирую лишь, что его статья оканчивается заявленіемъ, будто Энгельсъ однажды отвѣтилъ на вопросъ П.: «Такъ вы думаете, что старикъ Спиноза былъ правъ, говоря, что мысль и протяженіе не что иное, какъ два аттрибута одной и той же субстанціи? — словами: конечно, старикъ Спиноза былъ вполнѣ правъ».

Субстанція, которой Спиноза приписываетъ эти два аттрибута,—Богъ. Во всякомъ случаѣ Спиноза отождествляетъ Бога съ природой, почему еще очень давно Спиноза считался за отрицателя Бога, а его философію упрекали въ атеизмѣ, между тѣмъ, как формально она является пантеизмомъ, который въ глазахъ представителей ученія о личномъ внѣ природы стоящемъ Богѣ кажется, впрочемъ, лишь скрытымъ атеизмомъ. Спиноза дошелъ до понятія безконечной субстанціи Богъ съ упомянутыми и другими аттрибутами чисто спекулятивнымъ путемъ; для него законосообразное мышленіе и бытіе идентичны. Въ этомъ отношеніи онъ похожъ на нѣкоторыхъ матеріалистовъ; но было бы произвольнымъ пониманіемъ слова назвать его представителемъ философскаго матеріализма. Если подъ словомъ матеріализмъ вообще нужно понимать нѣчто опредѣленное, то онъ можетъ быть только ученіемъ о матеріи, какъ послѣднемъ и единственномъ основаніи вещей. Но Спиноза ясно называетъ свою субстанцію Богъ *невещественной*. Каждый, конечно, воленъ быть послѣдователемъ Спинозы; только тогда онъ ужъ не будетъ матеріалистомъ.

Я знаю, что Энгельсъ въ «Людвигѣ Фейербахѣ» даетъ два другія опредѣленія матеріализма: онъ во-первыхъ провозглашаетъ матеріализмомъ все то, что считаетъ природу первоначаломъ, а затѣмъ онъ называетъ матеріализмъ «гибелью всякой идеалистической мечты, не могущей согласоваться съ фактами, входящими въ понятіе его собственнаго существа». Это опредѣленіе даетъ слову матеріализмъ такое широкое значеніе, что оно теряетъ всякую опредѣленность и начинаетъ заключать въ себѣ очень нематеріалистичныя понятія. Лишній разъ оказывается,—и П. невольно это подтверждаетъ,—что напираніе на названіе «матеріалистическій» стоитъ въ связи скорѣе съ политическими, чѣмъ съ научными соображеніями. Тотъ, кто не присягаетъ на вѣрность мыслящей матеріи, можетъ навлечь на себя подозрѣніе въ политической ереси; въ этой вѣрности—мораль его статьи. Какъ переживу я такую анаѳему?

открытію и изображенію механизма капиталистическаго хозяйства; никогда до тѣхъ поръ не была подобная работа исполнена съ бо́льшими глубиной, послѣдовательностью и ясностью; но, послѣ извѣстнаго пункта, этотъ ключъ болѣе не дѣйствуетъ и потому сталъ роковымъ даромъ почти для каждаго ученика Маркса.

Ученіе о трудовой цѣнности прежде всего ведетъ къ заблужденіямъ потому, что эта цѣнность постоянно является мѣриломъ для эксплуатаціи рабочаго капиталистомъ, при чемъ къ такому же между прочимъ отношенію ведетъ названіе нормы прибавочной цѣнности—нормой эксплуатаціи и т. д. Уже изъ предыдущаго очевидно, что трудовая цѣнность непримѣнима въ качествѣ такого мѣрила, если даже исходить изъ понятія общества, принимая за нѣчто цѣлое, и если вся сумма заработной платы противопоставляется всей суммѣ прочихъ доходовъ. Ученіе о цѣнности даетъ такимъ образомъ столь же мало указанія на справедливость или несправедливость распредѣленія продукта труда, какъ атомистическая теорія—для красоты или слабости художественнаго произведенія. Встрѣчаемъ же мы теперь лучше всего поставленныхъ рабочихъ, часть «аристократіи труда» именно въ производствахъ съ очень высокой нормой прибавочной цѣнности, наиболѣе же плохо поставленныхъ—въ производствахъ съ очень низкой нормой этой цѣнности.

На одномъ только фактѣ, что рабочій не получаетъ всей цѣнности продукта своего труда, нельзя научно обосновывать соціализмъ или коммунизмъ. «Марксъ», пишетъ Фр. Энгельсъ въ своемъ предисловіи къ «Нищетѣ философіи», «никогда не обосновывалъ на этомъ своихъ коммунистическихъ требованій; онъ основывалъ ихъ на необходимомъ, ежедневно все болѣе и болѣе на нашихъ глазахъ совершающемся распаденіи капиталистическаго способа производства».

Посмотримъ, какъ обстоитъ дѣло съ этимъ вопросомъ.

b) Эволюція дохода въ современномъ обществѣ.

«Накопленіе является, такимъ образомъ, съ одной стороны, растущей концентраціей..., съ другой стороны—взаимнымъ отталкиваніемъ многихъ индивидуальныхъ капиталовъ».

Марксъ «Капиталъ» т. I, стр. 525. (Изданіе О. Н. Поповой).

Прибавочная цѣнность есть, по ученію Маркса, та судьба, на которую обреченъ капиталистъ. Капиталистъ, для полученія прибыли, долженъ производить прибавочную цѣнность, а получить ее онъ можетъ только изъ живого труда. Чтобы обезопасить себѣ рынокъ противъ своихъ конкуррентовъ, онъ долженъ стремиться къ удешевленію производства, а этой цѣли, если пониженіе заработной платы невозможно, онъ достигаетъ только повышеніемъ производительности труда, т.-е. усовершенствованіемъ машинъ и ограниченіемъ примѣненія человѣческой рабочей силы. Но вмѣстѣ съ человѣческой рабочей силой онъ упраздняетъ и трудъ, производящій прибавочную цѣнность, и такимъ образомъ убиваетъ курицу, несущую ему золотыя яйца. Послѣдствіемъ является постепенно совершающееся пониженіе нормы прибыли, временно замедляющееся обстоятельствами, дѣйствующими въ обратномъ направленіи, но всегда снова наступающее. Въ этомъ—новое внутреннее противорѣчіе капиталистическаго спо-

соба производства. Норма прибыли есть стимулъ къ производительному употребленію капитала; если она падаетъ ниже извѣстнаго уровня, то ослабѣваетъ стремленіе къ производительнымъ предпріятіямъ и, главнымъ образомъ, у новыхъ капиталовъ, появляющихся на рынкѣ, какъ отсадки накопленныхъ массъ капитала. Капиталъ самъ создаетъ ограниченія капиталистическому производству. Дальнѣйшее развитіе производства нарушается. Въ то время, какъ съ одной стороны каждый дѣятельный капиталъ старается обезпечить и повысить свою прибыль путемъ лихорадочнаго напряженія производства,— съ другой стороны, уже наступаетъ застой въ дѣлѣ расширенія производства. Это явленіе есть не болѣе, какъ соотвѣтствіе процессамъ, происходящимъ на рынкѣ потребительныхъ цѣнностей, и ведущимъ вслѣдствіе относительнаго перепроизводства къ кризису. Перепроизводство товаровъ выражается тотчасъ же въ видѣ перепроизводства капиталовъ. Здѣсь, какъ и тамъ, кризисы создаютъ временную нивеллировку. Происходитъ колоссальное обезцѣненіе и разрушеніе капиталовъ; подъ вліяніемъ застоя часть рабочаго класса должна подчиниться пониженію заработной платы до уровня ниже средняго, такъ какъ на рабочемъ рынкѣ въ распоряженіи капитала имѣется усиленная резервная армія незанятыхъ рабочихъ. Нѣсколько времени спустя возстановляются условія новаго, болѣе выгоднаго примѣненія капитала, и все снова идетъ своимъ чередомъ,—но уже на болѣе высокой ступени изображеннаго выше внутренняго противорѣчія: бо̀льшая

централизація капиталовъ, бо̀льшая концентрація производствъ, болѣе высокая норма эксплоатаціи.

Вѣрно ли все это?

И да, и нѣтъ! Оно вѣрно во всякомъ случаѣ въ тенденціи. Изображенныя силы существуютъ и дѣйствуютъ въ указанномъ направленіи. Изображенные процессы также взяты изъ дѣйствительности: паденіе нормы прибыли фактъ, наступленіе перепроизводства и кризисовъ—фактъ, періодическое уничтоженіе капиталовъ—фактъ, концентрація и цантрализація промышленныхъ капиталовъ—фактъ, повышеніе нормы прибавочной цѣнности—тоже фактъ. До сихъ поръ ничего нельзя опровергнуть въ этомъ изображеніи. Если же картина не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, то это не потому, чтобы было сказано что-нибудь невѣрное, но потому, что сказанное неполно. Факторы, ограничивающе дѣйствующіе на изложенныя выше противорѣчія, Марксомъ либо совершенно игнорируются, либо если при случаѣ и разсматриваются,—то позже; при сопоставленіи или противопоставленіи установленныхъ фактовъ, они опускаются, такъ что соціальное дѣйствіе антагонизмовъ кажется гораздо болѣе сильнымъ и непосредственнымъ, чѣмъ оно есть въ дѣйствительности.

Такъ въ I т. «Капитала» (гл. XXIII, § 2) Марксъ говоритъ объ образованіи отсадковъ капитала путемъ раздѣловъ и т. п. («взаимнымъ отталкиваніемъ многихъ индивидуальныхъ капиталовъ») и замѣчаетъ при этомъ, что при аккумуляціи капитала число капиталистовъ вслѣдствіе такихъ раздѣленій «болѣе или менѣе возрастаетъ» (стр. 525). Но въ слѣдующемъ изложеніи совершенно не обра-

щается вниманія на этотъ ростъ числа капиталистовъ и даже акціонерное общество разсматривается только съ точки зрѣнія концентраціи и централизаціи капитала. Дѣло считается рѣшеннымъ этимъ приведеннымъ выше выраженіемъ: «болѣе или менѣе». Въ концѣ I тома рѣчь идетъ только о «постоянно уменьшающемся числѣ крупныхъ капиталистовъ» и это нисколько принципіально не измѣняется въ III томѣ. При обсужденіи нормы прибыли и купеческаго капитала затрагиваются факты, указывающіе на раздробленіе капиталовъ, но не въ примѣненіи къ этому вопросу. Читатель получаетъ впечатлѣніе, что число капиталистовъ постоянно уменьшается если не абсолютно, то относительно роста рабочаго класса. Въ соціалдемократіи поэтому преобладаетъ представленіе, что концентрація промышленныхъ предпріятій происходитъ параллельно съ концентраціей состояній.

Но это вовсе не такъ. Форма акціонерной компаніи значительно противодѣйствуетъ тенденціи, заключающейся въ централизаціи капиталовъ путемъ централизаціи производствъ. Она допускаетъ широкое раздѣленіе уже концентрированныхъ капиталовъ и дѣлаетъ излишнимъ присвоеніе капиталовъ отдѣльными крупными капиталистами въ цѣляхъ концентрированія промышленныхъ предпріятій. Если экономисты, противники соціализма, использовали этотъ фактъ съ цѣлью прикрашиванія нынѣшнихъ общественныхъ отношеній, то отсюда не слѣдуетъ, что соціалисты должны скрывать или отрицать этотъ фактъ. Дѣло идетъ скорѣе о томъ, чтобы признать его дѣйствительное распространеніе и его значеніе.

Къ сожалѣнію, совершенно отсутствуютъ цифровыя данныя о дѣйствительномъ распредѣленіи различнаго вида акцій такъ сильно нынѣ распространенныхъ акціонерныхъ обществъ, такъ какъ въ бо́льшей части государствъ акціи анонимны (т.-е. какъ и другія бумажныя деньги, онѣ могутъ безпрепятственно мѣнять своихъ владѣльцевъ); въ Англіи же, гдѣ преобладаютъ именныя акціи и гдѣ списки такихъ акціонеровъ каждымъ могутъ быть просматриваемы въ государственной регистратурѣ, установленіе точной статистики собственниковъ акцій представляется колоссальной задачей, на которую никто еще не отваживался. Число ихъ можно опредѣлить лишь приблизительно, на основаніи нѣкоторыхъ дознаній относительно отдѣльныхъ акціонерныхъ обществъ. Все же, чтобы показать, насколько обманчивы представленія, дѣлаемыя на этотъ счетъ, и какъ въ дѣйствительности наиболѣе современная и грубая форма капиталистической централизаціи, «трёстъ», совсѣмъ иначе вліяетъ на распредѣленіе капиталовъ, чѣмъ это кажется издалека,—мы приведемъ здѣсь нѣкоторыя цифры, которыя легко могутъ быть провѣрены.

Немного болѣе, чѣмъ за годъ основанный англійскій ниточный трёстъ насчитываетъ не менѣе 12.300 акціонеровъ. Изъ нихъ:

6000	собственн.	основн. акцій кажд. въ средн.	съ 1200	марк.	кап.
4500	»	» привилегиров. акцій	» 3000	»	»
1800	»	» облигац. кажд. въ средн.	» 6000	»	»

Бумагопрядильный трёстъ также имѣетъ солидное число акціонеровъ, а именно 5454.

2904 собственн.	основн. акцій	кажд. въ	средн. съ 6000 марк.	кап.
1870 »	»	привилегиров. акцій	» 10000 »	»
680 »	»	облигац. кажд. въ средн.	» 26000 »	»

Аналогичныя данныя имѣются и относительно хлопчатобумажнаго трёста П. и Т. Котса [1]). Число акціонеровъ большого Манчестерскаго морского канала достигаетъ почти 40.000, а крупнаго провизіоннаго дѣла Т. Липтонъ—74.262. У склада Спирсъ и Пондъ въ Лондонѣ, приводимаго въ настоящее время, какъ примѣръ концентраціи капитала, при капиталѣ въ 26.000.000 марокъ имѣется 4.650 акціонеровъ, изъ которыхъ лишь у 550 капиталъ, помѣщенный въ акціяхъ, превышаетъ 10.000 марокъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ раздробленія капитала въ централизованныхъ предпріятіяхъ. Само собой разумѣется, что не всѣ акціонеры могутъ быть названы капиталистами, и часто одинъ и тотъ же крупный капиталистъ принимаетъ участіе во всевозможныхъ обществахъ, въ качествѣ мелкаго акціонера. Но во всякомъ случаѣ число акціонеровъ и средняя сумма принадлежащихъ имъ акцій находятся въ состояніи быстраго возрастанія. Общее число собственниковъ акцій въ Англіи далеко превышаетъ милліонъ и это не покажется преувеличеннымъ, если вспомнимъ, что въ одномъ 1896 году число акціонерныхъ обществъ Соединеннаго Королевства достигало 21.223 съ капиталомъ въ 22.290 милліоновъ марокъ, при чемъ сюда не входили опе-

[1]) Во всѣхъ этихъ трёстахъ прежніе собственники комбинированныхъ фабрикъ должны были часть акцій взять на себя. Эти акціи исключены изъ данной таблицы.

рирующія въ самой Англіи иностранныя предпріятія, государственныя бумаги и т. п. [1]).

Это распредѣленіе національнаго богатства, для котораго въ бо́льшей части случаевъ можно употребить выраженіе: національный прибавочный продуктъ, снова отражается въ цифрахъ статистики доходовъ.

Въ Соединенномъ Королевствѣ въ финансовомъ 1893—94 году (послѣдній имѣющійся у меня отчетъ) число лицъ подъ рубриками Д и Е (доходъ отъ прибыли съ предпріятій, высшія чиновничьи мѣста и т. д.) съ доходомъ въ 3000 и болѣе марокъ доходило до 727.270. Сюда слѣдуетъ прибавить еще лицъ, получающихъ доходъ съ земли (разныя виды аренды), домовладѣльцевъ и получающихъ доходъ съ подлежащихъ обложенію капиталовъ. Доходъ этихъ группъ населенія оцѣненъ почти во столько же, во сколько и предыдущихъ податныхъ группъ, а именно въ 6.000 милліоновъ марокъ противъ 7.000. Это могло бы почти удвоить число лицъ съ доходомъ свыше 3000 марокъ.

Въ «British Review» отъ 22 мая 1897 г. помѣщены нѣкоторыя цифры о ростѣ доходовъ въ Англіи съ 1851 г. по 1881 г. Судя по нимъ, Англія насчитывала семействъ съ доходомъ въ 150—1000 ф. ст. (средняя и мелкая буржуазія и высшая рабочая аристократія): въ 1851 г. круглымъ счетомъ 300.000,
въ 1881 г. „ „ 990.000.

[1]) Въ настоящее время англійскіе капиталы, помѣщенные за границей, оцѣниваются въ 43 милліарда марокъ, а ихъ ежегодный приростъ—въ среднемъ въ 114 милліоновъ марокъ!

Населеніе за это тридцатилѣтіе увеличилось въ отношеніи 27 : 35, т.-е. едва на 30%; численность же этого класса доходовъ въ отношеніи 27 : 90, т.-е. на 233⅓%. Въ настоящее время Джиффенъ исчисляетъ этотъ классъ въ 1½ милліона плательщиковъ податей.

Другія страны въ общемъ не представляютъ иной картины. По Мульхалю, Франція при наличности всего 8.000.000 семействъ насчитываетъ 1.700.000 семействъ, находящихся въ условіяхъ существованія крупной и мелкой буржуазіи (средній доходъ въ 5.200 марокъ), 6 милліоновъ семействъ рабочихъ и 160.000 вполнѣ богатыхъ. Въ Пруссіи, какъ это извѣстно читавшимъ Лассаля, въ 1854 году при населеніи въ 16,3 милліона было только 44.407 лицъ съ доходомъ свыше тысячи талеровъ. Въ 1894—95 году, при общемъ населеніи почти въ 33 милліона, оказалось 321.296 лицъ, и при обложеніи налогомъ показавшихъ доходъ свыше 3.000 марокъ. Въ 1897—98 году это число поднялось до 347.328 человѣкъ. Въ то время, какъ населеніе удвоилось, слой лучше поставленныхъ классовъ увеличился болѣе, чѣмъ въ семь разъ. И если даже принять во вниманіе, что присоединенныя въ 1866 г. части страны показывали по бо̀льшей части болѣе высокія цифры благосостоянія, чѣмъ Старая Пруссія, тѣмъ не менѣе, отношеніе увеличенія лучше поставленныхъ къ увеличенію всего населенія получается гораздо больше, чѣмъ 2 : 1. Если мы возьмемъ, напримѣръ, болѣе поздній періодъ времени, то мы найдемъ, что за 14 лѣтъ, съ 1876 по 1890 годъ, при общемъ увеличеніи числа плательщиковъ на

20,56%, доходы между 2000 и 20.000 марокъ (состоятельная и мелкая буржуазія) дали увеличеніе съ 442.534 до 582.024 плательщиковъ, т.-е. на 31,52%. Классъ собственно владѣльцевъ (6.000 марокъ дохода и свыше) возросъ въ то же время съ 66.319 до 109.095 плательщиковъ, т.-е. на 58,47%. Пять шестыхъ этого увеличенія, а именно 33.226 изъ 38.776, приходятся на средній слой доходовъ отъ 6 до 20 тысячъ марокъ. Не иными представляются отношенія въ самомъ промышленномъ государствѣ Германіи, именно въ Саксоніи. Тамъ съ 1879 по 1890 годъ число лицъ съ доходомъ отъ 1600 до 3300 марокъ возросло съ 62.140 до 91.124, а лицъ съ доходомъ отъ 3.300 до 9.600 марокъ—съ 24.414 до 38.841 [1]). То же самое и въ другихъ отдѣльныхъ государствахъ Германіи. Само собой разумѣется, не всѣ получающіе высшій доходъ—«владѣльцы», но въ какой высокой степени это имѣетъ мѣсто, видно изъ того, что для 1895—96 года въ Пруссіи 1.152.332 плательщика каждый съ окладнымъ владѣніемъ стоимостью свыше 6.000 м., были привлечены къ платежу дополнительнаго налога. Болѣе половины изъ нихъ, именно 598.063, платили съ чистаго ка-

---

[1]) Этотъ послѣдній классъ съ 1890 по 1892 г. возросъ болѣе, чѣмъ на 2.400 человѣкъ, т.-е. до 39.266. Мнѣ не хватаетъ абсолютныхъ чиселъ для перваго класса за 1892 г. Поэтому упомяну только, что съ 1879 по 1892 годъ число имѣющихъ доходъ въ 800—3.300 марокъ (лучше поставленные рабочіе и мелкая буржуазія) возросло въ Саксоніи съ 227.839 до 439.948, т.-е. съ 20,94% до 30,48% плательщиковъ. Замѣчу здѣсь, что цифры, относящіяся къ Пруссіи и Саксоніи, частью взяты изъ Handwörterbuch für Staatswissenschaft, частью изъ руководства Шёнберга.

питала размѣрами болѣе, чѣмъ въ 20.000 марокъ, а 385 тысячи—размѣрами болѣе, чѣмъ въ 32.000 марокъ.

Такимъ образомъ, совершенно невѣрно думать, что современное развитіе свидѣтельствуетъ объ относительномъ или даже абсолютномъ уменьшеніи числа собственниковъ. Число собственниковъ растетъ не «болѣе или менѣе», но просто болѣе, т.-е. растетъ и абсолютно, и относительно. Если бы дѣятельность и надежды соціалдемократіи зависѣли отъ того, что число собственниковъ уменьшается, то она могла бы въ дѣйствительности «спокойно заснуть». Но это совершенно невѣрно. Не съ уменьшеніемъ, а съ увеличеніемъ общественнаго богатства связаны надежды соціалдемократіи. Соціализмъ или соціалистическое движеніе новаго времени пережило уже много предразсудковъ, оно переживетъ также и тотъ, будто его будущность зависитъ отъ концентраціи владѣнія или, если хотите, отъ поглощенія прибавочнаго продукта очень уменьшающейся группой капиталистическихъ мамонтовъ [1]).

Десять ли тысячъ человѣкъ монополистически накопляютъ общественный прибавочный продуктъ или онъ въ уменьшенныхъ дозахъ распредѣляется

[1]) Въ соціалистической литературѣ при вычисленіи высшаго дохода по большей части безъ вниманія оставляется тотъ фактъ, что очень большой процентъ этого дохода приходится на юридическія лица, т.-е. на всякаго рода общества (акціонерныя и др.). Такъ въ Саксоніи въ 1892 г. изъ 11.138 плательщиковъ налоговъ съ доходомъ свыше 9600 марокъ было 5594 юридическихъ лицъ; чѣмъ доходъ выше, тѣмъ болѣе они преобладаютъ. При доходѣ свыше 300.000 марокъ на 23 физическихъ лица приходится 33 юридическихъ.

между полумилліономъ людей—это принципіально безразлично для 9 или 10 милліоновъ главъ семействъ, которымъ при этомъ приходится страдать. Ихъ стремленіе къ болѣе справедливому распредѣленію или къ организаціи, заключающей въ себѣ болѣе справедливое распредѣленіе, не дѣлается отъ этого менѣе естественнымъ. Напротивъ, нужно было бы меньше прибавочнаго труда, чтобъ содержать нѣсколько тысячъ привилегированныхъ въ роскоши, чѣмъ полмилліона и болѣе человѣкъ—въ благосостояніи.

Если бы общество было такъ устроено или развивалось бы такъ, какъ представляла это до сихъ поръ соціалистическая доктрина, тогда, конечно, экономическій переворотъ могъ бы считаться дѣломъ ближайшаго будущаго. Мы, однако, уже видѣли, что это не такъ. Раздѣленіе общества на группы, въ сравненіи съ прошлымъ, далеко не упростилось; оно скорѣе сильно усложнилось и дифференцировалось какъ въ отношеніи высоты дохода, такъ и профессіональной дѣятельности. И если бы даже мы не установили этого обстоятельства эмпирически путемъ статистики доходовъ и занятій, то оно само обнаружилось бы чисто дедуктивнымъ путемъ, какъ необходимое слѣдствіе современнаго хозяйства.

Повышенная продуктивность труда является главнымъ отличительнымъ признакомъ современнаго способа производства. Въ результатѣ получается не менѣе значительное повышеніе производства—массовое производство потребительныхъ благъ. Куда дѣвается это богатство? Или, ставя

вопросъ прямо—куда дѣвается тотъ прибавочный продуктъ, который производятъ наемные рабочіе сверхъ своего собственнаго потребленія, ограниченнаго заработной платой? «Магнаты капитала» могли бы имѣть въ десять разъ бо́льшія желудки, чѣмъ имъ приписываетъ народное остроуміе, и въ десять разъ больше прислуги, чѣмъ они въ дѣйствительности держатъ, и все-таки въ сравненіи съ массой годового національнаго продукта—вспомнимъ, что капиталистическое крупное производство есть прежде всего массовое производство — ихъ потребленіе было бы каплей въ морѣ. Скажутъ, они вывозятъ излишекъ за границу. Хорошо; но вѣдь иностранный покупатель платитъ въ концѣ концовъ тоже только товарами. Циркулирующія металлическія деньги въ міровой торговлѣ играютъ незначительную роль. Чѣмъ страна богаче капиталами, тѣмъ больше она ввозитъ товаровъ, такъ какъ страны, которыя она ссужаетъ деньгами, не могутъ, въ большинствѣ случаевъ, платить проценты иначе, какъ въ формѣ товаровъ [1]). Гдѣ же остается въ такомъ случаѣ то количество товаровъ, которое не могутъ поглотить магнаты и ихъ прислуга? Если оно тѣмъ или другимъ путемъ не поступаетъ къ пролетаріямъ, оно должно быть перехватываемо другими классами. Либо повышающееся относительное уменьшеніе числа капиталистовъ и повышающееся благосостояніе пролетаріата, либо многочисленный средній классъ—вотъ единственная альтернатива, которую

[1]) Англія получаетъ свои проценты въ формѣ превышенія ввоза, оплачиваемаго двумя милліардами марокъ; бо́льшую часть этого ввоза составляютъ предметы, потребляемые массами.

намъ представляетъ повышающееся развитіе производства. Кризисы и непроизводительные расходы и т. д. поглощаютъ много, но въ послѣднее время на долю этихъ расходовъ приходилась только часть всего прибавочнаго продукта. Если бы рабочій классъ захотѣлъ ждать, пока «капиталъ» сживетъ со свѣта средніе классы, онъ дѣйствительно могъ бы еще долго спать. Капиталъ экспропріировалъ бы эти классы въ одной формѣ, а затѣмъ производилъ бы ихъ въ свѣтъ въ другой.

На томъ основаніи, что богатство современныхъ націй есть въ возрастающей мѣрѣ богатство въ движимыхъ потребительныхъ благахъ, манчестерскіе писатели слагали всевозможные хвалебные гимны современному строю. Это въ свое время заставило почти всѣхъ соціалистовъ впасть въ противоположную крайность и разсматривать общественное богатство только какъ недвижимое богатство, sub specie «капитала», которое постепенно олицетворилось въ какое-то мистическое существо. Самыя даже свѣтлыя головы теряютъ способность здраваго сужденія, какъ только имъ поперекъ дороги становится это представленіе «капиталъ». Марксъ сказалъ однажды о либеральномъ экономистѣ Ж. Б. Сэй, что онъ потому позволяетъ себѣ судить о кризисахъ, что знаетъ, что товаръ есть продуктъ. Теперь многіе думаютъ, что они все сказали объ общественномъ богатствѣ, разъ указали на специфическую форму предпринимательскаго капитала.

Противъ положенія моего доклада на Штутгарскомъ партейтагѣ о томъ, что увеличеніе общественнаго богатства сопровождается не уменьшеніемъ

числа капиталистовъ-магнатовъ, но увеличеніемъ числа капиталистовъ всякихъ степеней достатка—противъ этого положенія высказывается передовая статья «New-Yorker Volkszeitung», заявляя, что, по крайней мѣрѣ, относительно Америки, этотъ выводъ невѣренъ, потому что переписи Соединенныхъ Штатовъ доказываютъ, что тамъ производство находится въ рукахъ все болѣе уменьшающагося числа синдикатовъ («concerns»). Странное опроверженіе! Что я говорю объ общей классовой группировкѣ, то мой критикъ считаетъ возможнымъ опровергать указаніемъ на группировку промышленныхъ предпріятій. Это то же самое, какъ если бы кто-нибудь сказалъ, что число пролетаріевъ въ современномъ обществѣ все болѣе уменьшается, потому что тамъ, гдѣ прежде стоялъ отдѣльный рабочій, тамъ теперь стоитъ рабочій союзъ.

Къ этому присоединяютъ заявленіе, что слитіе предпріятій — это главное, а образуется ли среди акціонеровъ новый классъ паразитовъ—это вопросъ второстепенный.

Это лишь мнѣніе, а не доказательство противъ приведеннаго мной факта. Въ анализѣ общества одинъ фактъ имѣетъ такое же значеніе, какъ и другой. Съ извѣстной точки зрѣнія онъ можетъ казаться менѣе важнымъ, но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, вѣренъ онъ или нѣтъ. О слитіи предпріятій, которое не вполнѣ мнѣ было неизвѣстно, я самъ далѣе говорилъ въ своемъ докладѣ. Я упоминалъ о двухъ фактахъ, а критикъ думаетъ доказать невѣрность одного, объявляя важнымъ только дру-

гой. Надѣюсь, что мнѣ удастся разогнать туманъ, застилающій взоръ ему и другимъ.

Еще въ Штутгартѣ Каутскій останавливался на упомянутомъ моемъ мнѣніи и возражалъ мнѣ, что если было бы правда, что растетъ число капиталистовъ, а не пролетаріевъ,—то развитіе капитализма прекратилось бы и соціалисты вообще не пришли бы къ цѣли. Но все еще вѣрны, прибавлялъ Каутскій, слова Маркса, что увеличеніе капитала означаетъ увеличеніе и пролетаріата.

Это возраженіе дѣлается въ другомъ направленіи, но есть то же quid pro quod, хотя и не въ столь грубой формѣ. Я нигдѣ не говорилъ, что число пролетаріевъ не увеличивается. Я говорилъ, подчеркивая увеличеніе капиталистовъ всѣхъ степеней, о людяхъ, а не о предпринимателяхъ. Но Каутскій, очевидно, исходитъ изъ понятія «капиталъ» и пришелъ къ выводу, что относительное увеличеніе числа капиталистовъ должно означать соотвѣтственное уменьшеніе пролетаріата, что, однако, противорѣчитъ нашему ученію. И онъ возражаетъ мнѣ приведеннымъ выше изреченіемъ Маркса.

Выше я цитировалъ уже положеніе Маркса, звучащее нѣсколько иначе, чѣмъ то, которое привелъ Каутскій. Ошибка Каутскаго заключается въ отождествленіи капитала съ капиталистами или собственниками. Но я могъ бы указать Каутскому на нѣчто другое, лишающее его возраженіе силы. Это—развитіе промышленнаго капитала, которое Марксъ называетъ органическимъ. Если строеніе капитала измѣняется такимъ образомъ, что постоянный капиталъ увеличивается, а перемѣнный

уменьшается, то въ данномъ предпріятіи абсолютное увеличеніе капитала означаетъ относительное уменьшеніе пролетаріата. По Марксу, это именно есть характерная форма современнаго развитія. Въ дѣйствительности, перенесенное на все капиталистическое хозяйство, это означаетъ: абсолютное увеличеніе капитала, относительное уменьшеніе пролетаріата. Рабочіе, ставшіе излишними вслѣдствіе измѣненнаго органическаго строенія капитала, находятъ снова работу каждый разъ лишь по мѣрѣ того, какъ на рынкѣ появляется новый капиталъ, готовый дать имъ занятіе. Именно въ томъ пунктѣ, который Каутскій считаетъ спорнымъ, мое воззрѣніе согласуется съ теоріей Маркса. Если число рабочихъ увеличивается, то капиталъ долженъ увеличиваться сравнительно еще быстрѣе—таково слѣдствіе изъ дедукціи Маркса. Я думаю, Каутскій долженъ съ этимъ согласиться безъ околичностей.

Рѣчь идетъ такимъ образомъ только о томъ, является ли увеличенный капиталъ владѣніемъ капиталомъ только въ томъ случаѣ, когда онъ владѣетъ имъ какъ фондомъ предпріятія, или также и въ томъ, когда владѣніе ограничивается частичнымъ участіемъ въ предпріятіи.

Если нѣтъ, тогда какой-нибудь слесарь Пазевалькъ, занимающійся своимъ ремесломъ съ шестью подмастерьями и нѣсколькими учениками, долженъ считаться капиталистомъ, а рантье Мюллеръ, имѣющій въ сундукѣ нѣсколько сотъ тысячъ марокъ, или его зять, инженеръ Шульце, получившій за женой множество акцій (не всѣ акціонеры живутъ въ

праздности), были бы люди, лишенные собственности. Безсмысленность такой классификаціи очевидна. Владѣніе есть владѣніе, движимое ли оно или недвижимое. Акціи не только капиталъ, но даже капиталъ въ его совершеннѣйшей, можно сказать, возвышенной формѣ. Она есть освобожденное отъ всякаго соприкосновенія съ реальной промышленной дѣятельностью свидѣтельство на участіе въ прибавочномъ продуктѣ національнаго или міроваго хозяйства—есть динамическій капиталъ, если хотите. Если всѣ акціонеры и жили бы, какъ ничего недѣлающіе рантье, то растущія массы акціонеровъ,—теперь можно сказать, баталіоны акціонеровъ,—представляютъ однимъ своимъ существованіемъ, способомъ ихъ потребленія и числомъ ихъ соціальныхъ дружинниковъ силу, значительно дѣйствующую на экономическую жизнь общества. Акція возстановляетъ соціальныя звенья, выпавшія изъ промышленности вслѣдствіе концентраціи производствъ.

Но эта концентрація имѣетъ свои особенности. Разсмотримъ ее поближе.

---

c) Производительные классы въ промышленности и расширеніе общественнаго богатства.

Въ такомъ считающемся наиболѣе прогрессивнымъ въ капиталистическомъ отношеніи государствѣ, какъ Англія, отсутствуетъ общая статистика

производительныхъ классовъ. Она существуетъ только для опредѣленныхъ, подчиненныхъ фабричнымъ законамъ отраслей промышленности, а также для отдѣльныхъ мѣстностей.

Что касается фабрикъ и мастерскихъ, подчиненныхъ фабричнымъ законамъ, то въ нихъ по отчету фабричныхъ инспекторовъ за 1896 г. было занято всего 4.398.983 человѣка. Это еще не составляетъ вполнѣ половины лицъ, по переписи 1891 г. зачисленныхъ въ качествѣ занятыхъ въ промышленности. Число ихъ по переписи равно—не считая лицъ, занятыхъ въ транспортномъ дѣлѣ,—9.025.902. Отъ трети до четверти остальныхъ 4.626.919 человѣкъ можно отнести на служебный персоналъ различныхъ отраслей промышленности и на нѣкоторыя среднія и крупныя производства, которыя не подчинены фабричнымъ законамъ. Остается еще около трехъ милліоновъ рабочихъ и хозяевъ въ мелкихъ предпріятіяхъ. 4 милліона подчиненныхъ фабричнымъ законамъ рабочихъ распредѣляются по 160.998 фабрикамъ и мастерскимъ, что даетъ въ среднемъ 27—28 рабочихъ на каждое заведеніе [1]). Если мы отдѣлимъ фабрики отъ мастерскихъ, то получимъ 76.279 фабрикъ съ 3.743.418 рабочихъ и 81.669 мастерскихъ съ 655.565 рабочими, въ среднемъ 49 рабочихъ на фабрику и 8 рабочихъ на зарегистрованную мастерскую. Уже среднее число 49 рабочихъ на фабрику показываетъ намъ—и это подтверждается также болѣе подробнымъ изслѣдованіемъ таблицъ отчета,—что по крайней мѣрѣ двѣ трети заведеній, зарегистрованныхъ въ качествѣ фабрикъ, принадлежатъ къ категоріи производствъ среднихъ размѣровъ съ 6—50 рабочими, такъ что самое большое остается 20—25 тысячъ производствъ съ 50 рабочими и болѣе, которыя всѣ вмѣстѣ даютъ работу тремъ милліонамъ рабочимъ. Изъ 1.171.990 лицъ, занятыхъ въ транспортѣ, въ лучшемъ случаѣ три четверти могутъ считаться принадлежащими къ крупному производству. Если причислить ихъ къ вышеприведеннымъ категоріямъ, то получимъ въ цѣломъ для рабочаго и вспомогательнаго персонала крупнаго производства цифру въ $3^1/_2$—4 милліона, которымъ противопоставляются болѣе $5^1/_2$ милліоновъ лицъ, занятыхъ въ среднемъ и мелкомъ производствѣ. «Міровая мастерская» (Англія) поэтому еще далеко не въ той степени, какъ это принято думать, перешла къ крупному производству. И въ Англіи промышленность отличается разнообразіемъ формъ и никакая группа населенія не исчезаетъ изъ общественной лѣстницы [1]).

[1]) При окончаніи отчета еще не были занесены свѣдѣнія, полученныя отъ 1931 зарегистрованной фабрики и 5624 мастерскихъ. Они еще болѣе понизили бы отношеніе числа рабочихъ на каждое производство.

[1]) Переселившіеся въ Англію нѣмецкіе рабочіе неоднократно высказывали мнѣ свое удивленіе по поводу раздробленія производствъ, которое они встрѣтили въ обработывающей дерево и металлы промышленности этой страны. Современныя цифры хлопчатобумажной промышленности показываютъ лишь умѣренное усиленіе концентраціи съ того времени, когда писалъ Карлъ Марксъ. Вотъ сравненіе съ послѣдними имѣющимися у Маркса цифрами:

	Марксъ, 1868 г.	Статистика 1890 г.	Увеличеніе или уменьшеніе.
Фабрики	2.549	2.538	— 0,43%
Станки	379.329	615.714	+ 62%

Если мы сравнимъ полученныя числа съ числами германской промышленной статистики за 1895 годъ, то мы найдемъ, что послѣднія даютъ въ общемъ такую же картину, какъ англійскіе. Крупная промышленность въ 1895 году въ Германіи занимала въ производствѣ приблизительно то же положеніе, какъ въ Англіи въ 1891 г. Въ Пруссіи въ 1895 г. 38% промышленныхъ рабочихъ были заняты въ крупной промышленности. Переходъ къ

Веретена	32.000.014	44.504.819	+ 39%
Рабочіе	401.064	528.795	+ 32%
Рабоч. на 1 фабрику.	156	208	+ 33%

Это для промышленности, столь подверженной техническимъ переворотамъ, вовсе не очень сильная для 22-лѣтняго періода концентрація. Число станковъ, положимъ, увеличилось на 62%, но число веретенъ—лишь немного быстрѣе числа занятыхъ рабочихъ. Послѣ 1870 года число взрослыхъ мужчинъ рабочихъ увеличилось больше, чѣмъ число женщинъ и дѣтей (см. «Капиталъ» т. I, с. 381 и Statistical Abstract for the United Kingdom from 1878 to 1892). Въ другихъ отрасляхъ текстильной промышленности концентрація оказывается еще незначительнѣе. Съ 1870 по 1890 гг. число суконныхъ и прядильныхъ фабрикъ увеличилось съ 2.459 до 2.546; число занятыхъ въ нихъ рабочихъ съ 234.687 до 297.053, т.-е. съ 95 до 117 рабочихъ на фабрику. Въ нихъ, въ противоположность хлопчатобумажной промышленности, число веретенъ увеличилось гораздо быстрѣе, чѣмъ число станковъ; послѣднее показываетъ увеличеніе съ 112.794 до 129.222, остающееся позади увеличенія числа занятыхъ рабочихъ, такъ что можно говорить только о концентраціи прядильнаго дѣла.

Отчетъ фабричныхъ инспекторовъ за 1896 г. принимаетъ число фабрикъ всей текстильной промышленности Великобританіи равнымъ 9.891, принадлежащихъ 7.900 компаніямъ и занимающихъ 1.077.687 рабочихъ, сравнительно съ 5.968 фабриками въ 1870 году съ 718.051 рабочими—увеличеніе числа рабочихъ на каждое предпріятіе съ 120,3 до 136,4.

крупной промышленности совершался тамъ, какъ и въ остальной Германіи, съ неслыханной быстротой. Если отдѣльныя отрасли производства (въ ихъ числѣ текстильная промышленность) еще остаются позади Англіи, то другія въ среднемъ достигли положенія англійскихъ (производство машинъ и орудій), а нѣкоторыя (химическое и стеклянное производство, извѣстныя отрасли графическаго искусства, а также, вѣроятно, и электротехника) превзошли ихъ. Но все же громадная масса занятыхъ въ промышленности лицъ еще работаетъ въ Германіи въ мелкомъ и среднемъ производствѣ. Изъ $10^1/_4$ милліоновъ занятыхъ въ промышленности лицъ въ 1895 году немного болѣе 3.000.000 приходилось на крупное производство, $2^1/_2$—на среднее (6—50 человѣкъ) и $4^3/_4$ милліона—на мелкое. Мастеровъ-ремесленниковъ считалось еще $1^1/_4$ милліона. Въ пяти отрасляхъ число ихъ увеличилось противъ 1895 года абсолютно и относительно (къ приросту населенія), въ 9—абсолютно, а въ 11 абсолютно и относительно уменьшилось [1]).

Во Франціи промышленность въ цѣломъ количественно стоитъ еще позади сельскаго хозяйства. По переписи 17-го апрѣля 1894 года она занимала только 25,9% населенія; сельское же хозяйство—почти вдвое больше, а именно 47,3%. Подобное же отношеніе встрѣчается въ Австріи, гдѣ на сельское хозяйство приходится 55,9% населенія, а на промышленность—25,8%. Во Франціи въ промышлен-

---

[1]) Ср. R. Calwer. Die Entwickelung des Handwerks. Neue Zeit XV, 2, стр. 597.

ности на милліонъ хозяевъ приходится 3,3 милліона наемниковъ, въ Австріи на 600,000 хозяевъ — 2¼ милліона рабочихъ и поденщиковъ. И здѣсь отношеніе почти то же самое. Обѣ страны знаютъ цѣлый рядъ высоко развитыхъ отраслей промышленности (текстильная, горная и горнозаводская), которыя какъ бы стоятъ на одномъ уровнѣ съ болѣе прогрессивными странами, но которыя въ національномъ хозяйствѣ представляются лишь частнымъ явленіемъ.

Въ Швейцаріи въ промышленности 127,000 самостоятельныхъ хозяевъ приходятся на 400,000 рабочихъ. Американскіе Соединенные Штаты, о которыхъ говоритъ упомянутый сотрудникъ «New-Yorker Volkszeitung», что они—наиболѣе капиталистическая страна въ свѣтѣ, имѣли, по переписи 1890 года, въ промышленности сравнительно высокое среднее число рабочихъ на производство, а именно—3½ милліона рабочихъ на 355.415 промышленныхъ заведеній;—отношеніе такимъ образомъ равняется 10 : 1. Но сюда, какъ и въ Англіи, не входятъ всѣ домашнія и карликовыя производства. Если взять цифры прусской промышленной статистики сверху до низу, то получится почти то же самое среднее число, какъ и число американской переписи. Если разсмотрѣть ближе помѣщенный въ «Statistical Abstract» перечень зарегистрованныхъ при переписи производствъ, то наталкиваешься на множество отраслей промышленности съ 5 и менѣе въ среднемъ рабочими на производство. Такъ, напримѣръ, на первой страницѣ послѣ 910 фабрикъ земледѣльческихъ орудій съ 30.723 рабочими, 35 фаб-

рикъ огнестрѣльныхъ снарядовъ съ 1.993 рабочими и 251 фабрики искусственныхъ перьевъ и цвѣтовъ съ 3.638 рабочими—мы находимъ 59 фабрикъ искусственныхъ членовъ съ 154 рабочими и 581 парусную и палаточную фабрику съ 2.873 рабочими.

Если безпрестанный прогрессъ техники и централизація производствъ въ увеличивающемся числѣ отраслей промышленности есть истина, значеніе которой нынѣ едва замалчивается даже закоренѣлыми реакціонерами,—то не менѣе установлена и та истина, что въ цѣломъ рядѣ отраслей промышленности мелкія и среднія производства оказываются вполнѣ жизнеспособными наряду съ крупными. Въ промышленности для всѣхъ ея отраслей нѣтъ развитія по одному и тому же шаблону. Рутинно ведущіяся производства остаются мелкими и средними, въ то же время отрасли художественной промышленности, которыя считались обезпеченными за мелкимъ производствомъ, въ одинъ прекрасный день окончательно становятся достояніемъ крупнаго производства. То же явленіе наблюдается въ области домашней и посреднической промышленности. Въ Цюрихскомъ кантонѣ домашнее ткачество въ шелковой промышленности долгое время падало, но съ 1891 по 1897 г. число ткачей увеличилось съ 24.708 до 27.800, тогда какъ за то же время число рабочихъ и служащихъ въ механическихъ шелко-ткацкихъ мастерскихъ увеличилось только съ 11.840 до 14.550. Другой вопросъ, можно ли привѣтствовать это увеличеніе числа ткачей, какъ благопріятное экономическое явленіе; здѣсь же дѣло

идетъ прежде всего о констатированіи факта и ни о чемъ другомъ.

Для дальнѣйшаго существованія и обновленія мелкихъ и среднихъ производствъ рѣшающимъ является рядъ условій, которыя можно раздѣлить на три группы.

Прежде всего извѣстное число производствъ или отраслей производства такъ же хорошо можетъ быть приноровлено къ мелкому и среднему, какъ и къ крупному производству, и выгоды, которыя послѣднія представляютъ сравнительно съ первыми, не такъ значительны, чтобы онѣ съ самаго начала не могли быть перевѣшены извѣстными свойственными мелкому производству выгодами. Сказанное относится, между прочимъ, особенно къ различнымъ отраслямъ обработки дерева, кожи и металловъ. Встрѣчается и такое раздѣленіе труда, что крупная промышленность доставляетъ полу- или $^3/_4$-фабрикаты, выдѣлка которыхъ для рынка заканчивается въ мелкихъ производствахъ.

Во-вторыхъ, во многихъ случаяхъ способъ, какимъ продуктъ доставляется потребителямъ, говоритъ въ пользу мелкаго производства. Булочныя являются яркимъ тому примѣромъ. Если бы дѣло касалось одной техники, то булочныя уже давно были бы монополизированы крупной промышленностью: есть много паровыхъ пекаренъ, приносящихъ хорошіе доходы. Но, несмотря на нихъ, наряду съ ними и съ фабриками печеній, тоже постепенно захватывающими себѣ рынокъ, все же успѣшно держатся мелкія и среднія булочныя, благодаря удобствамъ отъ непосредственныхъ сношеній съ потре-

бителями. Пока хозяевамъ-булочникамъ придется считаться лишь съ капиталистическими предпріятіями, до тѣхъ поръ ихъ благополучіе обезпечено надолго. Хотя увеличеніе ихъ числа съ 1882 г. отстало сравнительно съ приростомъ населенія, оно все же явленіе стоющее вниманія (77.609 противъ 74.283).

Но булочныя только болѣе рѣзкій примѣръ. Про цѣлый рядъ промысловъ, а именно такихъ, гдѣ перемѣшивается производительный и оказывающій услуги трудъ, можно сказать то же самое. Здѣсь можно указать на кузнечный (подковываніе) и экипажный промыслы. Американская перепись даетъ 28.000 кузнечныхъ и экипажныхъ заведеній съ 50.867 лицами, изъ которыхъ почти половина самостоятельные хозяева. По германской профессіональной статистикѣ было 62.722 кузнеца и коваля, и еще пройдетъ много времени, пока паровой или другой какой-нибудь самодвигатель лишитъ ихъ жизни, чтобъ дать мѣсто новымъ мелкимъ мастерскимъ, какъ это сдѣлалъ велосипедъ. То же самое и въ портняжномъ, сапожномъ, сѣдельномъ, столярномъ, обойномъ, часовомъ и т. д. промыслахъ, гдѣ работа на заказчиковъ (а также разная починка) и мелкая торговля даютъ возможность самостоятельнаго существованія; во многихъ изъ этихъ профессій, хотя далеко не во всѣхъ, доходы, впрочемъ, имѣютъ лишь пролетарскіе размѣры.

Наконецъ,—и это не рѣдкость—само крупное производство выращиваетъ мелкія и среднія отчасти вслѣдствіе массоваго изготовленія и соотвѣтствующаго удешевленія матеріаловъ (вспомогатель-

ный матеріалъ, полуфабрикаты), отчасти же вслѣдствіе отталкиванія капитала съ одной стороны и «освобожденія» рабочихъ съ другой. Въ крупныхъ и мелкихъ размѣрахъ выступаютъ все новые капиталы, ищущіе помѣщенія на рынкѣ, способность котораго къ воспринятію новыхъ товаровъ постоянно растетъ вмѣстѣ съ увеличеніемъ общественнаго богатства. Акціонеры играютъ при этомъ не незначительную роль. Рынокъ не могъ бы жить отъ горсти милліонеровъ. Но сотни тысячъ богатыхъ и состоятельныхъ людей уже имѣютъ значеніе. Почти всѣ предметы роскоши для этихъ слоевъ приготовляются въ началѣ, а очень многіе и позже, въ мелкихъ и среднихъ производствахъ, которыя, впрочемъ, могутъ быть и капиталистическими, разъ они обработываютъ дорогой матеріалъ и употребляютъ дорого стоящія машины (ювелирное производство, обработка благородныхъ металловъ, художественныя печатни). Лишь позднѣе способствуетъ крупное производство, если только оно само не беретъ себѣ производимые предметы,—путемъ удешевленія обработываемаго матеріала—«демократизаціи» тѣхъ или другихъ предметовъ роскоши.

Въ настоящее время, несмотря на продолжающіяся измѣненія въ группировкѣ промышленностей и во внутреннемъ устройствѣ производствъ,—въ общемъ представляется, что крупное производство не поглощаетъ постоянно мелкое и среднее; скорѣе, само крупное производство процвѣтаетъ наряду съ ними. Абсолютно и относительно экспропріируются одни карликовыя производства. Что же касается мелкихъ и среднихъ, то число

ихъ увеличивается, какъ это явствуетъ для Германіи изъ слѣдующихъ данныхъ вспомогательныхъ производствъ. Въ нихъ было занято рабочихъ:

	1882 г.	1895 г.	Увел.
Мелкія производства (1— 5 чел.). . .	2.457.950	3.056.318	24,3%
Мелкія среднія произв. (6—10 чел.). .	500.097	833.409	66,6%
Болѣе круп. средн. произв. (11—50 чел.)	891.623	1.620.848	81,8%

Населеніе увеличилось за тотъ же періодъ лишь на 13,5%.

Если такимъ образомъ въ данный промежутокъ времени крупное производство еще сильнѣе увеличило свою армію—на 88,7%—то это лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ равносильно поглощенію мелкихъ мастерскихъ. Въ дѣйствительности, во многихъ случаяхъ нѣтъ даже или уже нѣтъ конкурренціи между крупнымъ и мелкимъ производствомъ (вспомнимъ сооруженіе машинъ и мостовъ). Примѣръ текстильной промышленности, особенно часто приводимый въ нашей литературѣ, во многихъ отношеніяхъ обманчивъ. Повышеніе производительности, получающееся на механическомъ прядильномъ станкѣ сравнительно съ старыми веретенами, повторяется лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ. Очень многія крупныя производства превосходятъ мелкія и среднія не производительностью затрачиваемаго труда, а только размѣрами предпріятія (напр., корабельныя верфи) и вполнѣ или въ значительной степени не вторгаются въ ихъ сферу дѣятельности. Зная, что въ 1895 г. въ Пруссіи въ крупномъ производствѣ было занято почти вдвое больше рабочихъ, чѣмъ въ 1882 году, что въ 1882 г. они составляли 28,4%, а въ 1895 г.—уже 38% всего занятаго

въ промышленности рабочаго класса,—легко можно прійти къ выводу, что мелкое производство и въ самомъ дѣлѣ скоро станетъ достояніемъ прошлаго и что оно уже сыграло свою роль въ хозяйствѣ. Приведенныя цифры показываютъ, однако, что идущее скачками расширеніе и распространеніе крупнаго производства представляетъ лишь одну сторону экономическаго развитія.

То же самое наблюдается и въ торговлѣ. Несмотря на быстрое развитіе крупныхъ торговыхъ домовъ,—среднія и мелкія торговыя заведенія всетаки продолжаютъ дѣйствовать. Я здѣсь, конечно, не намѣренъ оспаривать паразитный элементъ въ торговлѣ, особенно въ такъ называемой посреднической торговлѣ. Но и относительно этого элемента нужно замѣтить, что здѣсь допускаются большія преувеличенія. Крупное производство и все растущая міровая торговля постоянно выбрасываютъ на рынокъ все бо̀льшее количество потребительныхъ благъ, которыя должны быть какимъ-нибудь образомъ доставлены потребителямъ. Кто же станетъ отрицать, что это можетъ быть сдѣлано съ меньшей затратой труда и издержекъ кѣмъ-либо другимъ, кромѣ нынѣшней посреднической торговли. Она и будетъ процвѣтать, пока что-нибудь другое не явится на ея мѣсто. Такъ же, какъ неосновательно ожидать, чтобы крупная промышленность въ ближайшемъ будущемъ поглотила мелкія и среднія производства, за исключеніемъ относительно незначительнаго остатка,—такъ же утопично ожидать, чтобы капиталистическіе торговые дома поглотили среднія и мелкія лавочки. Они вредятъ отдѣльнымъ

заведеніямъ и могутъ иногда внести на время безпорядокъ въ мелкую торговлю. Но черезъ нѣкоторое время эта торговля находитъ средство конкуррировать съ крупной торговлей и использовать всѣ выгоды, представляемыя ей мѣстными условіями. Вырабатываются новыя спеціальности и новыя комбинаціи дѣлъ, новыя формы и методы веденія дѣла. Капиталистическій торговый домъ—гораздо болѣе результатъ значительнаго увеличенія богатства въ товарахъ, чѣмъ орудіе уничтоженія паразитной мелкой торговли; на первомъ мѣстѣ стоитъ не ея уничтоженіе, а ея пробужденіе отъ рутины и отученіе ея отъ извѣстныхъ монополистическимъ привычекъ. Число лавокъ постоянно растетъ; въ Англіи съ 1875 по 1886 г. оно увеличилось съ 295.000 до 366.000. Еще болѣе увеличивается число лицъ, занятыхъ въ торговлѣ. Въ виду того, что англійская статистика 1891 года въ этомъ отношеніи составлена на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ въ 1881 г., мы здѣсь ограничимся данными прусской статистики [1]).

Въ Пруссіи въ торговлѣ и въ транспортѣ (кромѣ желѣзныхъ дорогъ и почты) было занято лицъ:

	1885 г.	1895 г.	Увелич.
Въ заведеніяхъ съ 2 и менѣе приказч.	411.509	467.656	13,6%
» » » 3—5 » »	176.867	342.112	93,4%
» » » 6—50 » »	157.328	303.078	92,6%
» » » 51 и больше »	25.619	62.056	142,2%
	771,323	1.174,902	

Увеличеніе всего относительно больше было въ крупныхъ заведеніяхъ, составляющихъ, однако, не

[1]) Поскольку изъ нея можно заключить, она за послѣднее десятилѣтіе даетъ увеличеніе на 50%.

болѣе 5% всѣхъ заведеній. Насмерть конкуррируютъ съ мелкими не крупныя заведенія; такой взаимной конкуренціей занимаются сами мелкія заведенія. Мертвыхъ тѣлъ, тѣмъ не менѣе, остается сравнительно немного. Лѣстница производствъ остается невредимой. Наиболѣе быстрой ростъ наблюдается въ низшемъ разрядѣ среднихъ производствъ.

Если мы перейдемъ, наконецъ, къ сельскому хозяйству, то относительно размѣровъ хозяйствъ мы въ настоящее время встрѣтимся вездѣ въ Европѣ, а отчасти уже и въ Америкѣ, съ движеніемъ, которое, повидимому, противорѣчитъ всему тому, что до сихъ поръ утверждала соціалистическая теорія. Промышленность и торговля свидѣтельствовали только о болѣе медленномъ, чѣмъ это предполагалось, переходѣ къ крупному производству; въ сельскомъ же хозяйствѣ мы имѣемъ дѣло съ остановкой или даже съ прямымъ регрессомъ въ увеличеніи размѣровъ отдѣльныхъ хозяйствъ.

Что касается Германіи, то предпринятая въ 1895 г. профессіональная перепись показала сравнительно съ 1882 годомъ болѣе сильное увеличеніе группы крестьянскихъ среднихъ хозяйствъ (5—10 гектаровъ), — почти на 8%; еще сильнѣе было увеличеніе площади, ими занимаемой; оно достигло почти 9%. Непосредственно слѣдующее за нимъ крестьянское мелкое хозяйство (2—5 гект.) даетъ слѣдующее по силѣ увеличеніе: 3,5% для увеличенія числа хозяйствъ и 8% для увеличенія площади. Число карликовыхъ хозяйствъ (ниже 2 гектар.) увеличилось на 5,8%, а занятая ими поверхность—на 12%; обрабатываемая же часть этой

поверхности сократилась почти на 1%. Увеличеніе на неполный одинъ процентъ, приходящееся почти цѣликомъ на лѣсное хозяйство, замѣчается въ уже отчасти капиталистическихъ крупныхъ крестьянскихъ хозяйствахъ (20 — 100 гект.), а приростъ меньше, чѣмъ на 1/3%,—въ крупныхъ хозяйствахъ (болѣе 100 гект.), о которыхъ можно сказать то же самое, что о крупныхъ крестьянскихъ хозяйствахъ.

Вотъ соотвѣтствующія данныя для 1895 года:

Размѣръ хозяйствъ.	Число хозяйствъ.	Землед. использ. земля.	Вся площадь.
Карликовыя хоз. (до 2 гект.) . .	3.236.367	1.808.444	2.415.414
Мелкое крестьян. (2—5 гект.). .	1.016.318	3.285.984	4.142.071
Среднее крест. (5—20 гект.) . .	998.804	9.721.875	12.537.660
Крупное крест. (20—100 гект.).	281.767	9.869.837	13.157.201
Крупное хоз. (100 гект. и выше)	25.061	7.831.801	11.031.896

Болѣе двухъ третей всей площади приходится на означенныя три категоріи крестьянскихъ хозяйствъ и едва четверть—на крупное хозяйство. Въ Пруссіи отношеніе крестьянскихъ хозяйствъ еще благопріятнѣе; они занимаютъ тамъ около 3/4 всей земледѣльчески - обработываемой поверхности, — 22.875.000 гект. изъ 32.591.000.

Если мы отъ Пруссіи обратимся къ сосѣдней Голландіи, то найдемъ:

Размѣры хозяйствъ.	Хозяйства 1884 г.	1893 г.	Увелич. или уменьш.	
1— 5 гект.	66.842	77.767	+ 10.925	+ 16,2%
5—10 »	31.552	94.199	+ 62.647	+ 198,5%
10—70 »	48.278	51.940	+ 3.662	+ 7,6%
свыше 50 »	3.554	3.510	— 44	— 1,2%

Здѣсь число крупныхъ хозяйствъ прямо умень-

шилось, а число мелкихъ крестьянскихъ среднихъ хозяйствъ утроилось [1]).

По Вандервельде [2]), въ Бельгіи и крупное землевладѣніе, и обработка земли подвержены длящейся децентрализаціи. Послѣдняя всеобщая статистика показываетъ увеличеніе числа землевладѣльцевъ съ 201.226 въ 1846 г. до 293.524 въ 1880 г.; за то же время число арендаторовъ увеличилось съ 371.320 до 616.872. Вся земледѣльчески-обработываемая поверхность Бельгіи занимала въ 1880 году неполныхъ 2.000.000 гектар., изъ которыхъ болѣе трети обработывалось собственниками. Парцельное хозяйство напоминаетъ тамъ китайскія аграрныя отношенія.

Въ 1882 году во Франціи было:

	Хозяйствъ.	Размѣрами:	
Ниже 1 гект.	2.167.767	1.083.833	гект.
1—10 »	2.635.030	11.366.274	»
10—40 »	727.088	14.845.650	»
40—100 »	113.285		
100—200 »	20.644	22.266.104	»
200—500 »	7.942		
свыше 500 »	217		
	5.672.003	48.478.028	гект.

На хозяйства въ 40—100 гект. приходилось круглымъ числомъ 14.000.000 гект., на хозяйства свыше 200 гект.—почти 8.000.000 гект., такъ что въ общемъ крупныя хозяйства занимали $^1/_5$—$^1/_6$ земледѣльчески-обработываемой поверхности. Мелкое, среднее

[1]) Ср. W. H. Vliegen, Das Agrarprogramm der niederländischen Socialdemocratie. N. Z. XVII, 1, стр. 75 и сл.

[2]) «Der Agrarsozialismus in Belgien». N. Z. XV, 1, стр. 752.

и крупное крестьянское хозяйство занимаютъ почти $^3/_4$ Франціи. Съ 1862 по 1882 годъ число хозяйствъ въ 5—10 гект. увеличилось на 24%, а число хозяйствъ въ 10—40 гект.—на 14,28%. Аграрная статистика 1892 г. указываетъ на увеличеніе всей суммы хозяйствъ на 30.000 и въ то же время на уменьшеніе послѣдней приведенной категоріи на 33.000, что говоритъ о дальнѣйшемъ раздробленіи землевладѣнія.

Какъ же обстоитъ дѣло въ Англіи, этой классической странѣ крупнаго землевладѣнія и капиталистическаго сельскаго хозяйства? Извѣстенъ списокъ крупныхъ ландлордовъ, отъ времени до времени появляющійся въ прессѣ для иллюстраціи концентраціи крупнаго землевладѣнія въ Англіи, а также извѣстно то мѣсто «Капитала», гдѣ Марксъ говоритъ, что утвержденіе Джона Брайта, что 150 землевладѣльцевъ обладаютъ половиной англійскихъ и 12—половиной шотландскихъ имѣній, никѣмъ не было опровергнуто. («Капиталъ» т. I, стр. 547, примѣч.). Хотя земля въ Англіи и монополизирована и централизована, но не въ такой степени, какъ это думалъ Джонъ Брайтъ. По сочиненію Бродрика «English Land and English Landlords», въ 1876 году изъ 33.000.000 акровъ земель, занесенныхъ въ опись англійскихъ земель (Domesday Book), въ Англіи и Уэльсѣ около 14.000.000 акровъ составляли собственность 1.704 землевладѣльцевъ, обладавшихъ каждый 3.000 акрами (1.200 гект.) и свыше. Остальные 19 милліоновъ акровъ раздѣлялись между 150.000 собственниками съ однимъ акромъ и больше и массой обладателей мелкихъ участковъ. Въ 1892

году Mulhall считалъ для всего Соединеннаго Королевства число лицъ, обладавшихъ болѣе, чѣмъ 10 акрами (вмѣстѣ $^{10}/_{11}$ всего пространства), равнымъ 176.520. Подъ какими же видами культуры находится эта земля? Вотъ данныя отъ 1885 по 1895 годъ для Великобританіи (Англія съ Уэльсомъ и Шотландіей, но безъ Ирландіи), при чемъ для удобствъ сравненія размѣры хозяйствъ, поскольку рѣчь идетъ о классификаціи, переведены на гектары [1]). Насчитывалось:

Хозяйствъ по:	1885 г.	1895 г.	Увеличен. или уменьшеніе.
2— 20 гект.	232.955	235.481	+ 2526
20— 40 »	64.715	66.625	+ 1910
40—120 »	79.573	81.245	+ 1672
120—200 »	13.875	13.568	— 307
свыше 200 »	5.489	5.219	— 270

И въ Англіи замѣчается, такимъ образомъ, уменьшеніе крупныхъ и очень крупныхъ хозяйствъ и увеличеніе мелкихъ и среднихъ крестьянскихъ.

Но цифры хозяйствъ еще ничего не говорятъ намъ объ обработываемомъ пространствѣ. Поэтому дополнимъ ихъ данными о площади, приходящейся на различные роды хозяйствъ. Эти цифры представляютъ прямо-таки поразительную картину. Въ 1895 году въ Великобританіи приходилось:

	Акровъ въ 40 аровъ.	% всей поверхности.
На хозяйства размѣр. менѣе 2 гект. [2]). .	366.792	1,13
» » » отъ 2—5 » . .	1.667.647	5,12
На хозяйства размѣр. отъ 5— 20 гект. . . .	2.864.976	8,79
» » » » 20— 40 » . . .	4.885.203	15,00
» » » » 40—120 » . . .	13.875.914	42,59
» » » » 120—200 » . . .	5.131.945	15,70
» » » » 200—400 » . . .	3.001.184	9,21
» » » свыше 400 » . . .	801.852	2,46
	32.577.643	100,00

[1]) Принято отношеніе: 1 акръ=40 арамъ; оно не вполнѣ точно, но его можно допустить въ цѣляхъ сравненія. Данныя взяты изъ Синей книги о земледѣльческихъ арендахъ (agricultural holdings).

[2]) Сюда еще относятся 579.133 парцельныхъ хозяйства размѣрами меньше 40 аровъ.

Такимъ образомъ, почти 27—28% обработываемой поверхности Великобританіи заняты собственно крупными хозяйствами и только 2,46%—гигантскими. Зато подъ средними и крупными крестьянскими хозяйствами находится свыше 66%. Такимъ образомъ, въ Великобританіи отношеніе оказывается еще болѣе, чѣмъ въ Германіи, благопріятнымъ для крестьянскаго хозяйства, при чемъ преобладаетъ крупное крестьянское хозяйство, уже ставшее капиталистическимъ.

Даже въ собственной Англіи хозяйства въ 5—120 гект. занимаютъ 64% обработываемой поверхности и только круглымъ числомъ 13% ея приходятся на хозяйства свыше 200 гект. Въ Уэльсѣ, совершенно оставляя въ сторонѣ карликовыя хозяйства,—92%, а въ Шотландіи 72% всѣхъ хозяйствъ составляютъ крестьянскія хозяйства въ 2—120 гект.

61.014 хозяйствъ съ 4,6 милліонами акровъ изъ числа всей воздѣлываемой площади обработываются самими ихъ собственниками; 19.607 хозяйствъ обработывали частью собственную, частью арендованную землю, а 439.405 хозяйствъ — лишь арендованную. Хорошо извѣстно, что въ Ирландіи вполнѣ преобладаетъ мелкокрестьянское, т.-е. мелкоарендное хозяйство. То же самое—относительно Италіи.

Послѣ всего этого не можетъ быть сомнѣній, что во всей Западной Европѣ, точно такъ же, какъ и въ восточной части Американскихъ Штатовъ, въ земледѣліи растетъ число мелкихъ и среднихъ хозяйствъ и уменьшается число крупныхъ и гигантскихъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что среднія хозяйства зачастую носятъ типично капиталистическій характеръ. Концентрація хозяйствъ происходитъ тамъ не въ той формѣ, что все бо́льшая поверхность входитъ въ составъ отдѣльнаго хозяйства, какъ это предсказывалъ Марксъ (ср. «Капиталъ» т. I, стр. 572, примѣчаніе), но въ видѣ болѣе интенсивнаго веденія хозяйства,—перехода къ культурамъ, требующимъ больше труда на единицу поверхности, или къ разведенію улучшенныхъ породъ. Извѣстно, что это въ значительной степени (не исключительно) есть результатъ сельскохозяйственной конкурренціи заокеанскихъ и восточноевропейскихъ земледѣльческихъ государствъ и территорій. Извѣстно также, что они еще долгое время будутъ въ состояніи доставлять на европейскій рынокъ зерно и рядъ другихъ земледѣльческихъ продуктовъ по такимъ дешевымъ цѣнамъ, что съ этой стороны нечего ждать существенной перемѣны въ факторахъ развитія.

Такимъ образомъ, если таблицы статистики доходовъ прогрессивныхъ промышленныхъ странъ даже отчасти свидѣтельствуютъ о подвижности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о непрочности и необезпеченности капитала въ современномъ хозяйствѣ, если также означенные тамъ доходы и капиталы все въ бо́льшей степени и являются бумажными величинами, которыя

легко можетъ развѣять поднявшійся вихрь—то все-таки эти ряды доходовъ не стоятъ ни въ какомъ дѣйствительномъ противорѣчіи съ рядами хозяйственныхъ единицъ въ промышленности, земледѣліи и торговлѣ. Шкала дохода и шкала производства показываютъ при расчлененіи довольно выдержанный параллелизмъ, особенно когда дѣло касается ихъ среднихъ частей. Мы нигдѣ не видимъ, чтобы они уменьшались въ числѣ; они скорѣе почти вездѣ значительно распространяются. Что у нихъ отнимается сверху, то они дополняютъ снизу путемъ прироста, а что снизу выпадаетъ изъ ихъ рядовъ, то они получаютъ сверху. Если гибель современнаго общества зависитъ отъ исчезновенія среднихъ членовъ между вершиной и основаніемъ соціальной пирамиды, если она обусловливается поглощеніемъ этихъ среднихъ членовъ крайними верхними и нижними,—то эта гибель въ настоящее время въ Англіи, Германіи и Франціи не ближе къ своему осуществленію, чѣмъ въ любую изъ болѣе раннихъ эпохъ XIX столѣтія.

Но зданіе можетъ снаружи представляться неизмѣнно крѣпкимъ и все же быть близкимъ къ паденію, если расшатались сами камни или важныя связи въ его стѣнахъ. Устойчивость торговаго дома сказывается въ критическіе моменты, и намъ потому слѣдуетъ посмотрѣть, что такое экономическіе кризисы, свойственные современному способу производства, и въ чемъ они проявятся въ ближайшемъ будущемъ.

d) Кризисы и способность приспособленія современнаго общества.

> «Полное противорѣчій движеніе капиталистическаго общества болѣе всего даетъ себя чувствовать практику-буржуа въ превратностяхъ того періодическаго цикла, который проходитъ современная промышленность и высшую ступень котораго представляетъ всеобщій кризисъ».
>
> *Марксъ.* Предисловіе ко 2-му изданію «Капитала».

Объ экономическихъ кризисахъ современнаго общественнаго организма, ихъ причинахъ и врачеваніи спорили едва ли менѣе горячо, чѣмъ о патологическихъ кризисахъ, т.-е. болѣзненныхъ состояніяхъ человѣческаго организма. Кто любитъ сравненія, тотъ легко найдетъ пункты для проведенія параллелей между различными теоріями, создававшимися относительно обоихъ явленій. Онъ, напримѣръ, въ приверженцахъ Ж. Б. Сэя, склоняющихся къ крайнему экономическому либерализму, смотрящему на дѣловые кризисы исключительно какъ на процессъ самоисцѣленія хозяйственнаго организма, усмотритъ близкихъ по духу поклонниковъ такъ называемаго естественнаго способа лѣченія; теоріи же, высказывающіяся за дѣятельную при человѣческихъ болѣзняхъ врачебную помощь (симптоматическое, конституціональное лѣченіе и т. д.),—напомнятъ ему различныя соціальныя теоріи,

признающія необходимость всякихъ видовъ государственнаго вмѣшательства противъ причинъ и проявленій хозяйственныхъ кризисовъ. Если же онъ станетъ ближе разсматривать ученія представителей различныхъ системъ, то онъ сдѣлаетъ то замѣчательное открытіе, что часто очень плохо обстоитъ съ тѣмъ единствомъ мышленія, которое геніальные психологи-историки приписываютъ человѣку,—и что далеко заходящая вѣра въ патентованныхъ врачей и ихъ искусство вполнѣ мирится съ закоренѣлымъ экономическимъ манчестерствомъ и наоборотъ.

Наиболѣе популярное въ соціалистическихъ кругахъ объясненіе экономическихъ кризисовъ есть указаніе на недостаточное потребленіе. Но противъ этого пониманія неоднократно рѣзко выступалъ Энгельсъ. Наиболѣе же рѣзко — въ третьемъ отдѣлѣ третьей главы полемическаго сочиненія противъ Дюринга, гдѣ Энгельсъ говоритъ, что недостаточное потребленіе массъ, хотя и есть «тоже одно изъ предварительныхъ условій кризисовъ», но, такъ же мало объясняетъ ихъ теперешнее существованіе, какъ и ихъ отсутствіе въ прежнія времена. Энгельсъ при этомъ приводитъ въ видѣ примѣра положеніе англійской хлопчатобумажной промышленности въ 1877 году и признаетъ большимъ преувеличеніемъ, въ виду этого положенія, «объяснять весь современный застой въ сбытѣ хлопчатобумажныхъ пряжи и тканей недостаточнымъ потребленіемъ англійскихъ массъ, а не перепроизводствомъ англійскихъ фабрикантовъ» (3-е изд., стр.

308—309) [1]). Но и самъ Марксъ при случаѣ очень рѣзко высказался противъ объясненія кризисовъ недостаточнымъ потребленіемъ. «Чистая тавтологія», говорится во II томѣ «Капитала», «утверждать, что кризисы вызываются недостаткомъ платежеспособныхъ потребителей». Чтобы придать этой тавтологіи кажущееся болѣе глубокое обоснованіе, говорятъ, что рабочій классъ получаетъ слишкомъ незначительную часть своего продукта и что зло устранится, лишь только онъ будетъ получать бóльшую долю; но противъ этого нужно замѣтить, «что кризисы каждый разъ подготовляются періодомъ, когда заработная плата въ общемъ повышается и рабочій классъ въ дѣйствительности получаетъ бóльшую долю части годового продукта, назначеннаго для потребленія». Такимъ образомъ, можетъ казаться, что «капиталистическое производство заключаетъ въ себѣ условія, независимыя отъ доброй или злой воли, условія, только на короткое время допускающія сравнительное благосостояніе рабочаго класса и бывающія всегда только буревѣстниками кризиса». («Капиталъ» т. II, стр. 398). Къ этому Энгельсъ прибавляетъ въ подстрочномъ примѣчаніи: «Къ свѣдѣнію приверженцамъ теоріи кризисовъ Родбертуса».

[1]) Въ примѣчаніи къ этому мѣсту Энгельсъ прибавляетъ: «Объясненіе кризисовъ недостаточнымъ потребленіемъ ведетъ начало еще отъ Сисмонди, и у него еще имѣло извѣстный смыслъ». У Сисмонди его заимствовалъ Родбертусъ, а съ него списалъ Дюрингъ. И предисловіи къ «Нищетѣ философіи» Энгельсъ подобнымъ же образомъ полемизируетъ противъ теоріи кризисовъ Родбертуса.

Порядочно-таки противорѣчитъ всѣмъ этимъ положеніямъ одно мѣсто изъ III тома «Капитала». Марксъ тамъ слѣдующимъ образомъ говоритъ о кризисахъ: «Конечной причиной всѣхъ дѣйствительныхъ кризисовъ все-таки остается бѣдность и ограниченность потребленія массъ сравнительно со стремленіемъ капиталистическаго производства развивать производительныя силы такимъ образомъ, какъ будто предѣломъ ему ставится лишь абсолютная потребительная способность всего общества». («Капиталъ» III т., изд. 1896 г., стр. 395). Это не особенно рѣзко отличается отъ теоріи кризисовъ Родбертуса, такъ какъ и Родбертусъ объясняетъ кризисы не однимъ недостаточнымъ потребленіемъ массъ, но, какъ сказано выше, этимъ явленіемъ въ связи съ повышающейся производительностью труда. Но въ цитированномъ мѣстѣ у Маркса недостаточное потребленіе массъ даже въ противоположность анархіи производства—т.-е. несоотвѣтствію производства въ различныхъ отрасляхъ и измѣненіямъ цѣнъ, вызывающимъ временный общій застой—считается конечной причиной всѣхъ дѣйствительныхъ кризисовъ.

Поскольку здѣсь имѣется дѣло съ существеннымъ различіемъ въ пониманіи, сравнительно съ вышеприведенной цитатой изъ II тома, постольку объясненія этого различія нужно искать въ происхожденіи этихъ двухъ мѣстъ въ очень различные періоды времени. Между ихъ появленіемъ прошло не менѣе 13—14 лѣтъ, при чемъ приведенное мѣсто изъ III тома «Капитала»—болѣе ранняго происхожденія. Оно было написано еще въ 1864—65

году, цитата же изъ II тома—во всякомъ случаѣ позднѣе, чѣмъ въ 1878 г. (ср. заявленіе Энгельса въ предисловіи ко II тому «Капитала»). Вообще II томъ содержитъ самые поздніе и зрѣлые плоды изслѣдованій Маркса.

Въ другомъ мѣстѣ того же II тома, написанномъ еще въ 1870 г., періодическій характеръ кризисовъ—приблизительно десятилѣтній циклъ—ставится въ связь съ періодомъ оборота постояннаго (заключающагося въ машинахъ и пр.) капитала. Развитіе капиталистическаго производства имѣетъ тенденцію съ одной стороны увеличивать цѣнность и продолжительность службы постояннаго капитала, а съ другой—сокращать эту продолжительность путемъ постоянныхъ переворотовъ въ средствахъ производства. Отсюда «моральное снашиваніе» этой части постояннаго капитала до его «физическаго конца». «Этимъ цикломъ связанныхъ между собой оборотовъ, охватывающимъ цѣлый рядъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ капиталъ связанъ своей неподвижной составной частью, создается матеріальная основа періодическихъ кризисовъ, при чемъ предпріятіе переживаетъ слѣдующіе одинъ за другимъ періоды ослабленія производства, средняго его оживленія, горячки и кризиса». (II т., стр. 165). Тѣмъ не менѣе періоды примѣненія капитала очень различны; въ то же время кризисъ, по мнѣнію Маркса, всегда создаетъ исходный пунктъ для крупнаго новаго вложенія капитала, а вмѣстѣ съ нимъ—разсматривая все общество—«болѣе или менѣе новую матеріальную основу для ближайшаго цикла оборота» (стр. 165). Эта мысль снова по-

является въ томъ же томѣ при обсужденіи вопроса о воспроизведеніи капитала (т.-е. процессѣ постояннаго обновленія капиталовъ на общественномъ базисѣ для цѣлей производства и потребленія); тамъ доказывается, что даже при воспроизведеніи въ томъ же размѣрѣ и при неизмѣнной производительной силѣ труда, различія, временно проявляющіяся въ продолжительности существованія постояннаго капитала (если, напримѣръ, въ одинъ годъ сносится больше составныхъ частей постояннаго капитала, чѣмъ въ предыдущій), должны имѣть послѣдствіемъ кризисы въ производствѣ. Внѣшняя торговля могла бы помочь, но, если она возмѣщаетъ даже не одни элементы—она «только переводитъ противорѣчія на болѣе обширную сферу, открывая имъ бо̀льшую арену». При иномъ строѣ можно было бы, по мнѣнію Маркса, предотвращать подобные застои путемъ безпрерывнаго относительнаго перепроизводства, которое въ немъ «было бы равнозначащимъ контролю общества надъ средствами его собственнаго воспроизводства»; въ капиталистическомъ же обществѣ это перепроизводство является анархическихъ элементомъ. Этотъ примѣръ застоя, причиняемаго одной разницей въ срокѣ службы постояннаго капитала, по мнѣнію Маркса, разителенъ. «Несоразмѣрность въ производствѣ постояннаго и оборотнаго капитала есть одна изъ излюбленныхъ причинъ, которой экономисты объясняютъ кризисы. Что подобная несоразмѣрность можетъ и должна произойти при простомъ сохраненіи постояннаго капитала—это для нихъ есть нѣчто новое; для нихъ ново, что

она может и должна произойти при предположенiи идеальнаго нормальнаго производства, при простомъ воспроизводствѣ уже дѣйствующаго общественнаго капитала» (тамъ же, стр. 459). Въ главѣ о накопленiи и распространяющемся воспроизводствѣ перепроизводство и кризисы упоминаются лишь мимоходомъ, какъ само собой понятные результаты возможныхъ комбинацiй, связанныхъ съ изложеннымъ процессомъ. Но и здѣсь снова очень энергично подчеркивается понятiе «перепроизводство». «Если такимъ образомъ, напримѣръ, Фуллартонъ», говорится на 490 стр., «ничего не хочетъ знать о перепроизводствѣ въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, но толкуетъ о перепроизводствѣ капитала и именно денежнаго капитала, то это опять-таки доказываетъ, до какой степени даже лучшiе буржуазные экономисты мало понимаютъ механизмъ ихъ собственной системы». А далѣе доказывается, что, если (что можетъ случайно произойти даже при капиталистическомъ накопленiи), постоянная часть капитала, назначеннаго на производство средствъ потребленiя, сдѣлалась бы больше капитала заработной платы плюсъ прибавочная цѣнность капитала, назначеннаго на производство средствъ производства,— то это было бы перепроизводствомъ въ первой сферѣ, и равновѣсiе было бы возстановлено «только при помощи крупнаго краха».

Развитая выше мысль, что расширенiе рынка переноситъ противорѣчiе капиталистическаго хозяйства на болѣе расширенную сферу и этимъ ихъ усиливаетъ, примѣнена Энгельсомъ въ различныхъ

случаяхъ въ III томѣ къ новѣйшимъ явленiямъ. Прежде всего надо обратить вниманiе на примѣчанiя на 82 и 400 стр. III тома. Въ послѣднемъ изъ нихъ, резюмирующемъ и дополняющемъ сказанное въ первомъ, указывается на колоссальное развитiе средствъ сообщенiя съ того времени, какъ писалъ Марксъ,—развитiе, дѣйствительно создавшее мiровой рынокъ; рядъ все новыхъ промышленныхъ странъ вступаетъ въ конкуренцiю съ Англiей; безконечно расширяются области для помѣщенiя избыточныхъ европейскихъ капиталовъ. Эти явленiя Энгельсомъ признаются, положимъ, факторами, «устраняющими или сильно смягчающими бо́льшую часть прежнихъ очаговъ кризисовъ и поводы къ ихъ возникновенiю». Но послѣ характеристики картелей и трёстовъ, какъ средствъ для ограниченiя конкурренцiи на внутреннемъ рынкѣ и охранительныхъ пошлинъ, которыми англiйскiй мiръ окружаетъ себя «какъ броней для окончательнаго всеобщаго промышленнаго похода, долженствующаго рѣшить вопросъ о господствѣ на мiровомъ рынкѣ»,— въ концѣ концовъ все-таки говорится: «такимъ образомъ, каждый элементъ, противодѣйствующiй повторенiю прежнихъ кризисовъ, таитъ въ себѣ зачатокъ несравненно болѣе сильнаго будущаго кризиса». Энгельсъ ставитъ вопросъ, не испыталъ ли промышленный циклъ, въ младенческомъ перiодѣ торговли (1815—1847 г.), равнявшiйся приблизительно 5 годамъ и съ 1847 г. по 1867 г. удлинившiйся до 10 лѣтъ, новаго удлиненiя и не находимся ли мы въ «подготовительномъ перiодѣ новаго мiрового краха неслыханной силы»; но въ то

же время онъ оставляетъ открытой и ту альтернативу, что острая форма періодическаго процесса съ его прежнимъ десятилѣтнимъ цикломъ уступаетъ мѣсто циклу «болѣе хроническому, затяжному, который въ различныхъ промышленныхъ странахъ обращается въ разновременно перемежающееся, относительно непродолжительное, слабое улучшеніе положенія дѣлъ, смѣняющееся относительно болѣе продолжительнымъ нерѣшительнымъ угнетеннымъ состояніемъ».

Время, протекшее съ того момента, какъ было написано это мѣсто, оставило вопросъ нерѣшеннымъ. Не замѣчается признаковъ и экономическаго небывалаго по силѣ мірового краха, а замѣчающееся улучшеніе дѣлъ тоже нельзя назвать особенно недолговѣчнымъ. Скорѣе возникаетъ третій вопросъ, отчасти, впрочемъ, заключающійся въ упомянутыхъ вопросахъ. Спрашивается, не усиливаетъ ли крупное расширеніе пространства мірового рынка въ связи съ чрезвычайнымъ сокращеніемъ времени, необходимаго для передачи извѣстій и транспорта— не усиливаетъ ли оно возможности смягченія застоевъ; а затѣмъ колоссально возросшее богатство европейскихъ промышленныхъ государствъ въ связи съ эластичностью современнаго кредита и возникновеніемъ промышленныхъ картелей—не уменьшило ли оно, по крайней мѣрѣ, на долгое время вліянія мѣстныхъ или частныхъ застоевъ на общее положеніе дѣла настолько, что общіе дѣловые кризисы, подобные прежнимъ, должны считаться невѣроятными.

Этотъ вопросъ, поднятый мной въ одной статьѣ

о соціалистической теоріи переворота, встрѣтилъ различныя возраженія. Статья дала поводъ, между прочимъ, г-жѣ Розѣ Люксембургъ прочесть мнѣ лекцію о кредитѣ и о приспособляемости капитализма въ серіи статей, помѣщенныхъ ею въ «Leipziger Volkszeitung» въ сентябрѣ 1897 года. Такъ какъ эти статьи, цитированныя и нѣкоторыми другими періодическими органами, представляютъ собой образчики невѣрной, но въ то же время съ большимъ талантомъ примѣненной діалектики, то мнѣ кажется умѣстнымъ здѣсь нѣсколько на нихъ остановиться [1]).

---

[1]) Статьи озаглавлены: «Соціальная реформа или революція?» Г-жа Люксембургъ ставитъ вопросъ не такъ, какъ это до сихъ поръ было принято въ соціалдемократіи, именно какъ альтернатива выбора пути къ достиженію цѣли, но, напротивъ, такъ, что только одинъ путь—по ея мнѣнію, революція—можетъ привести къ цѣли. Стѣна между капиталистическимъ и соціалистическимъ обществомъ, по ея мнѣнію, «не разрушается развитіемъ соціальныхъ реформъ и демократіи, а, напротивъ того, становится все крѣпче и выше». Поэтому соціалдемократія должна бы стараться по возможности препятствовать соціальнымъ реформамъ и распространенію демократическихъ учрежденій, если только она сама не хочетъ тормозить своей работы. Разсужденіе, вытекающее изъ такого силлогизма, достойнымъ образомъ начинается замѣчаніемъ, что установленныя мною (и докторомъ Конрадомъ Шмидтомъ) положенія о современномъ развитіи общества суть «поставленные на голову рефлексы внѣшняго міра». «Говорить о теоріи введенія соціализма», восклицаетъ она, «путемъ соціальныхъ реформъ — и это въ эпоху Штумма и Посадовскаго; о теоріи контроля рабочихъ союзовъ надъ процессомъ производства—послѣ пораженія англійскихъ рабочихъ машиностроителей; надѣяться на соціалдемократическое парламентское большинство—послѣ саксонскаго пересмотра конституціи и посягательствъ на всеобщее избирательное право въ рейхстагѣ!» Роза Люксембургъ держится, повидимому, того

Г-жа Люксембургъ утверждаетъ о кредитѣ, что онъ не только не противодѣйствуетъ кризисамъ, но, наоборотъ, является средствомъ доводить ихъ до наибольшей остроты. Кредитъ дѣлаетъ впервые возможнымъ безмѣрное растяженіе капиталистическаго производства; ускоряетъ обмѣнъ товаровъ, круговращеніе процесса производства и такимъ образомъ служитъ сильнѣйшимъ средствомъ для обнаруженія противорѣчія между производствомъ и потребленіемъ. Онъ предоставляетъ въ распоряженіе капиталистовъ чужіе капиталы, и вмѣстѣ съ тѣмъ средство для рискованной спекуляціи. Но если наступаетъ застой, то кредитъ своимъ сокращеніемъ обостряетъ кризисъ. Функція кредита — изгонять остатокъ устойчивости изъ всѣхъ капиталистическихъ отношеній и дѣлать всѣ капиталистическія потенціальныя силы въ высшей степени растяжимыми, относительными и чувствительными.

Но всѣ эти разсужденія г-жи Люксембургъ не совсѣмъ новы для того, кто хоть мало-мальски знакомъ съ литературой соціализма вообще и марксистскаго въ частности. Спрашивается только, вѣрно ли представлено современное положеніе вещей и нѣтъ ли у этой картины и обратной стороны. По законамъ

мнѣнія, что историческія теоріи можно устанавливать не сообразно суммѣ наблюдаемыхъ явленій цѣлой эпохи и широкаго круга прогрессивныхъ странъ, но на основаніи временныхъ реакціонныхъ конвульсій въ какой-либо странѣ; не на основаніи подсчета всѣхъ прежнихъ результатовъ рабочаго движенія, но съ точки зрѣнія исхода отдѣльной борьбы. Человѣкъ, считающій прививку безполезной, потому что она не предохраняетъ его отъ паденія съ дерева, аргументируетъ такимъ же образомъ.

діалектики, которой такъ охотно оперируетъ г-жа Люксембургъ, это такъ и должно быть; даже не ссылаясь на эти законы, можно сказать, что вещь, принимающая столь многообразныя формы, какъ кредитъ, при различныхъ условіяхъ должна различно и дѣйствовать. Во всякомъ случаѣ, Марксъ говоритъ о кредитѣ не какъ о разрушителѣ. Онъ приписываетъ ему, между прочимъ, функцію (т. III, стр. 361) «созидать переходную форму къ новой формѣ производства» и ясно указываетъ, говоря объ этомъ, на «двойственный характеръ кредитной системы». Г-жа Люксембургъ отлично знаетъ это мѣсто, она даже цитируетъ изъ него одну фразу, гдѣ Марксъ говоритъ о двойственномъ характерѣ главныхъ провозвѣстниковъ кредита — «полу-мошенники, полу-пророки» — (Джонъ Ло, Исаакъ Перейръ и др.). Но г-жа Люксембургъ относитъ ее исключительно къ разрушительной сторонѣ кредитной системы и ни однимъ словомъ не упоминаетъ объ ея творческой силѣ, на которую опредѣленно указываетъ Марксъ. Зачѣмъ эта ампутація, зачѣмъ это удивительное умолчаніе относительно «двойственнаго характера»? Діалектическій блестящій фейерверкъ, при помощи котораго она силу кредитной системы, какъ средства приспособленія, изображаетъ какимъ-то мотылькомъ, живущимъ всего одинъ день, — исчезаетъ въ дыму и чаду, лишь только поближе присмотрѣться къ другой сторонѣ, которую съ такой робостью обходитъ г-жа Люксембургъ.

И другія положенія ея аргументаціи не выдерживаютъ слишкомъ суровой критики. «Онъ повы-

шаетъ противорѣчіе между способами производства и обмѣна», говоритъ она о кредитѣ, «напрягая въ высшей степени производство и въ то же время задерживая при малѣйшемъ поводѣ обмѣнъ». Это очень остроумно сказано; жаль только, что фразу можно повернуть, какъ угодно, и она отъ этого не станетъ невѣрной. Если перемѣстить въ ея второй части оба подлежащія, то фраза останется столь же правильной, какъ и прежде. Если, съ другой стороны, сказать, что кредитъ уничтожаетъ противорѣчіе между способами производствъ и обмѣна, періодически сглаживая разницу между первымъ и послѣднимъ, то и это будетъ вѣрно. «Кредитъ», говорится далѣе, «повышаетъ противорѣчіе между отношеніями владѣнія и производства, концентрируя путемъ усиленной экспропріаціи многихъ мелкихъ капиталистовъ громадныя производительныя силы въ рукахъ немногихъ». Если фраза содержитъ въ себѣ истину, то не менѣе вѣрна и ея полная противоположность. Мы приведемъ часто встрѣчающійся въ дѣйствительности фактъ, сказавъ, что кредитъ уничтожаетъ противорѣчіе между отношеніями владѣнія и производства, превращая путемъ соединенія многихъ мелкихъ капиталистовъ громадныя производительныя силы въ коллективную собственность. Это совершенно очевидно относительно акціонерныхъ обществъ въ ихъ простыхъ и сложныхъ формахъ, какъ мы уже видѣли въ главѣ объ эволюціи доходовъ. Если г-жа Люксембургъ, возражая противъ этого, хочетъ ссылаться на Маркса, снова въ данномъ мѣстѣ приписывающаго кредитной системѣ усиливающееся

ограниченіе числа немногихъ лицъ, эксплоатирующихъ общественное богатство,—то на это можно возразить, что эмпирическаго доказательства этого утвержденія нигдѣ не было и не могло быть приводимо Марксомъ, но что Марксъ часто ссылался на факты, противорѣчащіе такому утвержденію. Такъ напримѣръ въ 22-ой главѣ III тома, говорящей о тенденціи процента къ пониженію, онъ указываетъ на констатированный Рамсэ все усиливающійся ростъ числа рентье въ Англіи (т. III, стр. 291). Но если у Маркса часто встрѣчается смѣшеніе юридическихъ и физическихъ лицъ (такъ какъ на этомъ, въ сущности, основано предстоящее утвержденіе), то все же онъ не обманывается насчетъ положительной, экономической силы кредита. Это всего яснѣе проявляется тамъ, гдѣ онъ говоритъ о рабочей коопераціи, характернымъ типомъ которой у него является производительное товарищество—онъ называетъ его кооперативной фабрикой—и о которомъ онъ говоритъ поэтому, что оно повторяетъ и должно повторять всѣ недостатки существующей системы. Но эта кооперація положительно уничтожаетъ, заключаетъ онъ, противорѣчіе, существующее въ капиталистической фабрикѣ. Если она и является дѣтищемъ фабричной системы, основанной на капиталистическомъ производствѣ, то въ такой же мѣрѣ и дѣтищемъ на ней же основанной кредитной системы, безъ которой она, говорится у Маркса, не могла бы развиться, и «которая даетъ средство постепеннаго расширенія кооперативныхъ предпріятій до болѣе или менѣе народныхъ размѣровъ». («Капиталъ» т. III, стр. 360).

Это какъ разъ обратное тому, что говоритъ Роза Люксембургъ.

Что кредитная система облегчаетъ спекуляцію—этому открытію сто лѣтъ; но такъ же старо и то открытіе, что спекуляція не останавливается и предъ производствомъ тамъ, гдѣ формы производства достаточно развиты для полнаго простора спекуляціи. Спекуляція же со своей стороны обусловливается отношеніемъ извѣстныхъ обстоятельствъ къ неизвѣстнымъ. Чѣмъ болѣе преобладаютъ послѣднія, тѣмъ пышнѣе расцвѣтаетъ она; чѣмъ больше значенія имѣютъ первыя, тѣмъ больше лишается спекуляція почвы. Поэтому-то на время нарожденія капиталистической эры приходятся наиболѣе безумныя вспышки коммерческихъ спекуляцій и спекуляція обыкновенно справляетъ самыя бѣшеныя свои оргіи въ странахъ съ молодымъ капиталистическимъ развитіемъ. Въ области промышленности спекуляція наиболѣе роскошно процвѣтаетъ въ новыхъ отросляхъ производства. Чѣмъ старше отрасль производства, тѣмъ скорѣе—за исключеніемъ производства предметовъ одной моды—спекулятивный моментъ перестаетъ играть въ ней руководящую роль. Начинаютъ внимательнѣе приглядываться къ отношеніямъ и къ развитію рынка; эти обстоятельства все болѣе принимаются въ расчетъ.

Конечно, эта увѣренность всегда лишь относительная, такъ какъ конкуренція и техническій прогрессъ исключаютъ абсолютный контроль надъ рынкомъ. Перепроизводство до извѣстной степени неизбѣжно. Но отъ перепроизводства въ отдѣльныхъ отросляхъ до всеобщаго кризиса еще большой шагъ.

Если оно доводитъ эти отрасли до кризиса, то это значитъ, либо что данныя отрасли обладаютъ, въ качествѣ потребителей фабрикатовъ другихъ отраслей, такимъ значеніемъ, что ихъ застой вызываетъ застой и въ послѣднихъ отрасляхъ, или что они лишаютъ ихъ средствъ для дальнѣйшаго веденія производства чрезъ посредство денежнаго рынка, т.-е. путемъ парализованія всеобщаго кредита. Ясно, однако, что чѣмъ богаче страна и чѣмъ развитѣе ея кредитъ—что нельзя смѣшивать съ хозяйничаніемъ въ долгъ—тѣмъ послѣднее вліяніе становится все менѣе вѣроятнымъ, такъ какъ возможность сглаживанія послѣдствій кризисовъ усиливается здѣсь въ растущей степени. Гдѣ-то,—гдѣ именно, я не могу найти въ настоящій моментъ,—Марксъ замѣчаетъ, что стѣсненія денежнаго рынка всегда скорѣе побѣждаются въ его центрѣ, чѣмъ на его периферіи. А Марксъ имѣлъ передъ собой въ Англіи гораздо болѣе стѣсненный денежный рынокъ, чѣмъ теперешній. Онъ говоритъ еще («Капиталъ», т. III, стр. 392), что съ расширеніемъ рынковъ сроки кредитовъ удлиняются и такимъ образомъ спекулятивный элементъ долженъ получать все большее и большее преобладаніе. Но переворотъ въ путяхъ сообщенія, совершившійся за это время, болѣе чѣмъ сгладилъ вліяніе разстояній [1]).

---

[1]) Энгельсъ признаетъ созданное Суэцкимъ каналомъ, быстроходными пароходами и т. п. приближеніе Америки и Индіи къ промышленнымъ странамъ Европы равнымъ 70—90% и прибавляетъ что благодаря этому обстоятельству «оба крупныхъ очага кризисовъ 1825—1857 гг. потеряли значительную часть своей взрывчатой силы». («Капиталъ» т. III, стр. 39). На 333-й стр. того же тома

Хотя благодаря этому кризисы денежнаго рынка и не перестаютъ существовать, то все же,—а здѣсь только объ этомъ и идетъ рѣчь,—стѣсненіе денежнаго рынка значительно уменьшается путемъ широко распространенныхъ и трудно контролируемыхъ торговыхъ предпріятій.

Отношеніе денежныхъ кризисовъ къ торговымъ и дѣловымъ во всякомъ случаѣ еще не такъ хорошо выяснено, чтобы можно было опредѣленно сказать о какомъ-нибудь конкретномъ случаѣ, когда оба совпадаютъ, что именно торговый кризисъ, т.-е. перепроизводство послужило причиной денежнаго. Въ большинствѣ случаевъ причиной было не фактическое перепроизводство, а чрезмѣрная спекуляція, парализующая денежный рынокъ и этимъ стѣсняющая всѣ дѣла. Это заключеніе вытекаетъ изъ отдѣльныхъ случаевъ, которые въ III томѣ «Капитала» Марксъ заимствуетъ изъ оффиціальныхъ изслѣдованій о кризисахъ 1847 и 57 гг.; къ тому же заключенію приводятъ факты, сообщаемые профессоромъ Геркнеромъ объ этихъ и другихъ кризисахъ въ своемъ очеркѣ исторіи торговыхъ кризисовъ въ «Handwörterbuch der Staatswissenschaften». Г-жа Люксембургъ на основаніи приведенныхъ Геркнеромъ фактовъ приходитъ къ тому выводу, что прежніе кризисы вообще не были настоящими

Энгельсъ говоритъ, что извѣстныя спекуляціи, связанныя со злоупотребленіями кредитомъ, которыя Марксъ называетъ тамъ факторами кризисовъ денежнаго рынка, прекратили свое существованіе послѣ проложенія атлантическаго кабеля. Вставка Энгельса на 432-ой стр. III тома очень характерна для пониманія развитія кредита.

кризисами, а только дѣтскими болѣзнями капиталистическаго хозяйства, сопровождающими явленіями не сокращенія, но расширенія его области; по ея мнѣнію, мы «еще не вступили въ ту фазу полной капиталистической зрѣлости, которая предполагается при Марксовской схемѣ періодичности кризисовъ». Она полагаетъ, что мы находимся «въ фазисѣ, когда кризисы болѣе не сопровождаютъ пришествіе капитализма, но еще не сопутствуютъ его упадку». Такое время настанетъ лишь тогда, когда будетъ созданъ весь міровой рынокъ и когда онъ не будетъ болѣе въ состояніи увеличиваться какими-либо неожиданными расширеніями. Тогда столкновенія между производительными силами и границами обмѣна должны будутъ дѣлаться все болѣе рѣзкими и бурными.

Надо при этомъ замѣтить, что у Маркса или для Маркса схема кризисовъ была картиной не будущаго, а настоящаго, отъ которой можно было только ожидать, что въ будущемъ она станетъ повторяться все въ болѣе рѣзкихъ формахъ, все съ бо̀льшей остротой. Г-жа Люксембургъ, между тѣмъ, отрицаетъ то значеніе для всей позади насъ лежащей эпохи, которое этой схемѣ придавалъ Марксъ; она считаетъ ее абстракціей, еще не соотвѣтствующей дѣйствительности, предвзятымъ логическимъ построеніемъ процесса на основаніи извѣстныхъ, еще въ зародышѣ находящихся элементовъ; тѣмъ самымъ она считаетъ нерѣшеннымъ вопросомъ Марксовскій прогнозъ будущаго общественнаго развитія, поскольку онъ опирается на теорію кризисовъ. И въ самомъ дѣлѣ, если этотъ прогнозъ не

былъ еще провѣренъ въ то время, когда онъ былъ поставленъ, и если онъ не проявился еще на дѣлѣ съ того времени до сихъ поръ, — какъ же можно тогда считать эту схему вѣрной для еще болѣе отдаленнаго будущаго? Указаніе на то время, когда вполнѣ разовьется міровой рынокъ, есть теоретическій полетъ въ заоблачное пространство.

Нельзя совсѣмъ предугадать, когда вполнѣ разовьется міровой рынокъ. Вѣдь г-жѣ Люксембургъ не безызвѣстно, что существуетъ не только экстенсивное, но и интенсивное развитіе рынка и что послѣднее теперь имѣетъ гораздо бо̀льшее значеніе, чѣмъ первое.

Въ торговой статистикѣ большихъ промышленныхъ странъ экспортъ въ старыя, давно занятыя страны играетъ наиболѣе важную роль. Англія экспортируетъ во всю Австралазію (всѣ австралійскія колоніи, Новую Зеландію и др.) не такъ много по цѣнности, какъ во Францію; во всю Британскую Сѣверную Америку (Канаду, Британскую Колумбію и др.) не такъ много, какъ въ одну Россію; въ обѣ колоніи вмѣстѣ, имѣющія уже почтенный возрастъ, не такъ много, какъ въ Германію. Внѣшняя торговля Англіи со всѣми ея колоніями (сюда входитъ громадная Индія) не составляетъ и трети всей ея торговли съ остальнымъ міромъ, а что касается земель, занятыхъ въ послѣднія двадцать лѣтъ, то экспортъ въ нихъ до смѣшного малъ [1]). Экстенсив-

[1]) Вотъ нѣсколько цифръ для 1895 года. 75,6% всего вывоза приходилось на заграницу — 0,9 изъ нихъ на старыя страны, а 24,4%—на британскія колоніи. По величинѣ цѣнности (со включеніемъ и транзитныхъ товаровъ) было вывезено: въ Британскую

ное развитіе міроваго рынка совершается слишкомъ медленно, чтобы гарантировать фактическому повышенію производительности достаточный сбытъ, если только вступившія ранѣе въ обмѣнъ страны не представляютъ для него все увеличивающагося рынка. Нельзя a priori установить предѣлъ для этого интенсивнаго расширенія мірового рынка, происходящаго одновременно съ пространственнымъ его увеличеніемъ. Если всеобщій кризисъ долженъ быть имманентнымъ закономъ капиталистическаго производства, то онъ долженъ проявиться и теперь, т.-е. въ ближайшемъ будущемъ. Въ противномъ случаѣ доказательство его неизбѣжности витаетъ въ сферѣ абстрактной спекуляціи.

Мы видимъ, что кредитъ въ настоящее время подверженъ не болѣе частымъ, а болѣе рѣдкимъ, чѣмъ прежде, потрясеніямъ, парализующимъ производство, и потому въ этомъ отношеніи роль его, какъ фактора кризиса, отступаетъ на задній планъ. Если же онъ является средствомъ тепличнаго ускоренія перепроизводства, то противъ этого искусственнаго раздуванія производства теперь выступаютъ въ различныхъ странахъ, а иногда и съ международнымъ характеромъ, товарищества предпринимателей, стремящіяся при помощи картелей, синдикатовъ или

Сѣверную Америку на 6,6, въ Россію на 10,7, въ Австралазію на 19,3, во Францію на 20.3, въ Германію на 32,7 милліоновъ фунтовъ стерл., во всю Британскую Восточную и Западную Африку на 2,4 милліона, т.-е. меньше 1% всего вывоза, достигавшаго 285,8 милліоновъ. Въ 1895 году вывозъ во всѣ британскія владѣнія былъ на 64,8% выше вывоза 1860 года, а вывозъ въ другія страны выше на 77,2%. (Ср. Constitutional Yearbook за 1897 г.).

трёстовъ регулировать производство. Не вдаваясь въ прорицанія объ ихъ конечной жизненности и производительности, я признаю способность этихъ союзовъ настолько вліять на отношеніе дѣятельности производства къ положенію рынка, что опасность кризисовъ уменьшается. Г-жа Люксембургъ оспариваетъ и это.

Она прежде всего возражаетъ противъ того, что предпринимательскій союзъ можетъ стать всеобщимъ. Конечная цѣль и дѣйствіе союза есть, по ея мнѣнію, повышеніе путемъ уничтоженія конкурренціи внутри данной отрасли производства ея участія во всей достигнутой на товарномъ рынкѣ массѣ прибыли. Но одна отрасль промышленности можетъ этого достигать только на счетъ другихъ и потому общая организація есть вещь неосуществимая. «Распространенная на всѣ отрасли производства она даже перестаетъ дѣйствовать».

Это мнѣніе какъ двѣ капли воды похоже на давно опровергнутое мнѣніе о безпомощности рабочихъ союзовъ. Его основаніе еще безконечно болѣе шатко, чѣмъ блаженной памяти фондъ заработной платы. Предположеніе, что на товарномъ рынкѣ всегда распредѣляется одна и та же масса прибыли— не доказано, недоказуемо или скорѣе невѣрно доказываемо. Это мнѣніе предполагаетъ какой-то способъ опредѣленія цѣнъ, независимый отъ измѣненія издержекъ производства. Но если даже даны опредѣленная цѣна и, кромѣ того, опредѣленныя техническія условія производства, то масса прибыли въ одной отрасли промышленности можетъ повыситься; это можетъ произойти безъ сокращенія

прибыли въ другой отрасли—именно путемъ уменьшенія неправильныхъ издержекъ, прекращенія безразсудной конкурренціи, лучшей организаціи производства и т. п. Ясно, что союзъ предпринимателей является дѣйствительнымъ средствомъ для достиженія этой цѣли. Вопросъ же о распредѣленіи прибыли есть самое незначительное изъ препятствій, задерживающихъ распространеніе предпринимательскихъ союзовъ.

Другое соображеніе, говорящее противъ возможности для картелей прекратить анархію въ производствѣ, состоитъ, по мнѣнію г-жи Люксембургъ, въ томъ, что онѣ стараются достигнуть своей цѣли—прекращенія паденія нормы прибыли—неупотребленіемъ одной части накопленнаго капитала— однимъ словомъ, дѣлаютъ то, что въ другой формѣ дѣлаютъ кризисы. Лѣкарство поэтому походитъ, по мнѣнію г-жи Люксембургъ, на болѣзнь, какъ двѣ капли воды одна на другую. Часть обобществленнаго путемъ организаціи капитала снова превращается въ частный капиталъ, каждая часть пытаетъ счастье на свой рискъ и страхъ, и «тогда организаціи должны лопнуть, какъ мыльные пузыри, и снова дать мѣсто свободной конкурренціи, но въ усиленной формѣ».

Это то же самое, что говорить, будто хирургическое отнятіе пораженной гангреной части тѣла и ея разрушеніе гангреной «походятъ одно на другое, какъ двѣ капли воды», такъ какъ въ обоихъ случаяхъ теряются части тѣла. Бездѣйствуетъ ли капиталъ въ силу стихійныхъ условій, какъ это бываетъ при кризисахъ, или вслѣдствіе промышлен-

ной организаціи, это двѣ совершенно разныя вещи, потому что одна означаетъ предварительное замедленіе темпа, а другая—прямое разрушеніе. Нигдѣ не сказано, что капиталъ, сдѣлавшійся лишнимъ въ одной отрасли производства, можетъ быть примѣненъ или долженъ искать примѣненія въ той же отрасли. Здѣсь для разнообразія признается, что число отраслей производства разъ навсегда данная и неподвижная величина, что опять-таки противорѣчитъ дѣйствительности.

Нѣсколько лучше обстоитъ дѣло съ послѣднимъ возраженіемъ г-жи Люксембургъ. Картелямъ, по ея мнѣнію, потому не суждено обуздать анархію въ производствѣ, что вошедшіе въ картель предприниматели своей болѣе высокой нормы прибыли на внутреннемъ рынкѣ достигаютъ вообще тѣмъ, что при помощи неупотребляемой на внутреннемъ рынкѣ части капитала производятъ для заграницы, довольствуясь значительно болѣе низкой нормой прибыли. А отсюда выводъ: усиленіе анархіи на мiровомъ рынкѣ—т.-е. противоположное тому, что ставилось себѣ цѣлью.

«Въ общемъ», этотъ пріемъ примѣнимъ только тамъ, гдѣ картель обезпечена охранительной пошлиной, препятствующей заграничной торговлѣ отплачивать ей той же монетой. Въ сахарной промышленности, на которую ссылается г-жа Люксембургъ, существуютъ усиленная форма охранительной пошлины, вывозныя преміи, дѣлающія названныя прелести возможными. Но замѣчательно, что агитація противъ этого благословеннаго учрежденія гораздо сильнѣе въ тѣхъ странахъ, которыя имъ поль-

зуются, чѣмъ въ той странѣ (Англіи), которая лишена его и производство сахара въ которой ничѣмъ не защищено отъ конкурренціи странъ, осчастливленныхъ вывозными преміями и сахарными картелями. И англичане хорошо знаютъ, почему это такъ. Нѣтъ сомнѣній, что эта премированная конкурренція сильно вредила англійскимъ сахарозаводчикамъ, если даже и не въ такой степени, какъ это думаютъ, потому что англійскіе заводчики получаютъ свой сырой продуктъ, невыдѣланный сахаръ, тоже съ вычетомъ вывозной преміи. Между тѣмъ въ 1864 году въ Англіи было выдѣлано 424.000 тоннъ сахара, въ 1894 г.—623.000 и въ 1896 г.—632.000 тоннъ. Производство за этотъ промежутокъ времени достигало, положимъ, еще болѣе высокихъ цифръ (оно въ 1884 г. равнялось 824.000 тоннамъ), и если эта высота развитія не могла быть удержана, то зато обработка сахара (конфеты, варенье и засахаренные фрукты) достигла такого развитія, что оно въ 10 разъ превысило этотъ относительный застой. Съ 1881 по 1891 годъ число лицъ, занятыхъ на сахарныхъ заводахъ Англіи, вовсе не уменьшилось, а одно только производство конфетъ показало почти удвоеніе [1]). Сюда еще нужно прибавить сильно развившееся производство варенья и фруктоваго

[1]) Вотъ данныя переписи:

Занятые рабочіе.

		1881 г.	1891 г.	
Сахарные заводы:	мужчинъ	4.285	4.682	+ 317
» »	женщинъ	122	238	+ 116
Конфетное производство:	мужчинъ	14.305	20.291	+ 5.986
» »	женщинъ	15.285	34.788	+ 19.503

желе (marmelade), сдѣлавшихся предметами народнаго потребленія и занявшихъ многія тысячи рабочихъ рукъ. Если бы сахарныя преміи и другіе пріемы континентальныхъ сахарозаводчиковъ уничтожили все англійское рафинадное дѣло, чего, однако, не случилось, то потеря заработка почти для 5 тысячъ рабочихъ уравновѣшивалась бы открытіемъ источника заработка для числа по крайней мѣрѣ въ восемь разъ бо́льшаго. При этомъ не принять въ расчетъ тотъ толчокъ, который въ виду удешевленія сахара получило въ Англіи разведеніе ягодъ. Все-таки говорятъ, что премированный свекловичный сахаръ разорилъ плантаторовъ тростниковаго сахара въ британскихъ колоніяхъ; вестъ-индскіе плантаторы немало испускали по этому поводу отчаянныхъ воплей. Но этотъ почтенный классъ имѣетъ удивительное сходство съ нуждающимися аграріями, якобы разоряющимися при всякихъ обстоятельствахъ. Въ дѣйствительности, Англія ввозитъ теперь изъ своихъ колоній больше тростниковаго сахара, чѣмъ прежде (съ 2,3 милліоновъ центнеровъ въ 1890 г. ввозъ тростниковаго сахара изъ британскихъ колоній возросъ до 3,1 милліоновъ центнера въ 1896 г.); только вывозъ изъ другихъ колоній превзошелъ вывозъ изъ Вестъ-Индіи. Въ 1882 г. на Вестъ-Индію приходилось почти $^2/_3$, а въ 1896 г. меньше $^1/_2$ всего вывоза британскихъ колоній. Прибыль плантаторовъ, конечно, пострадала отъ этого, но это не означало еще разоренія тамъ, гдѣ къ этому не присоединялась еще прежняя задолженность.

Дѣло здѣсь, однако, идетъ не объ отрицаніи вреднаго вліянія современныхъ простыхъ и усиленныхъ охранительныхъ пошлинъ и не объ апологіи предпринимательскихъ союзовъ. Мнѣ и въ голову не приходило утверждать, что картели представляютъ собой послѣднее слово экономическаго развитія и что имъ предназначено устранить навсегда противорѣчія современнаго экономическаго строя. Я скорѣе убѣжденъ, что, гдѣ въ современныхъ государствахъ картели и трёсты поддерживаются и развиваются охранительными пошлинами, они должны превратиться въ факторы кризисовъ для данной промышленности—если не съ самаго начала, то во всякомъ случаѣ въ концѣ концовъ и даже для «охраняемой» страны. Спрашивается только, какъ долго будутъ народы терпѣть такіе порядки. Охранительныя пошлины вовсе не являются продуктомъ экономическихъ условій; онѣ скорѣе—вторженія въ экономическую область государственной власти, стремящейся къ экономическому воздѣйствію. Другое дѣло — промышленный картельный союзъ самъ по себѣ. Онъ самъ, если онъ даже искусственно поощрялся охранительными пошлинами, выросъ на почвѣ экономіи и представляетъ сродное съ ней по существу средство приспособленія производства къ колебаніямъ рынка. Другой вопросъ, что одновременно онъ служитъ или можетъ служить средствомъ монополистической эксплуатаціи. Точно также другой вопросъ, что онъ означаетъ прежде всего усиленіе всѣхъ прежнихъ средствъ противъ перепроизводства. Во время переполненія рынка онъ съ гораздо меньшей опасностью, чѣмъ

частное предпріятіе, можетъ перейти къ временному сокращенію производства. Ему легче также, чѣмъ послѣднему, выдерживать обезцѣнивающую иностранную конкурренцію. Отрицать это значитъ отрицать преимущество организаціи передъ анархической конкурренціей. А это дѣлаютъ тѣ, кто принципіально отрицаетъ, что картели могутъ вліять измѣняющимъ образомъ на сущность и періодичность кризисовъ. Насколько они это могутъ сдѣлать, это вопросъ предположенія, такъ какъ еще нѣтъ достаточно данныхъ, чтобы можно было составить себѣ объ этомъ опредѣленное мнѣніе. Но при такихъ условіяхъ еще меньше данныхъ для предопредѣленія будущихъ всеобщихъ кризисовъ, въ томъ видѣ, какъ они первоначально рисовались Марксу и Энгельсу въ видѣ обостренныхъ повтореній кризисовъ 1825, 1836, 1847, 1857 и 1873 годовъ. Долгое время съ соціалистической точки зрѣнія усиливающееся сокращеніе промышленнаго цикла признавалось естественнымъ слѣдствіемъ увеличивающейся концентраціи капитала—развитіе въ видѣ спирали; но въ 1894 г. Фр. Энгельсъ нашелъ возможнымъ поставить вопросъ, не предстоитъ ли новое расширеніе этого цикла. Это послѣднее мнѣніе прямо противоположно прежнему предположенію; все же это предостерегаетъ противъ абстрактнаго вывода, что эти кризисы должны повториться въ старой формѣ [1]).

[1]) Здѣсь, конечно, идетъ рѣчь только объ экономическихъ причинахъ кризисовъ. Кризисы, какъ послѣдствіе политическихъ событій (войны или серьезныя ожиданія войнъ) или неурожаевъ, охватившихъ широкій районъ, — мѣстные неурожаи не оказываютъ болѣе никакого вліянія—само собой разумѣется всегда возможны, какъ это уже было отмѣчено въ статьѣ объ ученіи о переворотѣ.

Исторія отдѣльныхъ отраслей промышленности показываетъ, что ихъ кризисы никоимъ образомъ не совпадали съ такъ называемыми общими кризисами. Кто прочтетъ въ I и III томахъ «Капитала» то, что Марксъ говоритъ объ исторіи англійской хлопчатобумажной промышленности (I т. гл. 13, т. III гл. 6), тотъ найдетъ тамъ (новѣйшая исторія все это подтверждаетъ), что названная отрасль и другія крупныя отрасли промышленности переживаютъ фазы успѣшнаго хода дѣлъ и застоя, не оказывавшія, однако, никакого вліянія на массу прочихъ отраслей промышленности. Марксъ считалъ возможнымъ, какъ мы видѣли, признать матеріальной [1]) основой періодическихъ кризисовъ необходимость ускореннаго обновленія постояннаго капитала (орудій производства и т. д.); безусловно вѣрно, что здѣсь кроется одинъ изъ моментовъ кризисовъ. Но невѣрно или теперь невѣрно, будто эти періоды обновленія въ различныхъ отрасляхъ промышленности совпадаютъ по времени. И этимъ уничтожается еще одинъ факторъ крупнаго общаго кризиса.

Неопровергнутымъ остается лишь слѣдующее

[1]) Употребленіе въ данномъ мѣстѣ (т. II стр. 165) слова: матеріальный не лишено интереса при обсужденіи того, что Марксъ подразумѣвалъ подъ этимъ понятіемъ. По принятому теперь способу выраженія, объясненіе кризисовъ недостаточнымъ потребленіемъ было бы такое же матеріалистическое, какъ и принятіе за ихъ основаніе измѣненій въ процессѣ производства, т.-е. измѣненій въ орудіяхъ.

что производительная способность въ современномъ обществѣ гораздо сильнѣе, чѣмъ дѣйствительный, опредѣляемый покупательной способностью спросъ на продукты; что милліоны живутъ въ дурныхъ жилищахъ, плохо одѣваются и недостаточно питаются, несмотря на то, что въ изобиліи имѣются средства, чтобы создать для нихъ достаточно жилищъ, пищи и одежды; что слѣдствіемъ этого несоотвѣтствія въ различныхъ отрасляхъ промышленности является перепроизводство потому, что либо дѣйствительно опредѣленные предметы производятся въ бо̀льшемъ количествѣ, чѣмъ они потребляются— напримѣръ пряжи фабрикуется больше, чѣмъ могутъ обработать существующія ткацкія фабрики— либо извѣстные предметы хотя не производятся въ бо̀льшемъ количествѣ, чѣмъ могутъ быть потреблены, но въ бо̀льшемъ количествѣ, чѣмъ могутъ быть куплены; что поэтому существуютъ значительныя неправильности въ полученіи рабочими занятій, вслѣдствіе чего положеніе ихъ становится въ высшей степени необезпеченнымъ, все больше повергая ихъ въ недостойную зависимость, создавая въ одномъ мѣстѣ чрезмѣрную работу, а въ другомъ безработицу; наконецъ, что изъ нынѣ употребляемыхъ средствъ, противодѣйствующихъ крайнему обостренію этого зла, картели капиталистическихъ предпріятій представляются съ одной стороны рабочимъ, съ другой—широкой публикѣ монополистическими товариществами, имѣющими тенденцію вести за ихъ спинами и на ихъ счетъ борьбу съ подобными монопольными товариществами другихъ промышленностей или другихъ странъ, или

произвольно приноравливать путемъ международныхъ или междупромышленныхъ договоровъ и производство, и цѣны къ своей потребности въ прибыли. Капиталистическое средство обороны противъ кризисовъ носитъ въ себѣ потенціальные зародыши новаго усиленнаго подчиненія рабочаго класса, какъ и новыхъ промышленныхъ привилегій, представляющихъ обостренную форму старыхъ цеховыхъ привилегій. Мнѣ кажется гораздо болѣе разумнымъ съ точки зрѣнія рабочаго, вмѣсто того, чтобы предсказывать безсиліе картелей и трёстовъ, считаться съ ихъ значеніемъ. Для рабочаго класса—второстепенный вопросъ, долго ли они будутъ выполнять свою первую цѣль—оборону отъ кризисовъ. Но этотъ вопросъ ведетъ къ другому весьма важному вопросу, разъ какія-либо надежды на коренныя общественныя измѣненія связываются съ наступленіемъ всеобщаго кризиса. Въ такомъ случаѣ представленіе, что картели ничего не могутъ подѣлать противъ кризисовъ, можетъ вести къ очень роковымъ упущеніямъ.

Краткій очеркъ, сдѣланный нами въ началѣ этой главы и излагающій, какъ Марксъ и Энгельсъ объясняли хозяйственные кризисы, дѣлаетъ, въ связи съ приведенными данными, возможнымъ признать вопросъ о кризисахъ проблемой, которую нельзя категорически разрѣшить при помощи двухъ, трехъ боевыхъ словечекъ. Мы только можемъ установить, какіе элементы современнаго хозяйства вліяютъ на кризисы и какія силы имъ противодѣйствуютъ. Нельзя дѣлать апріорныхъ заключеній о конечномъ соотношеніи этихъ силъ и объ его

развитіи. Если только непредусмотрѣнныя внѣшнія событія не вызовутъ общаго кризиса,—а это можетъ, какъ сказано, случиться каждый день,—то ничего не заставляетъ дѣлать заключеніе, что такой кризисъ скоро наступитъ въ силу чисто экономическихъ причинъ. Мѣстныя и частныя стѣсненія дѣлъ неизбѣжны, но этого нельзя сказать про всеобщій застой при современной организаціи и расширеніи мірового рынка и въ особенности при значительномъ расширеніи производства жизненныхъ припасовъ. Послѣднее явленіе имѣетъ особенное значеніе для нашей проблемы. Ничего, быть можетъ, въ такой степени не способствовало смягченію дѣловыхъ кризисовъ и не препятствовало ихъ усиленію, какъ паденіе ренты и цѣнъ на жизненные припасы.

ГЛАВА IV.

Задачи и перспективы соціалдемократіи.

а) Политическія и экономическія условія осуществленія соціализма.

Если бъ людямъ, къ какому бы классу или партіи они ни принадлежали, предложили дать въ сжатой формѣ опредѣленіе соціализма, то большинство изъ нихъ оказались бы въ затруднительномъ положеніи. Кто не захочетъ повторять наобумъ слышанную фразу, долженъ будетъ предварительно выяснить себѣ, будетъ ли онъ дѣлать характеристику движенія, науки или цѣли. Обращаясь за опредѣленіемъ соціализма къ соотвѣтствующей литературѣ, мы наталкиваемся на очень различныя, но тѣмъ не менѣе относящіяся къ той или другой изъ вышеупомянутыхъ категорій объясненія понятія,—начиная съ выведенія соціализма изъ правовыхъ представленій (равенства, справедливости) или его суммарнаго опредѣленія, какъ общественной науки, и кончая приравниваніемъ его къ классовой борьбѣ пролетаріата въ современномъ обществѣ и заявленіемъ, что соціализмъ есть обобщественное хозяйство. Эти различныя опредѣленія бываютъ иногда осно-

ваны на діаметрально-различныхъ взглядахъ; гораздо чаще они—результатъ пониманія или представленія одного и того же явленія съ различныхъ точекъ зрѣнія.

Наиболѣе точнымъ опредѣленіемъ соціализма будетъ то, которое связываетъ его съ идеей ассоціаціи, такъ какъ такимъ образомъ выражаются какъ хозяйственныя, такъ и правовыя отношенія. Не нужно многочисленныхъ доказательствъ, чтобъ показать, что характеристика послѣднихъ такъ же важна здѣсь, какъ и способъ хозяйства. Совершенно независимо отъ вопроса, есть ли право и въ какомъ смыслѣ первостепенный или второстепенный факторъ общественной жизни, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что право извѣстнаго періода даетъ самое концентрированное изображеніе общественной жизни. Мы опредѣляемъ общественныя формы не по ихъ техническимъ или экономическимъ признакамъ, а по основному принципу ихъ правовыхъ отношеній. Мы говоримъ о каменномъ, бронзовомъ, машинномъ, электрическомъ и т. д. періодѣ, но общественный строй мы называемъ феодальнымъ, капиталистическимъ, буржуазнымъ и т. д. Этому должно соотвѣтствовать опредѣленіе соціализма какъ движенія къ строю характиризующемуся ассоціаціей или какъ состоянія въ немъ. Въ этомъ смыслѣ слово соціализмъ будетъ употребляться нами въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Каковы же необходимыя условія осуществленія соціализма? Историческій матеріализмъ усматриваетъ ихъ въ современномъ развитіи производства. Съ распространеніемъ крупнаго капиталистическаго производства въ промышленности и сельскомъ хозяйствѣ образовалось длящееся и постоянно растущее основаніе для стремленія къ соціалистическому преобразованію общества. Трудъ здѣсь уже организованъ общественно, только управленіе трудомъ еще индивидуально и прибыль получается отдѣльными лицами сообразно не труду, а участію капиталомъ. Рабочій не владѣетъ орудіями производства, онъ въ зависимости отъ условій найма, отъ которыхъ не можетъ избавиться въ теченіе всей жизни и тяжесть которыхъ усугубляется необезпеченностью, обусловливаемой зависимостью отъ предпринимателя и колебаніями въ положеніи предпріятія—послѣдствіемъ анархіи производства. Какъ само производство, такъ и условія существованія производителей требуютъ обобществленія труда и его организаціи на началахъ ассоціаціи.

Такимъ образомъ, извѣстная степень капиталистическаго развитія есть первое условіе общаго осуществленія соціализма; вторымъ же условіемъ является переходъ политической власти къ партіи рабочаго класса—къ соціалдемократіи. Формой пользованія этой властью по Марксу будетъ, въ переходную эпоху, диктатура пролетаріата.

Что касается перваго условія, то уже въ главѣ о производительныхъ классахъ въ производствѣ и распредѣленіи было показано, что, хотя въ настоящее время крупное производство уже, является преобладающимъ въ промышленности, все же оно, включая и зависящія отъ него производства, даже въ такой прогрессивной странѣ, какъ Пруссія, представляетъ самое бо́льшее, что половину занятаго во всей промышленности насе-

ленія. Получится одинаковая картина, если мы возьмемъ данныя для всей Германіи, и лишь нѣсколько иная для Англіи, самой промышленной страны въ Европѣ. Въ другихъ странахъ, за исключеніемъ, быть можетъ, Бельгіи, отношеніе крупнаго производства къ мелкому и среднему еще болѣе неблагопріятно. Въ сельскомъ же хозяйствѣ мы видимъ, что вездѣ мелкое и среднее хозяйство не только значительно преобладаетъ надъ крупнымъ, но и укрѣпляетъ свое положеніе. Въ торговлѣ и въ транспортѣ отношеніе этихъ группъ такое же.

Въ свое время въ статьѣ объ ученіи о переворотахъ я показалъ, что въ картинѣ, которую даютъ суммарныя цифры профессіональной статистики, при болѣе точномъ изслѣдованіи отдѣльныхъ частей неизбѣжны нѣкоторыя поправки; предварительно въ статьяхъ серіи «Probleme des Sozialismus» я убѣдительно доказывалъ, что число занятыхъ въ извѣстной профессіи не представляется вовсе вѣрнымъ показателемъ ея капиталистическаго характера. Возраженія, сдѣланныя Парвусомъ въ «Sächsische Arbeiterzeitung» противъ употребленія, которое я сдѣлалъ въ данномъ сочиненіи изъ общихъ данныхъ профессіональной статистики, не говорятъ по существу ничего, чего бы я самъ не сказалъ прежде, и совершенно лишены значенія для вопроса о возможности близкаго экономическаго переворота [1]). Общая картина, представляемая статистикой предпріятій, очень мало измѣнится отъ того, что очень многія изъ сотенъ тысячъ мелкихъ производствъ организованы вполнѣ на капиталистическій ладъ, а другія вполнѣ или отчасти зависятъ отъ капиталистическихъ крупныхъ производствъ. Это не есть возраженіе противъ все увеличивающагося разнообразія предпріятій, противъ постепен-

[1]) Я не останавливаюсь тѣхъ искаженіяхъ, которымъ Парвусъ подвергъ мои выводы, ни на тѣхъ фантастическихъ противопоставленіяхъ (извозчики и желѣзныя дороги и т. п.), которыми онъ думалъ вышутить мое указаніе на сравнительную силу мелкихъ и среднихъ производствъ. Они, исходя отъ человѣка, котораго я ставилъ очень высоко, не могли не раздражить меня въ первую минуту,—но они не стоятъ серіозныхъ возраженій.

Но по приведеннымъ въ текстѣ соображеніямъ я не могу также придавать никакого значенія для моей задачи фактамъ, выдвигаемымъ противъ меня Г. Куновымъ (Cunow), въ его чрезвычайно сдержанной статьѣ о теоріи переворота. То, что онъ говоритъ о банковомъ дѣлѣ и торговыхъ агентурахъ, мнѣ не безызвѣстно, такъ какъ я самъ многіе годы работалъ въ банкѣ и знаю крупную торговлю по опыту. Что же касается подсобныхъ и филіальныхъ производствъ, то вотъ что я самъ писалъ въ одной изъ прежнихъ статей подъ заглавіемъ «Probleme des Sozialismus»: «Такое подсобное производство, которое работаетъ съ большимъ постояннымъ и очень небольшимъ перемѣннымъ капиталомъ, въ которомъ употребляются дорого стоящія машины и немного рабочихъ, по государственной статистикѣ причисляется къ мелкимъ фабрикамъ или даже ремесленнымъ заведеніямъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ оно принадлежитъ къ фабричному производству... Мы должны принять за правило, что ремесленныя заведенія и мелкія фабричныя производства въ профессіональной статистикѣ представлены всегда численно сильнѣе, чѣмъ въ дѣйствительности» (Neue Zeit, XV, 1, стр. 308). Относительно же сельскаго хозяйства я писалъ: «Площадь культуры можетъ быть очень невелика и тѣмъ не менѣе служить ареной капиталистическаго производства. Статистика, исходящая изъ пространственныхъ размѣровъ, всегда мало говоритъ о характерѣ хозяйства» (тамъ же, стр. 380). Подобные же выводы имѣются въ моей статьѣ «Ueber die Zusammenbruchstheorie», стр. 552. XVI, 1, относительно данныхъ о торговлѣ и транспортѣ.

наго расчлененія промышленности. Если мы вычеркнемъ четверть или даже половину всѣхъ мелкихъ производствъ, зависящихъ отъ среднихъ и крупныхъ, то все же въ Германіи въ одной только промышленности останется еще милліонъ производствъ, начиная громадными капиталистическими предпріятіями и кончая сотней тысячъ мелкихъ ремесленныхъ заведеній, которыя, хотя и съ своей стороны медленно отдаютъ дань процессу концентраціи, но не думаютъ еще уступать поле битвы. Къ числамъ, приведеннымъ нами во второй части третьей главы, прибавимъ еще, что, судя по даннымъ статистики германскаго строительнаго промысла, въ немъ съ 1882 по 1895 годъ число самостоятельныхъ хозяевъ увеличилось съ 146.175 человѣкъ до 177.012, а число всѣхъ занятыхъ—съ 580.121 до 777.705, что говоритъ, положимъ, о значительномъ увеличеніи числа зависящихъ на каждое производство (съ 3,97 до 4,37), но въ то же время вовсе не означаетъ регрессивнаго развитія ремесленнаго производства [1]).

Между тѣмъ, какъ централизованная форма производства является предварительнымъ условіемъ обобществленія производства и обмѣна,—сама эта форма въ прогрессивнѣйшихъ странахъ Европы остается еще частнымъ фактомъ; поэтому, если въ Германіи государство захотѣло бы въ близкомъ будущемъ экспропріировать всѣ предпріятія численностью, скажемъ, отъ 20 человѣкъ и болѣе, все

[1]) Ср. Schmöle «Die sozialdemokratischen Gewerkshaften in Deutschland» ч. II т. I стр. 1 и слѣд., гдѣ также показаны темныя стороны мелкихъ предпріятій въ строительномъ промыслѣ.

равно, будь это сдѣлано путемъ вполнѣ самостоятельнаго производства или частичной отдачи въ аренду,—все-таки въ торговлѣ и промышленности останутся еще сотни тысячъ предпріятій болѣе чѣмъ съ четырьмя милліонами рабочихъ, которыя и потомъ оставались бы въ частныхъ рукахъ. Въ сельскомъ хозяйствѣ осталось бы въ случаѣ экспропріаціи всѣхъ хозяйствъ размѣромъ болѣе 20 гектаровъ, о чемъ, впрочемъ, никто и не мечтаетъ, болѣе пяти милліоновъ хозяйствъ частновладѣльческаго характера приблизительно съ девятью милліонами рабочихъ. О громадности задачи, предстоящей государству или государствамъ при переходѣ въ ихъ руки всѣхъ этихъ хозяйствъ, можно составить себѣ понятіе, если принять во вниманіе, что въ промышленности и торговлѣ дѣло идетъ о нѣсколькихъ сотняхъ тысячахъ производствъ съ 5—6 милліонами рабочихъ, а въ сельскомъ хозяйствѣ—болѣе чѣмъ о трехъ стахъ тысячахъ хозяйствъ съ 5 милліонами рабочихъ. Какимъ же запасомъ ума, знанія дѣла, административнаго таланта должно бы обладать правительство или національное собраніе, чтобъ быть въ состояніи взять на себѣ хотя бы одно высшее руководство или хозяйственный контроль надъ такимъ громаднымъ организмомъ?

Быть можетъ, мнѣ укажутъ на многочисленные кадры интеллигенціи, создаваемые современнымъ развитіемъ, которыя съ удовольствіемъ предложатъ свои услуги во время переходнаго періода. Въ готовности со стороны этого слоя общества я нисколько не сомнѣваюсь и уже много разъ указывалъ на

него въ продолженіе 18 лѣтъ. Но опасность и лежитъ въ embarras de richesses, и то, чего не сдѣлаетъ злая воля врага, легко можетъ натворить добрая воля группы лучшихъ друзей. Даже въ нормальныя времена одна добрая воля — плохой союзникъ.

Но оставимъ этотъ вопросъ и будемъ пока держаться лишь того факта, что матеріальное условіе обобществленія производства и распредѣленія — сильно развитая централизація производствъ—существуетъ лишь отчасти.

Второе условіе по ученію Маркса заключается въ захватѣ политической власти пролетаріатомъ. Этотъ захватъ можно представлять себѣ различно: путемъ парламентарской борьбы—используя избирательное право и всѣ другія законныя средства—или путемъ насилія, прибѣгая къ революціи [1]).

Извѣстно, что Марксъ и Энгельсъ до довольно поздняго времени смотрѣли на послѣдній способъ, какъ на почти вездѣ неизбѣжный; а отдѣльнымъ послѣдователямъ Маркса онъ и теперь кажется естественнымъ. Часто его считаютъ и за болѣе короткій путь [2]).

[1]) Здѣсь и въ нижеслѣдующемъ слово: революція будетъ употребляться исключительно въ политическомъ его значеніи, какъ равнозначащее возстанію, т.-е. внѣзаконному насилію. Для обозначенія понятія коренного измѣненія общественнаго режима будетъ употребляться выраженіе: «соціальное преобразованіе», оставляющее вопросъ о средствахъ открытымъ. Цѣль этого различія—избѣгнуть всякихъ неточностей и двусмысленностей.

[2]) «Но кому же не ясно, что если бы въ большихъ городахъ,— гдѣ рабочіе составляютъ преобладающее большинство,—они получили бы въ неограниченное распоряженіе общественную власть, то экономическая революція стала бы вопросомъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, быть можетъ, даже недѣль?» (Jules Guesde «Der achtzehnte März (1871) in der Provinz». «Zukunft» 1877 стр. 87).

«Мы же заявляемъ: дайте намъ на полгода правительственную власть—и капиталистическое общество станетъ достояніемъ исторіи». (Парвусъ въ «Sächs. Arbeiterzeitung» 6 марта 1898 г.).

Послѣдняя фраза стоитъ въ концѣ статьи, гдѣ, между прочимъ, доказывается, что и послѣ того, какъ соціально-революціонное правительство возьметъ въ свои руки управленіе всѣмъ производствомъ, замѣна товарнаго оборота искусственно придуманной мѣновой системой будетъ еще невозможна. Другими словами, Парвусъ, много занимавшійся экономіей, понимаетъ, что «обмѣнъ товаровъ такъ проникъ всѣ отношенія хозяйственной жизни, что онъ не можетъ быть замѣненъ искусственно придуманной системой обмѣна»; тѣмъ не менѣе, несмотря на это мнѣніе, уже давно раздѣляемое и мною (о чемъ я говорилъ въ статьѣ «Sozialistische Bedeutung von Raum und Zahl»; въ болѣе же поздней статьѣ изъ серіи «Probleme des Sozialismus» я собрался остановиться на немъ подробнѣе)—Парвусъ воображаетъ, что соціально-революціонное правительство при данномъ строѣ хозяйства могло бы управлять всѣмъ производствомъ и съ корнемъ въ полгода вырвать выросшую изъ товарнаго производства и тѣсно съ нимъ связанную капиталистическую систему. Вотъ какихъ политическихъ младенцевъ увлеченіе насиліемъ дѣлаетъ изъ людей, въ остальномъ столь ученыхъ.

Къ такому выводу приводитъ, прежде всего, представленіе, что рабочій классъ есть самый многочисленный и, какъ не имѣющій собственности,— самый энергичный изъ всѣхъ остальныхъ классовъ. Завладѣвъ властью, онъ до тѣхъ поръ не успокоится, пока не замѣнитъ основъ существующей системы такими учрежденіями, которыя сдѣлаютъ возстановленіе этихъ основъ невозможнымъ.

Было уже упомянуто, что Марксъ и Энгельсъ,

выставляя свою теорію диктатуры пролетаріата, имѣли передъ собой, какъ типическій примѣръ, эпоху террора французской революціи. Еще въ книгѣ противъ Дюринга Энгельсъ считаетъ въ высшей степени геніальнымъ открытіемъ Сенъ-Симона, что онъ въ 1802 г. понималъ господство террора, какъ господство лишенныхъ собственности массъ. Это, конечно, преувеличеніе; но какъ высоко ни ставить это открытіе, результатъ господства лишенныхъ собственности оказывается у Сенъ-Симона немного лучшимъ, чѣмъ у Шиллера, теперь признаваемаго «мелкобуржуазнымъ». Пролетаріи 1793 г. были способны лишь сражаться изъ-за чужихъ интересовъ. Они могли властвовать лишь до тѣхъ поръ, пока длился терроръ. Когда онъ прекратился, а онъ долженъ былъ прекратиться, ихъ господству пришелъ конецъ. По воззрѣніямъ Маркса и Энгельса, эта опасность не угрожаетъ современному пролетаріату. Но что такое современный пролетаріатъ?

Если причислять сюда всѣхъ, не имѣющихъ собственности, всѣхъ, не получающихъ дохода отъ владѣнія или привилегированнаго положенія, тогда онъ будетъ абсолютнымъ большинствомъ населенія въ передовыхъ странахъ. Но въ такомъ случаѣ этотъ пролетаріатъ будетъ смѣсью чрезвычайно различныхъ элементовъ, смѣсью общественныхъ слоевъ, еще болѣе отличающихся другъ отъ друга, чѣмъ «народъ» 1789 года; пока держатся современныя имущественныя отношенія, интересы этихъ группъ скорѣе сходны, чѣмъ противоположны; но лишь только имущіе и привилегированные были бы упразднены или у нихъ было бы отнято ихъ тепе-

решнее положеніе,—эти элементы очень скоро сознали бы разность ихъ потребностей и интересовъ.

Въ свое время я указывалъ на то обстоятельство, что современные рабочіе не представляютъ изъ себя однородной, относительно собственности, семьи и др., одинаково сплоченной массы, какъ это утверждаетъ коммунистическій манифестъ; въ наиболѣе передовыхъ отрасляхъ фабричной промышленности существуетъ цѣлая іерархія дифференцированныхъ рабочихъ, между которыми замѣчается лишь самое незначительное чувство солидарности. Въ уже упомяной статьѣ Г. Куновъ видитъ въ этомъ замѣчаніи подтвержденіе того, что я, даже дѣлая общіе выводы, имѣю въ виду спеціально англійскія отношенія. Въ Германіи и въ другихъ континентальныхъ культурныхъ странахъ не существуетъ, по его мнѣнію, такого отдаленія лучше поставленныхъ рабочихъ отъ революціоннаго движенія, какъ въ Англіи. Въ противоположность Англіи во главѣ классовой борьбы стоятъ лучше оплачиваемые рабочіе. Англійскій кастовый духъ не есть слѣдствіе современной соціальной дифференціаціи, но результатъ прежней цеховой и гильдейской системы и опирающагося на ея формы прежняго тредъ-юнистскаго движенія.

Я снова долженъ отвѣтить Кунову, что то, что онъ мнѣ говоритъ, мнѣ не ново; оно, кромѣ того, невѣрно. Невѣрно, напр., сказанное въ концѣ. Теорія, связывающая англійское тредъ-юнистское движеніе съ цехами, покоится на очень шаткомъ основаніи. Она упускаетъ изъ виду, что цехи въ Англіи, кромѣ Лондона, были упразднены еще во время рефор-

маціи, и что именно въ Лондонѣ тредъ-юнистское движеніе не проявлялось никогда съ особенной силой, въ чемъ, конечно, неповинны все еще существующія тамъ гильдіи. Если англійскому тредъюнистскому движенію свойственны нѣкоторыя черты цеховъ, то это гораздо меньше наслѣдіе старыхъ цеховъ, существовавшихъ въ Германіи значительно дольше, чѣмъ въ Англіи, чѣмъ просто послѣдствіе англійской свободы—послѣдствіе того факта, что англійскій рабочій никогда, даже во время запрещенія союзовъ, не находился подъ гнетомъ полицейскаго государства. На свободѣ развивается духъ индивидуальности или, какъ выразился однажды Штирнеръ,—духъ своеобразности. Онъ не исключаетъ признанія всего иначе устроеннаго и общаго интереса, но онъ легко дѣлается причиной извѣстной угловатости, которая даже тамъ, гдѣ она проявляется односторонне только по формѣ кажется жесткой и безсердечной. Я не хочу, конечно, оскорблять нѣмецкихъ рабочихъ; я знаю и вполнѣ уважаю идеализмъ, побуждающій, напр., гамбургскихъ рабочихъ цѣлыя десятилѣтія работать для общаго дѣла; этой работѣ нѣтъ равной въ исторіи рабочаго движенія. Но насколько я знаю нѣмецкое рабочее движеніе и имѣлъ случай его изучить, на немъ также сказывается вліяніе названной промышленной дифференціаціи. Такія особыя условія, какъ преобладаніе политическаго движенія, искусственное пренебреженіе союзами и тотъ фактъ, что различіе между размѣрами заработанной платы и продолжительностью рабочаго времени вообще въ Германіи менѣе значительно, чѣмъ въ Англіи, препятствуютъ рѣзкому проявленію вліянія промышленной дифференціаціи. Кто внимательно слѣдитъ за органами нѣмецкаго рабочаго движенія, встрѣтится, однако, со множествомъ фактовъ, подтверждающихъ сказанное мною. Я не считаю нужнымъ переименовывать эти примѣры, хотя я ихъ знаю достаточно, и среди нихъ есть примѣры и изъ моей дѣятельности въ Германіи. Поэтому объ этомъ вопросѣ скажу еще лишь слѣдующее.

Рабочіе союзы не создаютъ упомянутаго явленія дифференціаціи, они выражаютъ его только, какъ неизбѣжный результатъ дѣйствительно существующей разницы. Значительное различіе въ родѣ занятій и высотѣ дохода не можетъ, конечно, не создавать также и различнаго образа жизни и различныхъ къ ней требованій. Механикъ при сложныхъ машинахъ и таскальщикъ угля, маляръ, расписывающій комнаты, и грузчикъ, скульпторъ или модельщикъ и кочегаръ ведутъ въ общемъ весьма различную жизнь и имѣютъ весьма различныя потребности. Тамъ, гдѣ борьба за существованіе не вызываетъ между ними никакихъ столкновеній, тотъ фактъ, что всѣ они—наемные рабочіе, можетъ сглаживать сознаніе этихъ различій, а сознаніе, что всѣ они ведутъ одинаковую борьбу противъ капитала, можетъ создать живую взаимную симпатію. Въ такой симпатіи нѣтъ недостатка и въ Англіи, и самые аристократичные изъ всѣхъ аристократичныхъ тредъ-юніоновъ выказываютъ ее часто хуже поставленнымъ рабочимъ, точно такъ же, какъ въ политикѣ многіе изъ нихъ если не соціалисты, то, во всякомъ

случаѣ, демократы [1]). Но между такой политической и соціально-политической симпатіей и экономической солидарностью еще большая разница, — разница, которую можетъ нейтрализовать сильный политическій и экономическій гнетъ, но которая тѣмъ или другимъ путемъ найдетъ себѣ выраженіе въ массахъ, разъ прекратится этотъ гнетъ. Большая ошибка думать, что въ этомъ отношеніи Англія составляетъ исключеніе. Это же явленіе, только въ другой формѣ, существуетъ и во Франціи. То же самое наблюдается и въ Швейцаріи, и въ Соединенныхъ Штатахъ и, какъ было сказано, до извѣстной степени и въ Германіи.

Если мы даже допустимъ, что среди промышленныхъ рабочихъ такая дифференціація несущественна и не оказываетъ никакого вліянія на образъ мысли этихъ рабочихъ, то промышленные рабочіе вездѣ вѣдь составляютъ меньшинство населенія. Въ Германіи ихъ вмѣстѣ съ занятыми въ домашней промышленности—едва семь милліоновъ изъ 19 милліоновъ самостоятельныхъ хозяевъ. А затѣмъ остаются еще техническіе и другіе служащіе, торговые приказчики и сельскіе рабочіе.

Дифференціація среди этихъ элементовъ выражена еще рѣзче, лучшимъ доказательствомъ чего служитъ неудача движенія въ пользу организаціи названныхъ категорій въ рабочіе союзы. Вообще

[1]) Въ англійскомъ соціалистическомъ движеніи ядро его составляютъ лучше оплачиваемые рабочіе, т.-е. наиболѣе знающіе и выше стоящіе въ духовномъ отношеніи. На собраніяхъ членовъ соціалистическихъ союзовъ можно встрѣтить только очень немного такъ называемыхъ неквалифицированныхъ рабочихъ.

нѣтъ большей ошибки, какъ выводить на основаніи извѣстнаго внѣшняго сходства положеній дѣйствительную аналогію отношеній. Купеческій приказчикъ относительно своего хозяина находится въ такомъ же положеніи, какъ и промышленный наемный рабочій по отношенію къ своему работодателю, но все же такой приказчикъ—за исключеніемъ низшаго персонала самыхъ крупныхъ торговыхъ заведеній—въ соціальномъ отношеніи стоитъ ближе къ своему хозяину, чѣмъ рабочій къ своему, несмотря на то, что разница въ ихъ заработкѣ часто гораздо больше. Въ деревнѣ и особенно въ маленькихъ хозяйствахъ образъ жизни и трудъ крестьянина-хозяина и батрака очень схожи, а въ массѣ среднихъ хозяйствъ раздѣленіе труда, т.-е. дифференціація слишкомъ велика, а персоналъ относительно слишкомъ малъ, чтобъ дать мѣсто классовой борьбѣ въ смыслѣ борьбы городскихъ рабочихъ. Трудно говорить о развитомъ чувствѣ солидарности между старостой, поденщикомъ и скотникомъ. Остаются еще крупныя хозяйства, составляющія, какъ мы видѣли, вездѣ въ сельскомъ хозяйствѣ меньшинство и въ которыхъ, кромѣ того, замѣчается принципіальная разница въ трудовомъ отношеніи различныхъ группъ персонала къ предпринимателю. Въ смыслѣ соціальныхъ стремленій совершенно нельзя приравнивать къ промышленнымъ рабочимъ тѣ зарегистрованныя германской профессіональной статистикой 5—6 милліоновъ лицъ, занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ (изъ этого числа вычтенъ высшій вспомогательный персоналъ—помощники управляющихъ и т. п.). Только у совер-

шенно небольшой части можно предполагать серьезное сознаніе стремленій, не останавливающихся на однихъ улучшеніяхъ условій труда. Для громаднаго ихъ большинства обобществленіе сельско-хозяйственнаго производства не болѣе, какъ пустое слово. Ихъ идеалъ покуда еще—частное землевладѣніе.

Да и стремленіе промышленныхъ рабочихъ къ соціалистическому производству по большей части гораздо чаще результатъ предположеній, чѣмъ увѣренности. Изъ роста числа соціалистическихъ голосовъ на выборахъ можно сдѣлать заключеніе о постоянномъ увеличеніи приверженцевъ соціалистическихъ стремленій. Никто не станетъ, однако, утверждать, что всѣ голоса, поданные за соціалистовъ, принадлежатъ соціалистамъ. И если мы даже будемъ считать всѣхъ несоціалистическихъ и непролетарскихъ избирателей, голосующихъ за соціалдемократовъ, взамѣнъ взрослыхъ соціалистическихъ рабочихъ, не имѣющихъ еще права голоса,—то въ Германіи, гдѣ соціалдемократія сильнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, изъ 4,5 милліона взрослыхъ промышленныхъ рабочихъ, къ которымъ слѣдовало бы причислить еще около полумилліона взрослыхъ мужчинъ, занятыхъ въ торговлѣ, только 2,1 милліона подаютъ голоса за соціалистическихъ кандидатовъ. Больше половины промышленныхъ германскихъ рабочихъ относится въ настоящее время къ соціалдемократіи отчасти равнодушно и безъ пониманія, отчасти прямо враждебно.

При всемъ томъ, соціалистическій избирательный голосъ есть гораздо больше выраженіе неопредѣленнаго стремленія, чѣмъ опредѣленнаго намѣ-

ренія. Значительно меньшій процентъ рабочихъ принимаетъ участіе въ активной дѣятельности въ пользу своей эмансипаціи. Рабочіе союзы въ Германіи находятся въ періодѣ утѣшительнаго роста. Тѣмъ не менѣе, въ концѣ 1897 года эти союзы насчитывали лишь около 420.000 организованныхъ рабочихъ въ производствахъ, гдѣ общее число рабочихъ равнялось 6.165.735 человѣкамъ (ср. «Correspondenzblatt der Generalkommission der Gewerkschaften Deutschlands» отъ 1-го и 8-го Августа 1898 г.). Если къ нимъ прибавить еще около 80.000 членовъ Гиршевскихъ рабочихъ союзовъ, то въ данныхъ производствахъ получится такое отношеніе: 1 сърганизованный на 11 неорганизованныхъ рабочихъ [1]). Число политически организованныхъ рабочихъ Германіи за вычетомъ тѣхъ, кто состоитъ въ то же время членомъ союза, едва ли будетъ оцѣнено слишкомъ низко, если его считать равнымъ двумъ стамъ тысячамъ; а если мы примемъ такое же число для тѣхъ, которыхъ внѣ ихъ воли лежащіе факторы удерживаютъ отъ активнаго участія въ политической или экономической борьбѣ, то съ ранѣе упомянутыми въ итогѣ получимъ около 900.000 рабочихъ, на дѣлѣ выказывающихъ живой интересъ къ своему освобожденію. Они представляютъ 40% соціалдемократическихъ избирателей. Изъ $5^1/_2$ мил-

[1]) Все-таки въ 5 отрасляхъ производства было болѣе трети организованныхъ рабочихъ. А именно: у наборщиковъ 61,8%, у скулпторовъ 55,5%, у портовыхъ рабочихъ 38%, у мѣдниковъ 33,6%, у перчаточниковъ 31,7% всѣхъ занятыхъ въ данномъ производствѣ. За ними слѣдуютъ литографщики съ 21,8% и рабочіе фарфоровыхъ заводовъ съ 21%.

ліоновъ голосовъ, поданныхъ за несоціалистическихъ кандидатовъ, отъ $^{1}/_{4}$ до $^{1}/_{3}$ въ настоящее время принадлежатъ сознательнымъ—классово-сознательнымъ противникамъ соціалдемократіи; а это почти вдвое больше, чѣмъ число политически организованныхъ рабочихъ.

Я очень хорошо сознаю лишь относительную доказательную силу такихъ разсужденій, какъ выше приведенное, которыя оставляютъ безо всякаго вниманія важный моментъ мѣстнаго распредѣленія и соціально-политическое значеніе группъ. Здѣсь дѣло, однако, идетъ только о полученіи приблизительно возможнаго масштаба для оцѣнки массоваго отношенія тѣхъ элементовъ, у которыхъ теорія оказала наибольшее вліяніе на ихъ образъ дѣйствій. Что можно, напр., сказать о спискахъ соціальныхъ боевыхъ силъ, составленныхъ по совершенно внѣшнимъ признакамъ, которые противъ меня выставляетъ Парвусъ въ своей седьмой статьѣ. Развѣ громадное численное преобладаніе лишенныхъ собственности надъ ею обладающими, на которое онъ обращаетъ тамъ вниманіе, кому-нибудь неизвѣстно и вообще представляетъ новый историческій фактъ? И все же нашлись соціалистическія газеты, заключавшія о близости соціальной революціи съ силу противопоставленія Парвусомъ «арміи пролетаріата», въ 15 милліоновъ, «арміи капитала», численность которой принимается равной 1,6 милліона (не считая еще 3 милліоновъ разоренныхъ капиталомъ, но еще не ставшихъ пролетаріями мелкихъ крестьянъ и ремесленниковъ и 820.000, относительно отъ капитала независимыхъ). Чисто азіатское спокойствіе, съ ко-

торымъ Парвусъ причисляетъ 5—6 милліоновъ, занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, къ «арміи пролетаріата», соперничаетъ развѣ съ безстрашіемъ, позволяющимъ ему найти 2 милліона «торговыхъ пролетаріевъ» [1]). Если даже предположить, что всѣ эти элементы съ восторгомъ будутъ привѣтствовать революцію, которая приведетъ соціалистовъ къ кормилу правленія, то этимъ вовсе еще не будетъ достигнута главная задача.

Нужно совершенно оставить въ сторонѣ мысль о немедленномъ принятіи на себя государствомъ функцій производства и распредѣленія продуктовъ. Государство не могло бы взять на себя даже среднихъ и крупныхъ производствъ. Но и общины, какъ посредники, мало могли бы помочь. Онѣ могли бы взять въ свои руки развѣ заведенія, производящія въ данной мѣстности и для данной мѣстности; одно это дало бы имъ уже массу дѣла. Но развѣ можно

[1]) Вотъ статистическія данныя о торговлѣ:

Самостоятельные хозяева и лица, управляющія дѣлами	843.556
Купеческій персоналъ	261.907
Приказчики, домашняя прислуга, кучера, помогающіе члены семьи	1.233.045
Всего	2.338.508

Таблица Парвуса имѣла, впрочемъ, своихъ предшественниковъ. Въ Гёхбергскомъ «Zukunft» въ 1877 г. С. А. Шраммъ вычислялъ для Пруссіи на основаніи точно извѣстныхъ данныхъ прусской профессіональной статистики за 1876 годъ «соціалистическій контингентъ» въ 85% населенія; приверженцевъ соціализма оказывалось 4,6 милліона противъ 992,000 классовыхъ его противниковъ («Zukunft», стр. 186 и сл.). Только Шраммъ не выводилъ изъ этихъ чиселъ такой смѣлой морали, какъ Парвусъ.

себѣ представить, что предпріятія, работавшія до сихъ поръ на широкій рынокъ, могутъ всѣ внезапно быть экспропріированы?

Возьмемъ для примѣра средній по величинѣ промышленный городъ,—напр. Аугсбургъ, Барменъ, Дортмундъ, Ганау, Мангеймъ и т. д.; вѣдь никто не будетъ такъ безразсуденъ, чтобы предполагать, что въ случаѣ политическаго кризиса или въ другое время общины этихъ городовъ могли бы съ успѣхомъ взять на себя руководство всѣми разнообразными мѣстными фабричными и торговыми дѣлами. Онѣ должны бы либо оставить ихъ въ рукахъ ихъ теперешнихъ владѣльцевъ, либо, если онѣ безусловно захотятъ ихъ экспропріировать, передать ихъ рабочимъ ассоціаціямъ на какихъ-нибудь арендныхъ условіяхъ.

Такимъ образомъ, вопросъ во всякихъ подобныхъ случаяхъ сводится къ вопросу объ экономической потенціальной силѣ ассоціаціи.

b) Производительныя силы экономическихъ ассоціацій.

Вопросъ о производительности ассоціацій доселѣ обсуждался въ марксистской литературѣ лишь мимоходомъ. Если не считать литературы 60-хъ годовъ и нѣсколькихъ статей Каутскаго, то въ ней кромѣ очень общихъ, часто отрицательныхъ отзывовъ, мало что можно найти о нихъ.

За причинами этого пренебрежительнаго отношенія недалеко ходить.

Прежде всего марксистская дѣятельность носитъ преимущественно политическій характеръ и направлена на захватъ политической власти; она признаетъ затѣмъ принципіальное значеніе развѣ еще за однимъ движеніемъ рабочихъ союзовъ, какъ непосредственной формой классовой борьбы рабочихъ. Относительно кооперацій Марксъ сперва внушилъ себѣ убѣжденіе, что въ небольшихъ размѣрахъ она неплодотворна и имѣетъ развѣ—и притомъ очень ограниченное—экспериментальное значеніе. Только со средствами всего общества можно предпринять что-нибудь. Въ такомъ смыслѣ высказывается Марксъ въ «Der 18-te Brumaire» о рабочихъ коопераціяхъ [1]). Впослѣдствіи онъ нѣсколько измѣнилъ свой взглядъ на ассоціаціи, о чемъ между прочимъ свидѣтельствуютъ предложенныя генеральнымъ совѣтомъ Женевскому и Лозанскому конгрессу Интернаціонала резолюціи объ ассоціаціяхъ; то же значеніе имѣетъ и написанное, вѣроятно, подъ вліяніемъ Маркса, а во всякомъ случаѣ имъ одобренное мѣсто въ сочиненіи Эккаріуса (Eines Arbeiters Widerlegung), гдѣ ассоціаціямъ, какъ предвѣстницамъ будущаго, приписывается такое же значеніе, какое имѣли въ Римѣ и въ началѣ среднихъ вѣковъ цехи;

[1]) «Онъ (пролетаріатъ) бросается отчасти на доктринерскіе эксперименты, на мѣновые банки и рабочія ассоціаціи,—т.-е. въ движеніе, въ которомъ онъ отказывается отъ того, чтобы произвести переворотъ въ устарѣвшемъ мірѣ, воспользовавшись для того всѣми его крупными общими средствами». («Der 18 Brumaire», изд. 1-е стр. 8).

кромѣ того, въ ранѣе упомянутомъ мѣстѣ III тома «Капитала»,—написанномъ въ то же время, какъ и резолюціи конгрессовъ и сочиненіе Эккаріуса,—выдвигается значеніе ассоціаціи, какъ переходной формы къ соціалистическому производству. Но въ письмѣ о проектѣ Готской программы (1875 г.) снова замѣтно усиленіе скептицизма относительно ассоціацій, и этотъ скептицизмъ проникаетъ собой, начиная съ средины 70-хъ годовъ, почти всю марксистскую соціалистическую литературу.

Такое направленіе можетъ отчасти считаться дѣйствіемъ реакціи, наступившей послѣ парижской коммуны и придавшей всему рабочему движенію другой, основанный почти исключительно на политикѣ характеръ. Отчасти, это также послѣдствіе неблагопріятныхъ опытовъ, вездѣ продѣланныхъ надъ ассоціаціями. Оптимистическія ожиданія, вызванныя развитіемъ англійскаго кооперативнаго движенія, не осуществились на практикѣ. Для всѣхъ соціалистовъ 60-хъ годовъ производительное товарищество было единственной кооперацiей, потребительное же товарищество въ лучшемъ случаѣ принималось какъ-бы въ придачу. Преобладало мнѣніе, раздѣляемое и Энгельсомъ въ его сочиненіи о квартирномъ вопросѣ, что распространеніе потребительныхъ товариществъ непремѣнно поведетъ за собой пониженіе заработной платы («Wohnungsfrage», стр. 34—35). Составленная Марксомъ резолюція Женевскаго конгресса гласила:

«Мы рекомендуемъ рабочимъ гораздо больше заниматься кооперативнымъ производствомъ, чѣмъ кооперативными магазинами. Послѣдніе затрагиваютъ лишь поверхность современнаго экономическаго строя вещей, первыя же поражаютъ самый его корень... Чтобы помѣшать вырожденію кооперативныхъ обществъ въ обыкновенныя буржуазныя товарищества на вѣрѣ, всѣ занятые въ нихъ рабочіе, акціонеры ли они или нѣтъ, должны получать равную прибыль. Только какъ временная мѣра, можетъ быть допускаемо, чтобъ акціонеры получали умѣренный процентъ».

Но именно основанныя въ 60-хъ годахъ производительныя товарищества почти вездѣ не удались; они либо совершенно распались, либо превратились въ небольшія компаніи, которыя лишь въ томъ случаѣ не ограничивались однимъ прозябаніемъ, если они, какъ и прочія предпріятія, употребляли наемныхъ рабочихъ. Потребительныя же товарищества «обуржуазились» или казались таковыми и стали обыкновенными лавочками. Неудивительно, что въ соціалистическихъ кругахъ все больше отворачивались отъ кооперативнаго движенія. Въ Германіи, гдѣ въ умахъ еще жилъ антагонизмъ между Лассалемъ и Шульце-Деличемъ, реакція проявлялась всего сильнѣе. Сильная склонность къ утрированному государственному соціализму, замѣчаемая въ срединѣ 70-хъ годовъ у большей части нѣмецкой соціалдемократіи (но не у однихъ лассальянцевъ), иногда являвшаяся яркимъ контрастомъ политическому радикализму партіи, была въ значительной степени послѣдствіемъ неудачныхъ кооперативныхъ опытовъ. Банкротства обществъ самопомощи съ торжествомъ принимались къ свѣдѣнію. Въ Готской программѣ, и даже по ея

проекту, требованію производительныхъ товариществъ при содѣйствіи государства была придана совершенно невозможная форма. Критика, которой Марксъ въ письмѣ объ этой программѣ подвергалъ эти параграфы, затрагивала болѣе способъ выраженія, чѣмъ мысль, лежащую въ ея основаніи. Марксъ не зналъ, что именно «Берлинскій Маратъ»—Гассельманъ—котораго онъ главнымъ образомъ считалъ отвѣтственнымъ за эти параграфы, былъ бланкистъ чистѣйшей воды. Гассельманъ, какъ и Марксъ, называлъ бы реакціонерами рабочихъ, занятыхъ въ «мастерской», поощряемой Бухеромъ.

Въ томъ, что у Маркса отсутствуетъ глубоко обдуманная критика коопераціи, виноваты два обстоятельства. Во-первыхъ, когда онъ писалъ, не было еще налицо достаточно опытовъ надъ различными формами коопераціи, чтобы на основаніи ихъ можно было бы формулировать опредѣленное сужденіе. Что же касается мѣновыхъ базаровъ, принадлежавшихъ болѣе раннему періоду, то опытъ ихъ оказался совершенно неудачнымъ. Во-вторыхъ, Марксъ вообще относился къ коопераціямъ не съ теоретическимъ безпристрастіемъ, которое позволяло бы его теоретической проницательности видѣть дальше, чѣмъ среднему соціалисту, который могъ бы удовлетвориться такими признаками, какъ рабочія или мелко-ремесленныя коопераціи. Здѣсь его великой силѣ анализа мѣшала выработанная уже доктрина или, если можно такъ выразиться, формула экспропріаціи. Кооперація была ему симпатична лишь въ той формѣ, въ которой она представляла полнѣйшую противоположность капиталистическому предпріятію. Отсюда его совѣтъ рабочимъ обращаться къ производительнымъ товариществамъ, такъ какъ они «поражаютъ въ корень» существующую экономическую систему. Это совершенно въ духѣ діалектики и вполнѣ соотвѣтствуетъ общественной теоріи, видящей въ производствѣ факторъ, окончательно опредѣляющій ту или другую общественную форму. Столь же соотвѣтствуетъ это отношеніе тому взгляду, который въ антагонизмѣ между уже обобществленнымъ трудомъ и частнымъ присвоеніемъ видитъ основное противорѣчіе, ищущее разрѣшенія въ современномъ производствѣ. Производительное товарищество является практическимъ разрѣшеніемъ этого противорѣчія въ рамкахъ отдѣльнаго предпріятія. Въ этомъ смыслѣ Марксъ говоритъ о ней,—т.-е. о такой коопераціи, гдѣ «рабочіе, какъ ассоціація, сами являются своимъ собственнымъ капиталистомъ» («Капиталъ», т. III, изд. 1896 г., стр. 360),—что если она даже по необходимости и воспроизводитъ всѣ недостатки современной системы, то все же въ ней антагонизмъ между капиталомъ и трудомъ уничтожается «положительно» и она такимъ образомъ доказываетъ ненужность капиталистическаго предпринимателя. Но съ тѣхъ поръ опытъ показалъ, что именно такимъ образомъ организованное промышленное товарищество представляетъ изъ себя наиболѣе неудачную форму общественнаго труда, и что Прудонъ былъ вполнѣ правъ, возражая относительно его Луи Блану словами, что ассоціація «не есть экономическая сила» [1]).

[1]) Если Прудонъ выступалъ то рѣшительнымъ противникомъ, то защитникомъ ассоціаціи, то это противорѣчіе объясняется

Соціалдемократическая критика искала до сихъ поръ причины экономической неудачи чисто производительныхъ товариществъ въ недостаткѣ у нихъ капитала, кредита и сбыта, и объясняла упадокъ не изъ-за экономическихъ причинъ погибшихъ товариществъ развращающимъ вліяніемъ окружающаго ихъ капиталистическаго или индивидуалистическаго міра. Съ перваго взгляда это такъ; но этимъ вопросъ не исчерпывается. О цѣломъ рядѣ коопераций, потерпѣвшихъ неудачу изъ-за финансовыхъ причинъ, точно извѣстно, что онѣ и располагали въ достаточномъ количествѣ средствами производства, и не встрѣчали большихъ затрудненій для сбыта, чѣмъ средній предприниматель. Если производительное товарищество такого рода дѣйствительно было бы предпріятіемъ, превосходящимъ капиталистическія или одинаковой по крайней мѣрѣ съ ними силы, то оно, все-таки, могло бы существовать въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ и процвѣтать, какъ многія частныя предпріятія, начатыя съ самыми скромными средствами, и не поддавалось бы такимъ жалкимъ образомъ нравственному вліянію окружающаго капиталистическаго міра, что съ нимъ, однако, постоянно случается. Исторія производительныхъ товариществъ, распавшихся не по финансовымъ причинамъ, еще громче

тѣмъ, что каждый разъ онъ имѣлъ въ виду совсѣмъ разныя ея формы. Онъ отрицалъ въ монополистической ассоціаціи то, что признавалъ въ мутуалистической, т.-е. въ ассоціаціи, входящей въ систему взаимности. Его критика скорѣе интуитивна (непосредственна), чѣмъ научна, и полна преувеличеній.

говоритъ противъ этой формы «республиканской фабрики», чѣмъ исторія обанкротившихся. Исторія первыхъ товариществъ показываетъ, что дальнѣйшее развитіе для нихъ немыслимо безъ исключительности и привилегій. Далекія отъ того, чтобы разрушать основаніе современной экономической системы, эти товарищества скорѣе доставляли только доказательство относительной прочности этой системы.

Потребительное же общество, на которое социалисты 60-хъ годовъ смотрѣли съ такимъ пренебреженіемъ, доказало съ теченіемъ времени, что оно дѣйствительно экономическая сила, продуктивный и въ высшей степени способный къ развитію организмъ. Къ жалкимъ цифрамъ, даваемымъ статистикой о чисто производительныхъ товариществахъ, числа рабочихъ потребительныхъ коопераций относятся, какъ хозяйство міровой державы къ хозяйству провинціальнаго городишки. Мастерскія, устроенныя потребительными обществами и руководимыя ими, производятъ во сто разъ больше имуществъ, чѣмъ устроенныя чистыми или почти чистыми производительными ассоціаціями [1]).

[1]) Численныя данныя относительно послѣдняго рода производительныхъ товариществъ въ высшей степени трудно получить, такъ какъ государственная статистика кооперативнаго производства не дѣлаетъ различія между ними и гораздо болѣе многочисленными и болѣе крупными акціонерными обществами, состоящими изъ рабочихъ. По даннымъ британскаго торговаго бюро въ 1897 г. цѣнность годичнаго производства товариществъ, представившихъ бюро отчеты, составляла въ маркахъ

Потребительныя товарищества въ собственныхъ мастерскихъ. 122.014.600

Болѣе глубокія причины какъ экономическаго, такъ и нравственнаго неуспѣха чисто - производительныхъ коопераціи прекрасно изложены г-жей Беатрисой Веббъ (еще подъ ея дѣвичьей фамиліей—Поттеръ) въ ея прекрасной работѣ о британскихъ товариществахъ—хотя и не свободной отъ нѣкоторыхъ преувеличеній. Для г-жи Веббъ, какъ и для значительнаго большинства англійскихъ сторонниковъ товариществъ, товарищество, руководимое самими занятыми въ немъ рабочими, не является соціалистическимъ или демократическимъ, а «индивидуалистическимъ»? Можно находить это слово неудачнымъ, но за нимъ скрыта вѣрная мысль. Подобныя ассоціаціи дѣйствительно не соціалистическія, какъ это выяснилъ уже Родбертусъ. Именно тамъ, гдѣ исключительно рабочіе являются соб-

Мукомольныя товарищества	25.288.040
Ирландскія молочныя фермы.	7.164.940
Рабочія коопераціи для производства. . . .	32.518.800

У мукомольныхъ товариществъ, числомъ 9, было 6.373 члена: они въ 1895—96 году (соотвѣтствующихъ данныхъ для 1897 г. у меня еще нѣтъ) давали занятіе 404 лицамъ. Ирландскія молочныя фермы и рабочія коопераціи для производства, всего 214 обществъ, насчитывали 32.133 акціонера и давали въ 1895—96 году работу 7.635 лицамъ. Мы примемъ высокое отношеніе, если предположимъ, что едва двадцатая часть рабочихъ товариществъ можетъ быть названа такими, т.-е. гдѣ занятые рабочіе, какъ ассоціація, являются своими собственными капиталистами.

Зарегистрованныя же британскія рабочія потребительныя общества имѣли въ 1897 году:

Членовъ		1.468.955
Капитала	марокъ	408.174.860
Сбыта		1.132.649.000
Прибыли		128.048.560

ственниками предпріятія, тамъ организація товарищества заключаетъ въ себѣ яркое противорѣчіе. Въ мастерской она предполагаетъ равенство, полную демократію, республику. Но лишь дѣло достигаетъ извѣстныхъ размѣровъ, относительно иногда еще весьма скромныхъ,—какъ равенство исчезаетъ, такъ какъ неизбѣжными дѣлаются дифференціація функцій, а вмѣстѣ съ нею необходимость подчиненія. А разъ исчезло равенство, то рушится краеугольный камень зданія и за нимъ понемногу валятся и другіе камни; наступаетъ разложеніе и преобразованіе въ обыкновенное предпріятіе. Если же удерживается равенство, то убивается возможность дальнѣйшаго развитія и дѣло остается въ малыхъ размѣрахъ. Это — альтернатива, представляющаяся всѣмъ чисто-производительнымъ обществамъ; они всѣ либо погибаютъ, либо мельчаютъ въ этомъ конфликтѣ. Далеко отъ того, чтобы быть соотвѣтствующей крупному производству формой удаленія капиталистовъ изъ производства, они являются скорѣе возвращеніемъ къ докапиталистическому производству. Это бываетъ такъ часто, что въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда они имѣли относительный успѣхъ, производительныя товарищества опускались до ремесленныхъ производствъ; большинство этихъ товариществъ приходится не на Англію, гдѣ среди рабочихъ царитъ духъ крупнаго производства, но на «мелкобуржуазную» Францію. Психологи любятъ изображать Англію страной, гдѣ народъ ищетъ равенства въ свободѣ, Францію же—страной, гдѣ свободу ищутъ въ равенствѣ. Дѣйствительно, въ исторіи французскихъ производительныхъ товариществъ есть не-

мало страницъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ съ трогательной преданностью приносились величайшія жертвы для сохраненія формальнаго равенства. Но исторія не указываетъ ни на одно чисто производительное товарищество, принадлежащее къ современному крупному производству, хотя послѣднее довольно все-таки распространено во Франціи.

Дальнѣйшее развитіе изслѣдованій г-жи Поттеръ-Веббъ составляетъ заслугу д-ра Ф. Оппенгеймера, автора книги «Die Siedlungsgenossenschaft». Въ первыхъ главахъ онъ въ очень наглядной сводкѣ даетъ анализъ различныхъ формъ ассоціаціи, который въ отдѣльныхъ мѣстахъ едва ли можетъ быть превзойденъ по критической остротѣ. Оппенгеймеръ вводитъ въ классификацію ассоціацій принципіальное различіе между ассоціаціями покупающими и продающими; значеніе этого различія онъ, по нашему мнѣнію, нѣсколько преувеличиваетъ въ отдѣльныхъ пунктахъ; но въ общемъ оно можетъ быть названо очень плодотворнымъ и на его основаніи впервые становится возможнымъ настоящее научное объясненіе какъ финансоваго, такъ и нравственнаго неуспѣха чисто-производительныхъ коопераций—объясненіе, при которомъ личная задолженность, недостатокъ капитала и т. д. совершенно отступаютъ на второй планъ, какъ случайности, объясняющія лишь отдѣльные случаи, а не общее правило. Только по мѣрѣ того, какъ ассоціація по существу становится покупательной, только по этой мѣрѣ общая ея цѣль и собственный ея интересъ дѣлаютъ одинаково желательнымъ и ея расширеніе. Но чѣмъ больше ассоціація становится продающей

и чѣмъ больше она продаетъ продуктовъ собственнаго изготовленія (въ крестьянскихъ товариществахъ дѣло нѣсколько измѣняется), тѣмъ рѣзче становится ея внутреннее противорѣчіе. Съ ея ростомъ будутъ расти и трудности. Рискъ будетъ становиться все больше, борьба за сбытъ все труднѣе, точно такъ же какъ и полученіе кредита, какъ и борьба за норму прибыли, т.-е. за участіе отдѣльныхъ лицъ въ общей массѣ прибыли. Потому она все больше будетъ нуждаться въ исключительныхъ условіяхъ. Ея стремленіе къ прибыли противоположно стремленіямъ не только покупателей, но и всѣхъ прочихъ продавцовъ. Покупательное товарищество, напротивъ того, принципіально выигрываетъ съ ростомъ; его стремленіе къ прибыли, если и противоположно интересамъ продавцовъ, вполнѣ совпадаетъ съ интересами всѣхъ прочихъ покупателей: оно стремится къ пониженію нормы прибыли, къ удешевленію продуктовъ,—стремленіе, свойственное въ равной мѣрѣ и обществу, и покупателямъ.

Изъ такого различія экономической сущности обоихъ видовъ товарищества возникаетъ выясненное г-жей Поттеръ-Веббъ различіе въ ихъ управленіи: существенно-демократическій характеръ всѣхъ настоящихъ покупающихъ товариществъ и склоняющійся къ олигархіи характеръ всѣхъ чисто-продающихъ. Здѣсь нужно замѣтить, что потребительное товарищество, распредѣляющее дивидендъ лишь между ограниченнымъ числомъ акціонеровъ, Оппенгеймеромъ послѣдовательно причисляется къ продающимъ товариществамъ. Только то потребительное общество будетъ настоящимъ покупающимъ,

которое всѣмъ покупателямъ даетъ равное участіе въ прибыляхъ [1]).

Раздѣленіе ассоціацій на покупающія и продающія цѣнно для теоріи кооперации именно въ виду его связи съ новѣйшими экономическими ученіями. Кто находитъ невѣрными выраженія «купля» и «продажа», какъ слишкомъ спеціально приноровленныя къ капиталистическому товарному производству, можетъ замѣнить ихъ понятіями: доставленіе и отчужденіе; тогда онъ только тѣмъ яснѣе признаетъ, насколько бòльшее значеніе имѣетъ для общества первое, чѣмъ второе. Полученіе матеріальныхъ благъ есть основной, общій интересъ. Относительно его всѣ его участники—въ принципѣ товарищи. Всѣ потребляютъ, но не всѣ производятъ. Даже лучшая производительная ассоціація, покуда она только продаетъ, будетъ всегда стоять въ скрытомъ противорѣчіи къ обществу и имѣть относительно его особые интересы. Съ производительной ассоціаціей, занимающейся какой-нибудь отраслью производства или общественной службой, общество имѣло бы такіе же пункты столкновенія интересовъ, какъ и съ капиталистическимъ предпріятіемъ; совершенно зависитъ отъ обстоятельствъ, легче ли было бы вступить въ соглашеніе съ такой ассоціаціей.

[1]) Оппенгеймеръ уже потому считаетъ лучшимъ раздѣленіе на «покупающія» и «продающія» товарищества, чѣмъ всякое до сихъ поръ существовавшее на производительныя и распредѣлительныя ассоціаціи,—что послѣднее названіе коренится въ невѣрномъ опредѣленіи понятія. Совершенно неправильно называть вывозъ предмета на рынокъ, т.-е. къ покупателямъ, непроизводительнымъ актомъ; это такое же «producere» (производство), какъ и изготовленіе одного предмета (фабриката) изъ другого (изъ сырого матеріала). Распредѣленіе же просто означаетъ раздѣленіе и употребленіе этого слова и для обозначенія другихъ функцій служитъ причиной самаго грубаго смѣшенія понятій.

Мы такъ же смотримъ на этотъ вопросъ; мы можемъ только рекомендовать употребленіе различныхъ выраженій для обозначенія такихъ различныхъ функцій, какъ передача и распредѣленіе. Но соединеніе функцій приготовленія и доставки въ одно и то же понятіе «производство» вызываетъ, со своей стороны, только новое смѣшеніе. То, что на практикѣ встрѣчаются случаи, когда ихъ трудно выдѣлить одно изъ другого или различить, еще не служитъ основаніемъ не раздѣлять понятій. Переходы существуютъ вездѣ. Бороться же съ тенденціей, у многихъ скрываемой за этимъ раздѣленіемъ считать производительнымъ только созидающій трудъ, можно и другимъ способомъ.

Вернемся, однако, къ нашей исходной точкѣ, приведшей насъ къ отступленію въ область теоріи кооперацій. Оказалось, что предположеніе, будто современная фабрика сама создаетъ предрасположеніе къ кооперативному труду, должно быть признано совершенно ошибочнымъ. Можно взять какую угодно исторію кооперации, и мы вездѣ найдемъ, что самоуправляющаяся кооперативная фабрика представляется неразрѣшимой проблемой и что она, хотя все остальное шло бы сносно, терпѣла неудачу изъ-за недостатка дисциплины. Здѣсь возникаетъ то же затрудненіе, какъ съ республикой и съ современнымъ централизованнымъ государствомъ. Чѣмъ обширнѣе государство, тѣмъ труднѣе задача республиканскаго управленія. Точно также и въ мастерской—республика тѣмъ болѣе трудная задача, чѣмъ крупнѣе предпріятіе. Въ случаяхъ чрезвычайныхъ люди сами смогутъ назначать себѣ непосредственныхъ руководителей и будутъ имѣть право

лишать ихъ должностей. Но съ задачами, связанными съ веденіемъ фабричнаго предпріятія, гдѣ изо дня въ день, изъ часа въ часъ приходится заниматься прозаическими дѣлами и гдѣ всегда можетъ представиться поводъ для столкновеній, тамъ дѣло не такъ просто, чтобы руководитель избирался тѣми, кѣмъ онъ руководитъ, и зависѣлъ въ своемъ положеніи отъ ихъ расположенія духа. Такой порядокъ все въ концѣ концовъ признавался несостоятельнымъ и приводилъ къ измѣненію формъ кооперативной фабрики. Другими словами—если техническое развитіе фабрики доставило тѣла для коллективнаго производства, то во всякомъ случаѣ оно не приблизило въ одинаковой степени души къ обобществленному производству. Стремленіе къ переходу предпріятій въ кооперативныя, съ соотвѣтственной отвѣтственностью и рискомъ, обратно пропорціонально ихъ размѣрамъ. Съ ихъ увеличеніемъ, затрудненія растутъ въ повышающейся пропорціи.

Представимъ себѣ дѣло конкретно и возьмемъ какое-нибудь большое современное промышленное предпріятіе,—хотя бы большой машиностроительный заводъ, электрическую мастерскую, большую химическую фабрику или сложное современное издательское дѣло. Всѣ эти и подобныя промышленныя предпріятія могутъ очень хорошо работать на товарищества, къ составу которыхъ могутъ принадлежать всѣ ихъ служащіе. Но они абсолютно не приспособлены для кооперативнаго производства самихъ служащихъ. Не было бы конца столкновеніямъ между различными отдѣленіями и различно поставленными категоріями служащихъ. Тогда

танетъ очевиднымъ то, что отрицаетъ Куновъ,—что чувство солидарности между различными, отличающимися по степени развитія, образу жизни и т. д. группами служащихъ весьма незначительно. То, что обыкновенно понимаютъ подъ кооперативнымъ трудомъ, есть лишь невѣрное перенесеніе очень простыхъ формъ общаго труда, производимаго группами (артелями и т. д.) недифференцированныхъ рабочихъ и являющагося въ сущности лишь сдѣльной работой, исполняемой группами рабочихъ [1]).

Только при поверхностномъ отношеніи къ вопросу можно утверждать, что удаленіе капиталистическаго или капиталистическихъ собственниковъ является самымъ важнымъ актомъ въ дѣлѣ преобразованія капиталистическихъ предпріятій въ жизнеспособныя учрежденія будущаго строя. Въ дѣйствительности, дѣло обстоитъ не такъ просто. Эти предпріятія—очень сложные организмы, и удаленіе изъ нихъ того центра, который является средоточіемъ отдѣльныхъ органовъ, если бы оно не сопровождалось полнымъ преобразованіемъ всей организаціи,—было бы равносильно для нихъ близкому распаденію.

Тѣ функціи, которыя общество—въ лицѣ государства или общины—не можетъ само взять въ свои руки, въ бурное время успѣшнѣе всего оста-

[1]) «Дѣло было нелегкое. Такіе люди, какъ рабочіе съ бумагопрядиленъ, не легко обращаются въ однородную массу,—а такое обращеніе есть основное условіе успѣшнаго веденія товарищества». (Очеркъ исторіи Бёрнлейскаго товарищества самопомощи въ «Cooperative Workshops in Great-Britain», стр. 20).

вить въ завѣдываніи самихъ предпріятій. Наиболѣе съ виду радикальный образъ дѣйствія очень скоро оказался бы наиболѣе нецѣлесообразнымъ. Жизнеспособныхъ товариществъ не надѣлать, не учредить по командѣ—они должны развиваться сами. Они и выростутъ тамъ, гдѣ почва для нихъ подготовлена.

Британскія коопераціи уже обладаютъ въ настоящее время капиталомъ въ 100 милліоновъ талеровъ и болѣе (данныя о нихъ см. выше), а эту сумму Лассаль считалъ достаточной, какъ государственный кредитъ для осуществленія своего плана ассоціацій. Сравнительно съ британскимъ національнымъ состояніемъ, это все еще маленькая частица, равная, быть можетъ, если вычесть помѣщенный за границей и вдвойнѣ сосчитанный капиталы,—$\frac{1}{400}$ національнаго капитала. Но этимъ далеко еще не исчерпывается сила капитала, находящагося въ распоряженіи британскихъ рабочихъ. Онъ, кромѣ того, постоянно растетъ. Въ десятилѣтіе отъ 1887 по 1897 г. этотъ капиталъ почти удвоился; онъ растетъ быстрѣе, чѣмъ число членовъ союзовъ. Число членовъ увеличилось съ 851.211 до 1.468.955, а капиталъ съ 11,5 милліона ф. ст. до 20,4. Еще сильнѣе увеличивается въ настоящее время производство коопераций. Въ 1894 г. оно равнялось всего 99 мил. марокъ, въ 1897 году это число уже почти удвоилось, достигнувъ 187 милліоновъ. Почти $^2/_3$ этой суммы приходится на собственное производство покупательныхъ товариществъ, между тѣмъ какъ послѣдняя треть распредѣляется на всѣ остальныя, изъ которыхъ бо̀льшая часть представляетъ

изъ себя только измѣненныя покупательныя товарищества или производителей на нихъ. Собственное производство потребительныхъ или покупательныхъ товариществъ въ три года болѣе, чѣмъ удвоилось; оно возрасло съ 52 до 122 милліоновъ.

Эти данныя настолько удивительны, что при видѣ ихъ невольно спрашиваешь себя: гдѣ же предѣлъ этого роста? Энтузіасты кооперативнаго движенія высчитали, что, если бы британскія товарищества копили прибыль вмѣсто того, чтобъ ее выплачивать, они были бы въ состояніи по прошествіи приблизительно 20 лѣтъ купить всю страну со всѣми домами и фабриками. Этотъ расчетъ, положимъ, напоминаетъ знаменитое исчисленіе процентовъ на 1 пфеннигъ, отложенный въ первомъ году отъ Р. Х. При этомъ забываютъ, что существуетъ нѣчто, называемое земельной рентой, и допускаютъ такую прогрессію роста, которая физически невозможна. Забываютъ, что почти невозможно или лишь въ незначительной степени возможно привлеченіе самыхъ бѣдныхъ классовъ къ участію въ потребительныхъ товариществахъ. Забываютъ, что въ сельскихъ мѣстностяхъ потребительнымъ товариществамъ отведена лишь очень условная возможность дѣйствія, что хотя они и могутъ уменьшать издержки на посредническую торговлю, но они все-таки не въ состояніи ея вытѣснить, такъ что частнымъ предпринимателямъ всегда представится возможность приспособляться къ измѣнившимся условіямъ; что поэтому замедленіе роста товариществъ, начиная съ извѣстнаго момента, есть почти математическая необходимость. Главное же, что забы-

ваютъ или оставляютъ безъ вниманія, есть то, что безъ выплачиванія дивидендовъ потребительное товарищество задержалось бы въ своемъ развитіи что для широкихъ классовъ населенія именно дивидендъ—эта столь непріятная для кооперативныхъ доктринеровъ сторона дѣла—и составляетъ главную приманку потребительныхъ товариществъ. Если и преувеличиваютъ, утверждая, что дивиденды потребительныхъ товариществъ вовсе не мѣрило дешевизны ихъ товаровъ, что частная торговля продаетъ большинство товаровъ въ среднемъ такъ же дешево, какъ потребительное товарищество, и что дивиденды представляютъ изъ себя лишь суммированіе небольшихъ незамѣтныхъ надбавокъ на извѣстные предметы, то все же это замѣчаніе не вполнѣ лишено силы. Рабочія потребительныя товарищества—своего рода сберегательныя кассы и служатъ средствомъ для борьбы рабочаго класса съ эксплуатаціей, порождаемой паразитной посреднической торговлей [1]). Но такъ какъ у многихъ людей стремленіе къ сбереженіямъ не очень интенсивно, то они охотнѣе пользуются удобствами закупокъ въ ближайшей лавочкѣ, чѣмъ изъ-за дивидендовъ подвергаться какимъ-либо стѣсне-

[1]) Слово: паразитная относится, конечно, только къ торговлѣ, но не къ лицамъ, ее ведущимъ. Если бы захотѣли перенести этотъ эпитетъ на лицъ, то паразитами пришлось бы назвать очень многихъ такъ называемыхъ «производительныхъ» рабочихъ, такъ какъ то, что они производятъ, безполезно и лишне для общества.

Посредническая торговля паразитна главнымъ образомъ потому, что увеличеніе числа посредниковъ, начиная съ извѣстнаго предѣла, имѣетъ своимъ послѣдствіемъ не удешевленіе товаровъ вслѣдствіе усиленія конкурренціи, а ихъ вздорожаніе.

ніямъ. Это, между прочимъ, одинъ изъ факторовъ, препятствовавшихъ и препятствующихъ именно въ Англіи распространенію потребительныхъ товариществъ. Англійскій рабочій далеко не склоненъ откладывать деньги. Очень заблуждаются тѣ, кто утверждаетъ, будто Англія представляетъ особенно благопріятную почву для потребительныхъ товариществъ. Совсѣмъ наоборотъ. Привычки рабочаго класса, большое пространственное протяженіе городовъ, ведущее за собой систему коттэджей, вполнѣ сглаживаютъ въ этомъ отношеніи выгоды болѣе высокой заработной платы; тѣ результаты въ потребительномъ дѣлѣ, которые здѣсь были достигнуты, являются, прежде всего, плодомъ упорной неустрашимой организаціонной работы.

И это—дѣло, стоившее и стоящее труда. Если потребительныя товарищества даже не сдѣлаютъ ничего бо̀льшаго, какъ только путемъ пониженія нормы прибыли въ посреднической торговлѣ постепенно сами подъ собой поколебнутъ почву—и то они исполнятъ чрезвычайно полезную для народнаго хозяйства работу. И нѣтъ никакихъ сомнѣній, что они именно такъ дѣйствуютъ. Въ этихъ товариществахъ заключается средство, съ помощью котораго рабочій классъ, непосредственно не уничтожая существованій, не прибѣгая къ насилію,—а это пріемъ, какъ мы уже видѣли, вовсе не такой простой,—беретъ себѣ значительную часть общественнаго богатства, которая иначе получила бы иное назначеніе.

Статистика ассоціацій говоритъ намъ о слѣдующихъ итогахъ. На капиталъ въ 367 милліоновъ ма-

рокъ и на торговый оборотъ въ 803 милліона марокъ 1483 англійскихъ рабочихъ потребительныхъ товарищества получили въ 1897 г. 123 милліона марокъ прибыли. [1]) Значитъ, прибыль на проданные товары равна $15^1/_4{}^0/_0$, а на затраченный капиталъ—$33^1/_2{}^0/_0$. Таково же было положеніе дѣлъ и въ хлѣбопекарныхъ товариществахъ, являющихся, въ сущности, тѣми же потребительными обществами. [2]) Они получаютъ на основной капиталъ въ 5 милліоновъ марокъ и на оборотный въ $8^1/_2$ мил. 1,2 милліона марокъ прибыли, т.-е. $14^0/_0$ на оборотный и $24^0/_0$ на основной капиталъ. Мукомольныя товарищества, о которыхъ можно сказать то же, что и о пекарняхъ, получаютъ въ среднемъ $14^0/_0$ прибыли на капиталъ.

Гораздо скромнѣе средняя прибыль производительныхъ товариществъ, не производящихъ жизненныхъ припасовъ. Здѣсь 120 товариществъ съ общимъ основнымъ капиталомъ въ $14^1/_2$ милліоновъ и 24 мил. оборотнаго капитала получаютъ 770.000 марокъ прибыли, т.-е. $3^1/_4{}^0/_0$ на оборотный и $5^0/_0$ на основной капиталъ.

Если эти числа считать типичными относительно нормы прибыли въ промышленности и торговлѣ, то положеніе, что рабочій эксплуатируется въ качествѣ производителя, а не въ качествѣ потребителя, должно быть признано условно вѣрнымъ. И дѣйствительно, въ немъ высказывается лишь условная истина. Это видно уже изъ того, что теорія цѣнности, на которую опирается это положеніе, совершенно абстрагирована отъ розничной торговли. То же положеніе предполагаетъ неограниченную свободу торговли товаромъ, носящимъ названіе «рабочая сила», такъ что всякое удешевленіе издержекъ ея производства (т.-е. жизненныхъ средствъ рабочихъ и т. д.) ведетъ за собой и пониженіе цѣны этой рабочей силы—т.-е. заработной платы; между тѣмъ, въ настоящее время для бо́льшей части рабочихъ высказанное положеніе испытало значительныя ограниченія благодаря охранѣ рабочихъ союзовъ, охранѣ государства и власти общественнаго мнѣнія. Въ третьихъ, это положеніе предполагаетъ, что рабочій не можетъ оказывать воздѣйствія на тѣхъ участниковъ въ прибавочномъ продуктѣ, съ которыми долженъ дѣлиться предприниматель, т.-е. прежде всего на землевладѣльцевъ. Такое положеніе дѣла медленно начинаетъ измѣняться. Пока рабочіе неорганизованы и неполноправны, такіе вопросы, какъ обложеніе цѣнности земли, являются скорѣе вопросами столкновеній имущихъ между собой, чѣмъ такими, въ которыхъ заинтересованы рабочіе [1]). Чѣмъ болѣе обнаруживается невѣрность этого предположенія, тѣмъ болѣе укрѣпляется сознаніе, что пониженіе земельной ренты ведетъ къ повышенію

[1]) Мы не говоримъ здѣсь объ обоихъ товариществахъ для оптовыхъ закупокъ, продающихъ свои товары потребительнымъ обществамъ съ очень умѣренной прибавкой.

[2]) Ихъ акціонерами состояли 230 союзовъ и 7.778 отдѣльныхъ лицъ; занято же въ нихъ было всего 1.196 лицъ, а это все черты потребительнаго общества. Булочныя, устроенныя общими потребительными товариществами въ видѣ особыхъ производствъ, сюда не вошли.

[1]) Я поставилъ слово «скорѣе» потому, что въ концѣ концовъ дѣло и теперь не лишено матеріальнаго интереса для рабочихъ.

не прибыли на капиталъ, а минимума благосостоянія. Наоборотъ, безпрепятственное существованіе и прогрессивное развитіе земельной ренты дѣлали бы въ дальнѣйшемъ все болѣе призрачными большинство тѣхъ выгодъ, которыя представляютъ союзы, кооперацiи и т. д. относительно повышенія условій жизни рабочихъ.

Все это между прочимъ. Мы можемъ считать установленнымъ, что потребительныя товарищества уже проявили себя какъ значительную экономическую силу и если другія страны стоятъ еще въ этомъ отношеніи позади Англіи, то все же въ Германіи, Франціи, Бельгіи и т. д. они крѣпнутъ и растутъ вширь. Я не буду приводить цифръ, такъ какъ это фактъ общеизвѣстный, а цифры въ концѣ концовъ только утомляютъ. Конечно, законныя придирки могутъ помѣшать распространенію потребительныхъ товариществъ и полному расцвѣту ихъ внутренней силы, и самъ ихъ ростъ зависитъ отъ извѣстной высоты экономическаго развитія; но для насъ прежде всего важно показать, что товарищества вообще могутъ осуществлять. И если это не необходимо и невозможно, чтобы товарищество, такое, какимъ мы его теперь знаемъ, могло когда-нибудь охватить всю область производства и распредѣленія продуктовъ, если все болѣе расширяющіяся функціи общественной службы въ государствѣ и въ общинѣ ставятъ ему съ другой стороны предѣлъ, то, въ общемъ, товариществу все же открыто еще такое широкое поле дѣятельности, что многаго можно ожидать отъ него, не впадая въ упомянутыя выше кооперативныя утопіи. Если менѣе, чѣмъ въ 15 лѣтъ,

изъ движенія, начатаго рочдэльскими ткачами съ 28 фунт. стерл., развилось движеніе, располагающее теперь капиталомъ болѣе, чѣмъ въ 20 мил. фунтовъ стерл.,—то, дѣйствительно, требовалось извѣстное мужество, чтобъ съ увѣренностью предсказать, насколько мы близки къ тому времени, когда этотъ ростъ достигнетъ своего предѣла и какія формы движенія таятся еще въ глубинѣ временъ.

Многимъ соціалистамъ потребительное товарищество мало симпатично, потому что оно слишкомъ «буржуазно». Тамъ есть служащіе на жалованіи, рабочіе, получающіе заработную плату, тамъ добываютъ прибыль, выплачиваютъ проценты и спорятъ о высотѣ дивиденда. Конечно, если судить по формѣ, народная школа, напр., гораздо болѣе вѣрное средство прогресса, чѣмъ потребительное товарищество. Но развитіе общественной службы имѣетъ свои границы и требуетъ времени, а между тѣмъ потребительное товарищество именно потому наиболѣе доступная для рабочаго класса форма организаціи, что оно такъ «буржуазно». Если является утопіей мечтать о томъ, чтобы общество могло однимъ прыжкомъ перейти къ организаціи, діаметрально-противоположной современной,—то столь же утопично желать начать съ наиболѣе трудной формы кооперацiи.

Я вспоминаю, съ какимъ чувствомъ теоретическаго сожалѣнія я въ 1881 г. слушалъ моего друга Луи Бертрано изъ Брюсселя, когда онъ на конгрессѣ въ Хурѣ (Chur) началъ говорить о кооперацiяхъ. Какъ могъ такой разумный человѣкъ еще ожидать чего-нибудь отъ такого средства! Когда же я въ 1883 году ознакомился съ обществомъ «Vooruit»

въ Гентѣ, то устройство пекарни меня все-таки навело на размышленія, и меня не удивляло болѣе, что рядомъ съ нею продавали бѣлье, обувь и т. п. Когда же руководители «Vooruit'а» говорили мнѣ о своихъ дальнѣйшихъ планахъ, я опять думалъ: «Эхъ, разоритесь вы, бѣдняжки!» Но они не разорились и спокойно работали, держась линіи слабѣйшаго сопротивленія, и выработали наиболѣе подходящую для ихъ страны форму товарищества, имѣющую очень крупное значеніе для бельгійскаго рабочаго движенія и образовавшую то крѣпкое ядро, вокругъ котораго могли кристаллизироваться до того времени разрозненные элементы этого движенія.

Все зависитъ отъ того, какъ взяться за дѣло, разъ хочешь его дѣйствительнаго развитія.

Короче говоря, кооперативное производство осуществится, хотя, вѣроятно, и не въ тѣхъ формахъ, какъ это думали первые теоретики кооперативнаго дѣла. Впрочемъ, это все еще труднѣйшая форма осуществленія идеи коопераціи. Уже было упомянуто, что англійскія товарищества располагаютъ болѣе, чѣмъ 100.000.000 талеровъ, которые Лассаль считалъ необходимыми для своего плана ассоціацій. Если бы все дѣло было только за деньгами, то товарищества располагали бы теперь еще бо́льшими денежными средствами. Вольныя кассы вспомоществованія и рабочіе союзы не знаютъ, куда помѣстить имѣющіеся фонды. (Послѣдніе требуютъ теперь отъ правительства разрѣшенія помѣстить свои капиталы въ сберегательныя кассы, гдѣ они будутъ получать бо́льшій процентъ, чѣмъ тотъ, который

государство выплачиваетъ капиталистамъ). Но дѣло вовсе или не только въ деньгахъ. Вопросъ также и не въ учрежденіи новыхъ фабрикъ на существующемъ рынкѣ. Въ случаяхъ купить за настоящую цѣну хорошо поставленныя фабрики не было недостатка. Вопросъ въ значительной степени въ организаціи и руководствѣ, и именно въ нихъ-то ощущается недостатокъ.

«Въ капиталѣ ли мы, главнымъ образомъ, нуждаемся», читаемъ мы въ статьѣ изъ «Cooperative News», центральномъ органѣ англійскихъ коопераціи; авторъ отвѣчаетъ на вопросъ рѣшительнымъ «нѣтъ». «Какъ кажется, мы располагаемъ въ настоящее время болѣе, чѣмъ 10 мил. ф. стерл., которые только и ждутъ согласнаго съ нашими взглядами примѣненія; другіе 10 милл. быстро могли бы быть, безъ сомнѣнія, собраны, если бъ мы были въ состояніи съ пользой примѣнить ихъ въ нашемъ дѣлѣ. Поэтому не будемъ скрывать отъ самихъ себя факта— а это фактъ,—что въ настоящее время въ кооперативномъ движеніи чувствуется больше потребности въ интеллигенціи и способностяхъ, чѣмъ въ деньгахъ. Сколь многіе изъ насъ не покупали бы ничего, что произведено не чисто кооперативнымъ путемъ, и старались бы, если бы это было возможно, всю жизнь слѣдовать этому идеалу! Сколь многіе изъ насъ пытались потреблять лишь товары, изготовленные участниками коопераціи, не будучи, однако, ими вполнѣ удовлетворены!» («Cooperative News» 3-го дек. 1898).

Другими словами, одни финансовыя средства еще не разрѣшаютъ проблемы кооперативнаго труда.

Для успѣшности этого труда нужны, не говоря уже о другихъ условіяхъ, его собственная организація, нужны руководители, а это не создается вдругъ. И то, и другое должно быть найдено и испытано; поэтому болѣе, чѣмъ сомнительно, что въ моментъ, когда всѣ умы разгорячены, всѣ страсти напряжены, какъ во время революціи,—этотъ вопросъ, столь трудный и въ обыкновенное время, могъ бы получить удовлетворительное разрѣшеніе. По здравому людскому смыслу, долженъ имѣть мѣсто именно противоположный случай.

Какъ видно по отчетамъ и дебатамъ общихъ собраній англійскаго крупнаго общества для закупокъ, его производительнымъ мастерскимъ, хотя и основаннымъ съ достаточными средствами и достаточно располагающими возможностью сбыта, нужно было очень много времени, чтобы быть въ состояніи конкуррировать съ частной промышленностью.

Растущія данныя собственнаго производства показываютъ намъ, что проблема можетъ получить разрѣшеніе. Отдѣльныя производительныя товарищества разрѣшаютъ ее на свой ладъ. Низкая норма прибыли, которую мы приводили относительно ихъ, относится не ко всѣмъ товариществамъ. Просматривая списки, мы замѣтимъ, что, за немногими исключеніями, лучше всего дѣла шли у тѣхъ производительныхъ коопераций, которыя, получая денежную поддержку отъ трэдъ-юніоновъ и потребительныхъ товариществъ, производятъ, имѣя въ виду не прибыль занятыхъ въ нихъ лицъ, а болѣе широкій кругъ лицъ, къ которому работающія у нихъ лица принадлежатъ или могли бы, если хотѣли бы, при-

надлежать; это, слѣдовательно, такая форма, которая очень приближается къ требованіямъ современнаго экономическаго ученія. Вотъ нѣкоторыя данныя, взятыя изъ отчета за 1897 г. у союза рабочихъ товариществъ. Онѣ относятся къ 1896 году:

Названіе союзовъ.	Число членовъ.	Число рабоч.	Акціон. капиталъ въ маркахъ.	Ссудн. капиталъ.	Прибыль.
Ткацкая молюскина въ Хебденъ-Бриджѣ.	797	294	528.340	129.420	96.580 = 14,7%
Заводъ облицовокъ для каминовъ, въ Дѣдлей	71	70	40.800	31.360	23.100 = 32%
Мастерская обуви въ Кеттерингѣ.	651	(210?)	97.800	75.720	40.020 = 23%
Портняжная въ Кеттерингѣ. . . .	487	(50?)	79.160	35.660	28.240 = 24,6%
Мастерская обуви въ Лестерѣ . .	1070	—	197.580	286.680	49.680 = 10¼%
Слесарное заведеніе въ Ульзалѣ .	87	190	52.280	48.260	22.080 = 9,24%
Трикотажная фабрика въ Лестерѣ .	660	(250?)	360.160	246.540	56.040 = 22%

Разумѣется, во всѣхъ этихъ фабрикахъ существуютъ заработная плата въ размѣрахъ, установленныхъ рабочими союзами, и нормальный рабочій день. Въ сапожной мастерской въ Кеттерингѣ введенъ 8-часовой рабочій день. Она все еще быстро развивается и строитъ теперь новый флигель къ своему фабричному зданію, отвѣчающему самымъ современнымъ требованіямъ. Объ участникахъ слѣдуетъ замѣтить, что почти вездѣ среди нихъ встрѣчается большое количество юридическихъ лицъ (потребительныя и профессіональныя товарище-

ства). Такъ на фабрикѣ молюскина въ Хебденъ-Бриджѣ было: 297 рабочихъ, составляющихъ персоналъ фабрики, обладающихъ долей капитала въ 147.960 марокъ, 200 внѣ стоящихъ отдѣльныхъ лицъ съ 140.640 марками и 300 союзовъ съ 208.300 марками. Ссудный капиталъ состоитъ бо̀льшей частью изъ долговъ, лежащихъ на членахъ, на которые они уплачиваютъ по 5°/o. Распредѣленіе прибыли основано на довольно различныхъ принципахъ. На нѣкоторыхъ фабрикахъ на акціонерный капиталъ выплачиваютъ незначительно бо̀льшую норму прибыли, чѣмъ на всю заработную плату, но сапожная мастерская въ Кеттерингѣ выплатила дивиденда за 1-ое полугодіе 1896 года акціонерамъ только 7½°/o, а рабочимъ—40°/o (на заработную плату). Такой же процентъ получили покупатели сообразно количеству купленнаго товара (это товарищество приближается, такимъ образомъ, къ потребительному) [1].

Подобное распредѣленіе встрѣчается и въ одной изъ мелкихъ кооперативныхъ сапожныхъ мастерскихъ въ Лестерѣ. Большинство производительныхъ товариществъ сбываютъ значительную часть своихъ товаровъ, если не всѣ, членамъ различныхъ товариществъ.

---

[1]) *Поясним цифрами. За первое полугодіе получили:*

Акціонеры (кромѣ процентовъ)	1.164 мар.
Покупатели	8.325 »
Рабочіе.	8.068 »
Руководящій комитетъ.	700 »
Фондъ для цѣлей воспитанія	525 »
Фондъ для оказанія помощи.	1.050 »

О другихъ формахъ кооперацiи (ссудныхъ и кредитныхъ кассахъ, товариществахъ для закупки сырыхъ матеріаловъ, магазинахъ, кооперативныхъ молочныхъ и т. п.) я не буду распространяться, такъ какъ онѣ не имѣютъ никакого значенія для рабочаго класса. Въ виду важности, которую имѣетъ вопросъ о мелкихъ крестьянахъ, также принадлежащихъ къ рабочему классу, хотя и не получающихъ заработной платы, и въ виду факта, что ремесло и мелкая промышленность еще играютъ значительную роль, хотя бы по числу занятыхъ въ нихъ лицъ, нужно указать на то развитіе, которое кооперація получила въ этихъ кругахъ. Выгода отъ общественной закупки сѣмянъ, общественнаго пользованія машинами и т. д., отъ общественной продажи продуктовъ, а также возможность пользоваться дешевымъ кредитомъ не могутъ, конечно, спасти уже разорившихся крестьянъ, но для тысячъ и тысячъ мелкихъ крестьянъ—это все средства, предохраняющія ихъ отъ разоренія. Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Независимо отъ цифръ, которыя намъ даетъ стасистика производствъ—въ пользу жизненности и доходности мелкаго крестьянскаго хозяйства, которое еще не непремѣнно должно быть карликовымъ, въ настоящее время имѣется очень много данныхъ. Слишкомъ, однако, скороспѣлымъ будетъ заключеніе, дѣлаемое многими, будто въ сельскомъ хозяйствѣ относительно выгодъ крупнаго и мелкаго производства существуетъ законъ, обратный тому, который наблюдается въ промышленности. Но мы не впадемъ въ преувеличеніе, если скажемъ, что разница между сельскимъ хозяйствомъ

и промышленностью очень значительна, и что въ то же время преимущества, имѣющіяся на сторонѣ сильнаго капиталомъ и хорошо устроеннаго хозяйства сравнительно съ мелкимъ—не такъ значительны, чтобъ ихъ нельзя было въ значительной степени наверстать путемъ широкаго использованія кооперативной формы. Пользованіе механической силой, созданіе кредита, лучшее обезпеченіе сбыта,—все это кооперація можетъ сдѣлать доступнымъ крестьянину, а въ то время его хозяйство легче переноситъ внезапныя испытанія, чѣмъ крупное хозяйство. Дѣло въ томъ, что значительная часть крестьянъ все еще не превратилась исключительно въ производителей товаровъ на рынокъ, а сама производитъ бо̀льшую часть жизненныхъ средствъ.

Коопераціи быстро распространяются во всѣхъ странахъ съ передовой культурой. Бельгія, Данія, Франція, Голландія и въ настоящее время Ирландія представляютъ ту же картину, что и бо̀льшая часть Германіи. Для соціалдемократіи гораздо важнѣе основательно изслѣдовать вопросъ о кооперативномъ движеніи въ деревнѣ и объ его значеніи для нея, вмѣсто того, чтобъ вылавливать изъ статистическихъ данныхъ доказательства для предвзятой теоріи разоренія мелкаго крестьянства. Статистика аукціонныхъ продажъ, ипотечной задолженности и т. д. можетъ въ этомъ отношеніи привести къ невѣрнымъ выводамъ. Несомнѣнно, что въ настоящее время собственность болѣе подвижна, чѣмъ когда бы то ни было, но эта неустойчивость не односторонняя. Убыль, причинявшаяся продажами съ публичнаго торга, до сихъ поръ все еще пополняется.

Ограничимся этими общими замѣчаніями: я не собираюсь излагать здѣсь спеціальной аграрной программы. Но я твердо убѣжденъ, что такая программа должна гораздо больше считаться съ данными опытами, имѣющимися относительно сельскихъ коопераціи, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ, и что при этомъ дѣло будетъ гораздо меньше состоять въ томъ, чтобы дѣлать выводъ, что эти коопераціи не могутъ радикально помочь мелкому крестьянству, чѣмъ въ томъ, чтобъ доказать, въ какой мѣрѣ онѣ могутъ быть расширены и развиты. Тамъ, гдѣ преобладаетъ мелкое крестьянское хозяйство, тамъ организація сельскихъ рабочихъ въ формѣ рабочихъ союзовъ или другая какая-нибудь по всѣмъ соображеніямъ—не болѣе, какъ химера. Только путемъ распространенія кооперативныхъ формъ можетъ быть осуществлено ихъ освобожденіе отъ наемныхъ отношеній.

Въ высшей степени важные факты приводитъ д-ръ Видфельдъ, изъ Дрездена, въ «Sociale Praxis» (№ 13, VIII-ой годъ изданія) о дѣятельности и успѣхахъ сельскохозяйственныхъ синдикатовъ во Франціи. Въ настоящее время во Франціи существуютъ около 1.770 сельскохозяйственныхъ (крестьянскихъ) синдикатовъ, сгруппированныхъ въ десять союзовъ и насчитывающихъ всѣ вмѣстѣ болѣе 700.000 членовъ. «Эти профессіональныя товарищества дѣйствуютъ ближайшимъ образомъ, какъ союзы для покупки сельскохозяйственныхъ кормовъ и удобрительныхъ средствъ; ихъ центральныя бюро (Coopératives Agricoles) пріобрѣли уже извѣстное вліяніе на торговлю этими предметами. Они уже сообща

обзавелись молотилками и жатвенными машинами, а также произвели дренажныя и оросительныя и др. работы. Эти общества разводятъ племенной скотъ, устроили молочныя фермы, сыроварни [1]), хлѣбопекарни, мельницы, фабрики консервовъ и т. д. и съ успѣхомъ взяли въ свои руки сбытъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ по отдѣльнымъ отраслямъ». Преслѣдуя эти цѣли, они не удовлетворились соединеніемъ съ распространяющимися и во Франціи потребительными товариществами, а сами основали подобныя товарищества. «Такъ шло дѣло въ Ла-Рошели, Ліонѣ, Дижонѣ, Авиньонѣ, Торнелѣ и т. д. Учреждались товарищескія скотобойни, мельницы, хлѣбопекарни, являющіяся наполовину сельскохозяйственными производительными, а наполовину потребительными товариществами». Въ одномъ только департаментѣ Нижней Шаранты существуетъ 130 такихъ товарищескихъ хлѣбопекаренъ. Далѣе синдикатами были основаны фабрики консервовъ, колбасныя, крахмальныя, макаронныя фабрики, «такъ что въ извѣстномъ смыслѣ была достигнута локализація промышленности, насколько она связана съ сельскимъ хозяйствомъ». Большинство синдикатовъ принимаетъ рабочихъ въ свои члены; синдикатъ въ Кастельнодарди среди 1.000 членовъ насчитываетъ 600 рабочихъ. Далѣе синдикаты занимаются устройствомъ всякаго рода учрежденій взаимной помощи: страховыхъ обществъ, третейскихъ

[1]) Послѣ «эмансипаціи» 15-го ноября 1898 г. во Франціи 2,000 кооперативныхъ сыроваренъ; изъ нихъ большинство въ Юрѣ и обѣихъ Савойяхъ.

судовъ, народныхъ секретарскихъ бюро, сельскохозяйственныхъ школъ, обществъ для дебатовъ.

Таковъ отзывъ «Sociale Praxis».

Теперь возникаетъ вопросъ—каковы фактическія права рабочихъ въ этихъ товариществахъ. Цитированный отзывъ лишь кратко говоритъ объ участіи въ прибыляхъ служащихъ и рабочихъ, что, однако, допускаетъ много толкованій. Но принятіе рабочихъ въ ассоціаціи пока ничего въ нихъ не мѣняетъ и онѣ, какъ сельскохозяйственные союзы, суть преимущественно синдикаты предпринимателей. Это уже видно изъ того, что сколько бы кооперативныхъ производствъ ни учреждали эти товарищества, одинъ до сихъ поръ видъ ихъ не вѣдалъ примѣненія кооперативной формы—это само сельское хозяйство, т.-е. обработка полей и луговъ и настоящее скотоводство. Соединенныя съ сельскимъ хозяйствомъ и примыкающія къ нему работы производятся кооперативнымъ путемъ или, по крайней мѣрѣ, для кооперацій, само же сельское хозяйство здѣсь и въ другихъ мѣстахъ не подчиняется еще кооперативной формѣ [1]). Развѣ она для нихъ менѣе выгодна, чѣмъ частное производство? Или здѣсь мѣшаетъ только крестьянская собственность?

Неразъ уже было замѣчено, что крестьянское землевладѣніе, раздѣленіе земли между многими

[1]) Такъ, напримѣръ, было въ быстро возникшихъ ирландскихъ сельскохозяйственныхъ товариществахъ, начало которымъ было положено въ 1889 году маленькимъ союзомъ въ 50 членовъ и уже въ мартѣ 1898 года насчитывавшихъ 243 союза съ 27.322 членами; среди нихъ было много сельскихъ рабочихъ (cottiers).

собственниками создаютъ крупное препятствіе для общественной обработки земли. Но оно является не единственнымъ препятствіемъ или говоря иначе: оно усиливаетъ фактическія затрудненія, но оно не есть ихъ единственная причина. Пространственное раздѣленіе работающихъ, точно такъ же, какъ индивидуалистическій характеръ бо́льшей части сельскохозяйственныхъ занятій, играютъ при этомъ столь же важную роль. Возможно, что крестьянскіе синдикаты, которые еще такъ молоды, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи перешагнутъ черезъ это препятствіе или—что мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ—постепенно перерастутъ свои теперешнія рамки. Но пока на это еще нельзя разсчитывать.

Даже сельскохозяйственное производство для кооперации въ настоящее время—еще неразрѣшенная проблема. Англійскимъ потребительнымъ товариществамъ никакое предпріятіе не удавалось хуже ихъ фермъ. Третій годовой отчетъ Британскаго Рабочаго Бюро (1896 г.) устанавливаетъ для 106 производительныхъ товариществъ среднюю прибыль въ 8,4%. Среди нихъ 6 кооперативныхъ фермъ и молочныхъ хозяйствъ имѣли среднюю прибыль лишь въ 2,8%. Нигдѣ крестьяне не получаютъ больше прибыли отъ земли, какъ въ Шотландіи. Урожаи пшеницы, овса и другихъ хлѣбовъ въ Шотландіи еще выше, чѣмъ въ Англіи. Но ферма шотландскихъ товариществъ, снабженная хорошими машинами и обладающая капиталомъ въ ¼ милліона марокъ, потерпѣла крупную неудачу. Въ 1894 г. она имѣла 10,6% прибыли, а въ 1895—8,1% убытка. Какъ же обстоитъ дѣло съ настоящими товариществами изъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ? Подаетъ ли производительное товарищество, состоящее изъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, лучшія надежды, чѣмъ производительное товарищество промышленныхъ рабочихъ?

На этотъ вопросъ отвѣтить тѣмъ труднѣе, что недостаетъ подходящихъ примѣровъ. Классическій примѣръ такого товарищества—знаменитая Ралахайнская ассоціація [1])—существовала слишкомъ недолгое время (съ 1831 по 1833 г.) и была все время подъ сильнымъ вліяніемъ ея основателя Ванделёра и его преемника Крэга; поэтому она не можетъ служить достаточно яркимъ примѣромъ жизнеспособности самостоятельныхъ товариществъ сельскихъ рабочихъ [2]). Она доказываетъ только крупныя выгоды общественнаго хозяйства, разъ даны извѣстныя условія.

То же можно сказать и про опыты коммунистическихъ колоній. Онѣ нерѣдко существовали очень долго при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ,—но въ физическомъ или духовномъ одиночествѣ.

---

[1]) О ней см. въ Аграрномъ Вопросѣ Каутскаго.

[2]) Ея устройство, какъ въ 1838 г. писалъ въ юмористическомъ тонѣ остроумный оуэнистъ Финчъ, было соединеніемъ всѣхъ преимуществъ торизма, вигизма и радикализма,—однако, безъ ихъ недостатковъ. «Она имѣла силу и единство въ цѣляхъ и дѣйствіяхъ, свойственныя монархіи и торизму, всю умѣренность, освѣдомленность, предохранительныя и предупредительныя правила,—отличительныя черты вигизма, и гораздо больше свободы и равенства, чѣмъ у радикаловъ». Г. Ванделёръ былъ «королемъ»; правленіе, состоявшее изъ казначея, секретаря и ключника, изображало «верхнюю палату», а комитетъ рабочихъ былъ «народнымъ представительствомъ».

Но, какъ только онѣ достигаютъ большаго благосостоянія и вступаютъ въ ближайшія сношенія съ внѣшнимъ міромъ, онѣ быстро распадаются. Только крѣпкая религіозная связь или сектантство, воздвигающее стѣну между колоніями и окружающимъ міромъ, можетъ поддерживать эти колоніи и тогда, когда онѣ достигли извѣстнаго богатства. Что онѣ нуждались въ томъ, чтобы люди до извѣстной степени опростились, такъ, чтобы чувствовать себя хорошо въ такихъ колоніяхъ, доказываетъ, что онѣ никогда не могли сдѣлаться общей формой кооперативнаго труда. Для соціализма онѣ стоятъ на одной ступени съ чисто-промышленными производительными товариществами. Но онѣ доставили блестящее доказательство преимуществъ общественнаго хозяйства.

На основаніи всѣхъ этихъ фактовъ и на основаніи опытовъ, сдѣланныхъ интеллигентными землевладѣльцами относительно участія въ арендѣ и распредѣленія прибыли между сельскими рабочими и т. д., д-ръ Ф. Оппенгеймеръ въ уже цитированной книгѣ развилъ идею сельскаго товарищества, которое онъ называетъ поселенческимъ товариществомъ (Siedlungsgenossenschaft). Оно должно быть ассоціацией сельскихъ рабочихъ, т.-е. начаться какъ таковая и затѣмъ соединить въ себѣ индивидуальное хозяйство съ общимъ,—мелкое съ кооперативнымъ крупнымъ производствомъ, подобно тому, какъ это происходитъ теперь въ большихъ имѣніяхъ, гдѣ сельскимъ рабочимъ за болѣе или менѣе высокую аренду отдаются небольшіе отрѣзки, которые они нерѣдко превосходно обрабатываютъ.

Подобное же раздѣленіе Оппенгеймеръ представляетъ себѣ и въ поселенческихъ товариществахъ; но здѣсь, конечно, его основаніемъ служитъ не намѣреніе понизить цѣну рабочей силы въ пользу центральнаго хозяйства, вокругъ котораго группируются мелкія производства,—здѣсь каждому отдѣльному члену дается возможность пользоваться на отведенномъ клочкѣ земли всѣми духовными благами собственнаго хозяйства и примѣнять свою рабочую силу, ненужную въ центральномъ хозяйствѣ товарищества, на ту форму обработки земли, которая либо обѣщаетъ ему бо̀льшій доходъ, либо наиболѣе соотвѣтствуетъ его индивидуальнымъ видамъ. Въ остальномъ же кооперація должна использовать всѣ выгоды современнаго крупнаго производства; для дѣловыхъ и другихъ потребностей членовъ должны быть созданы кооперативныя или взаимныя учрежденія. Обработкой полученныхъ продуктовъ и допущеніемъ ремесленниковъ въ товарищество ему все больше долженъ придаваться характеръ поселенія, въ которомъ соединены сельское хозяйство и промышленность, какъ это представляли себѣ Оуэнъ въ проектѣ своихъ колоній и другіе соціалисты въ ихъ коммунистическихъ проектахъ. Разница заключается лишь въ томъ, что Оппенгеймеръ стремится строго держаться принципа свободнаго соединенія въ товарищества. Одинъ хозяйственный интересъ долженъ являться рѣшающимъ для присоединенія къ поселенческому товариществу; этотъ пріемъ самъ по себѣ можетъ предохранить его отъ исключительности промышленнаго производительнаго товарищества. Въ противоположность ему, оно

не только продающее, но и покупающее и продающее товарищество вмѣстѣ; это обстоятельство создаетъ основаніе его кредита и предохраняетъ его отъ тѣхъ колебаній, которымъ въ настоящее время подвержено капиталистическое крупное сельское хозяйство.

Здѣсь не мѣсто обсуждать проектъ Оппенгеймера и лежащія въ его основаніи теоріи. Но я все же думаю, что онѣ кажутся мнѣ заслуживающими не той низкой оцѣнки, которую онѣ встрѣтили въ части партійной прессы. Можно, конечно, сомнѣваться, можетъ ли быть и будетъ ли поставлено дѣло именно такъ, какъ утверждаетъ Оппенгеймеръ; но основныя мысли, имъ развиваемыя, настолько опираются на научный анализъ формъ хозяйства, настолько согласуются со всѣми опытами кооперативной практики, что можно сказать, что, если общественное производство въ сельскомъ хозяйствѣ вообще можетъ быть когда-нибудь осуществлено, то врядъ ли это произойдетъ въ существенно другой формѣ, чѣмъ въ той, которую предлагаетъ Оппенгеймеръ [1]).

---

[1]) На послѣднемъ конгрессѣ британскихъ коопераціи (въ Питерборо, май 1898 г.) одинъ делегатъ, г. Грей, изъ Манчестера, прочелъ рефератъ («Товарищество и сельское хозяйство»), гдѣ онъ, послѣ объективной провѣрки всѣхъ сдѣланныхъ въ Англіи опытовъ, въ заключеніе приходитъ къ плану, чрезвычайно напоминающему проектъ Оппенгеймера. «Земля должна быть общественной собственностью, общественно должно быть удовлетвореніе всѣхъ потребностей и общественна же продажа всѣхъ продуктовъ. Но при обработкѣ земли нужно позаботиться объ индивидуальной выгодѣ, принявъ въ то же время мѣры противъ нарушеній общественнаго интереса». («Cooperation and Agriculture», Манчестеръ, 1898 г., стр. 9).

Великая экспропріація, которую болѣе всего имѣли въ виду при критикѣ подобныхъ проектовъ, не можетъ въ одинъ день вызвать къ жизни всѣ органическія учрежденія, точно такъ же и само могущественное революціонное правительство не обошлось бы безъ того, чтобы не поискать какой-нибудь теоріи кооперативнаго труда въ земледѣліи. Для одной изъ такихъ теорій Оппенгеймеръ собралъ весьма богатый матеріалъ и подвергъ его острому систематическому анализу, вполнѣ удовлетворяющему основной мысли историческаго матеріализма; уже одно это дѣлаетъ «поселенческую» кооперацію достойной изученія.

Еще одно слѣдуетъ замѣтить относительно вопроса о сельской коопераціи. Поскольку соціалистъ есть членъ политической партіи, постольку онъ привѣтствуетъ современное бѣгство изъ деревни въ города. Оно концентрируетъ рабочія массы, революціонируетъ головы и во всякомъ случаѣ ускоряетъ политическое освобожденіе. Какъ теоретикъ, задумывающійся надъ будущимъ, соціалистъ долженъ, однако, сказать себѣ, что для дальнѣйшаго врядъ ли можно ждать чего-нибудь хорошаго отъ этого бѣгства. Извѣстно, что безконечно легче перевести сельское населеніе въ городъ, чѣмъ городское—въ деревню и пріучить его къ сельской работѣ. Такимъ образомъ, потокъ стремящихся въ города и въ промышленность усложняетъ задачу не только для нынѣ правящихъ. Возьмемъ, напримѣръ, случай побѣды рабочей демократіи, который приведетъ къ кормилу правленія рабочую партію. По имѣющемуся до сихъ поръ опыту ея непосредственнымъ дѣй-

ствіемъ будетъ, повидимому, сначала еще болѣе значительное усиленіе тяги въ большіе города, и по меньшей мѣрѣ сомнительно, захочетъ ли тогда, какъ въ 1848 г. во Франціи, «промышленная армія» быть посланной въ деревню для «воздѣлыванія полей». Но не говоря уже объ этомъ, созданіе жизнеспособныхъ и производительныхъ коопераций при всѣхъ условіяхъ будетъ тѣмъ болѣе трудной задачей, чѣмъ дальше зайдетъ обезлюденіе деревни. Выгода существованія прототиповъ такихъ тавариществъ не была бы слишкомъ дорого куплена даже цѣной немного болѣе медленнаго роста громадныхъ городовъ [1]).

[1]) Я съ удовольствіемъ вижу, что К. Каутскій въ своемъ только что появившемся сочиненіи «Agrarfrage» серіозно включилъ въ кругъ своихъ изслѣдованій вопросъ о сельскихъ товариществахъ. То, что онъ говоритъ о препятствіяхъ, мѣшающихъ обращенію крестьянскихъ мелкихъ хозяйствъ въ товарищества, занимающіяся сельскимъ хозяйствомъ, вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что по этому поводу высказываетъ Оппенгеймеръ. Каутскій ожидаетъ разрѣшенія проблемы отъ промышленности и захвата политической власти пролетаріатомъ. По его мнѣнію, ходъ развитія уже теперь все болѣе ставитъ крестьянъ въ зависимость отъ капиталистически ведущихся винокуренъ, пивоваренъ, сахарныхъ заводовъ, мукомоленъ, маслобоенъ, сыроваренъ, винныхъ погребовъ и т. д., и въ то же время обращаетъ ихъ рабочихъ въ участниковъ такихъ капиталистическихъ производствъ, какъ кирпичные заводы, рудники и т. д., гдѣ въ настоящее время берутъ работу самые мелкіе крестьяне, чтобы тѣмъ покрывать дефицитъ въ своемъ хозяйствѣ. Съ обобществленіемъ всѣхъ этихъ предпріятій крестьяне превратятся въ «общественныхъ рабочихъ», въ участниковъ общественнаго производства, между тѣмъ какъ съ другой стороны произойдетъ превращеніе сельскохозяйственнаго крупнаго производства, около котораго теперь кормится большая часть мелкихъ крестьянъ, въ кооперативное. Такимъ образомъ, по мнѣнію Каутскаго, мелкія крестьянскія хозяйства все болѣе будутъ терять почву подъ ногами и ихъ превращеніе въ кооперативныя хозяйства будетъ встрѣчать все меньше затрудненій. Взятіе государствомъ въ свои руки земельныхъ ипотекъ и уничтоженіе милитаризма еще болѣе облегчило бы это развитіе.

Во всемъ этомъ очень много вѣрнаго, но мнѣ кажется, что Каутскій впадаетъ въ ту ошибку, слишкомъ высоко оцѣнивая дѣйствующія въ симпатичномъ ему направленіи силы и давая въ то же время слишкомъ низкую оцѣнку силамъ, дѣйствующимъ въ обратную сторону. Одной части перечисляемыхъ имъ промышленныхъ предпріятій предстоитъ сдѣлаться не господами крестьянскихъ хозяйствъ, но придатками крестьянскихъ коопераций, а другія, какъ напримѣръ пивоваренное дѣло, не такъ тѣсно связаны съ крестьянскимъ хозяйствомъ, чтобы ихъ измѣненіе могло оказать значительное вліяніе на форму этого хозяйства. Далѣе Каутскій, на мой взглядъ, слишкомъ склоненъ къ заключеніямъ изъ тѣхъ сильныхъ словечекъ, которыя онъ употребляетъ; эти

Но для промышленныхъ рабочихъ кооперація представляетъ возможность съ одной стороны бороться съ эксплуатаціей посредствомъ торговли, а съ другой—дастъ средство въ различныхъ отношеніяхъ облегчить имъ дѣло освобожденія. Теперь извѣстно, какую помощь могутъ получить рабочіе отъ потребительныхъ товариществъ при стѣсненныхъ обстоятельствахъ, въ случаѣ массовыхъ увольненій и т. п. Къ классическому примѣру поддержки большими англійскими потребительными товариществами уволенныхъ горнорабочихъ, прядильщиковъ и машиностроителей нужно еще прибавить, что и производительныя коопераціи могутъ оказывать большія услуги рабочимъ въ ихъ борьбѣ за лучшія жизненныя условія. Въ гг. Лестерѣ и Кеттерингѣ кооперативныя сапожныя мастерскія

поддерживали высокую заработную плату во всемъ округѣ. То же самое дѣлаетъ въ Уольсалѣ кооперативная слесарня; массовое увольненіе тамъ вещь невозможная. Кооперативныя прядильная и ткацкая фабрики «Self-Help» въ Бернлеѣ безпрерывно работали во время увольненій 1892—93 года и вмѣстѣ съ потребительными коопераціями содѣйствовали принужденію предпринимателей къ уступкамъ. Короче сказать, какъ это говорится въ «Trade-Unionist» отъ 2-го ноября 1898 года. «Въ той странѣ, гдѣ всегда существовали эти (производительныя) коопераціи, люди привыкаютъ къ тому, чтобы при производствѣ думать не только о прибыли, но и о томъ, чтобы рабочій не оставлялъ за фабричной дверью своей человѣческой личности, чтобъ онъ проявлялъ чувство свободы и вѣжливости, которыя создаются духомъ гражданственно-

заключенія были бы правильны, если бы эти слова вообще оказались бы вѣрными; но такъ какъ они относятся только къ одной сторонѣ дѣйствительности, то они и не могутъ имѣть притязанія на общее значеніе. Приведемъ примѣры: по Каутскому, существованіе мелкихъ крестьянъ является «адомъ». Это можетъ быть съ правомъ сказано относительно значительной части мелкихъ крестьянъ; что же касается другой части, то это грубая гипербола, точно также какъ и эпитетъ: современные варвары въ примѣненіи къ мелкимъ крестьянамъ; это понятіе во многихъ случаяхъ вполнѣ оставлено позади современнымъ развитіемъ. Подобнымъ же преувеличеніемъ будетъ называть «рабскимъ трудомъ» трудъ мелкихъ крестьянъ въ сосѣднихъ имѣніяхъ, на который они идутъ потому, что ихъ собственное хозяйство невполнѣ поглощаетъ ихъ трудъ. Употребленіемъ подобныхъ выраженій укрѣпляются представленія о томъ, будто извѣстныя впечатлѣнія и склонности имѣются у классовъ, у которыхъ они на самомъ дѣлѣ встрѣчаются лишь въ исключительныхъ случаяхъ.

сти въ обществѣ свободномъ и основанномъ на равенствѣ» [1]).

Производительныя коопераціи до сихъ поръ только тамъ доказали свою жизнеспособность, гдѣ онѣ встрѣчали поддержку у потребительныхъ коопераций или гдѣ онѣ сами по своей организаціи приближались къ этой формѣ. Это даетъ намъ указаніе, въ какомъ направленіи мы должны ожидать наибольшаго успѣха при дальнѣйшемъ распространеніи рабочей коопераціи въ ближайшемъ будущемъ.

с) Демократія и соціализмъ.

> «24-го февраля 1848 года занялась заря новаго періода исторіи».
>
> «Кто говоритъ за всеобщее избирательное право, тотъ призываетъ къ примиренію».
>
> Ф. Лассаль, «Рабочая программа».

То же самое, что потребительныя товарищества представляютъ для нормы прибыли въ торговлѣ, то рабочіе союзы—для нормы прибыли въ производ-

[1]) «Я неоднократно открыто заявлялъ на трэдъ-юніостскихъ конгрессахъ, что коопераціи вообще лучшіе друзья, которыхъ имѣютъ въ этой странѣ подмастерья пекаря, и этого мнѣнія я держусь и теперь... Какъ и я, такъ и мой рабочій союзъ, мы находимся въ наилучшихъ отношеніяхъ съ крупными потребительными товариществами и ихъ хлѣбопекарнями и надѣемся, что такъ будетъ и впредь». Д. Дженкинсъ, секретарь союза британскихъ подмастерьевъ пекарей въ «Labour Co-Partnership» ноябрь 1898 г.

ствѣ. Борьба профессіонально организованныхъ рабочихъ за повышеніе ихъ жизненныхъ условій есть съ точки зрѣнія капиталистовъ борьба за повышеніе заработной платы на счетъ прибыли. Слишкомъ далеко заходитъ обобщеніе, утверждающее, будто измѣненіе высоты заработной платы и измѣненіе рабочаго времени нисколько не отражаются на цѣнахъ. Количество труда, которое нужно затратить на единицу опредѣленнаго рода товаровъ, остается, конечно, неизмѣннымъ, пока техника производства остается той же,—независимо отъ того, повышается или понижается заработная плата. Но количество труда, не выражающагося въ цѣнѣ его, для рынка—пустое понятіе, такъ какъ дѣло касается не абстрактной цѣнности всей суммы производства, а взаимной относительной цѣнности различныхъ видовъ товаровъ; для рынка же высота заработной платы—не безразличный факторъ. Если повышается заработная плата въ какой-нибудь отрасли промышленности, то соотвѣтственно повышается цѣнность продуктовъ этой отрасли сравнительно съ цѣнностью продуктовъ всей промышленности, не испытавшей повышенія заработной платы; если же не удается уравнять это повышеніе усовершенствованіемъ техники, то заинтересованные предприниматели должны либо соотвѣтственно повысить цѣну продуктовъ, либо испытать пониженіе нормы прибыли. Въ этомъ отношеніи различныя отрасли промышленности поставлены весьма различно. Есть отрасли промышленности, которыя по характеру своихъ продуктовъ или по своей монополистической организаціи довольно независимы отъ мірового рынка и

въ нихъ повышеніе заработной платы по большей части сопровождается повышеніемъ и цѣны, такъ что норма прибыли не только не понижается, но можетъ и повыситься [1]). Наоборотъ, въ отрасляхъ промышленности, зависящихъ отъ мірового рынка, какъ и вообще въ тѣхъ, гдѣ произведенные продукты конкуррируютъ между собой при различныхъ условіяхъ и гдѣ только путемъ особой дешевизны можно овладѣть рынкомъ,—повышеніе заработной платы всегда вызываетъ пониженіе нормы прибыли. То же бываетъ, если попытка компенсировать ставшее необходимымъ пониженіе цѣны пропорціональнымъ уменьшеніемъ заработной платы встрѣчаетъ противодѣйствіе организованныхъ рабочихъ. Борьба съ пониженіемъ прибыли путемъ усовершенствованія техники вообще означаетъ относительно бóльшія затраты капитала на машины и другія орудія труда, а это означаетъ и соотвѣтствующее пониженіе нормы прибыли. Въ концѣ концовъ въ борьбѣ за заработную плату дѣло въ дѣйствительности идетъ только о недопущеніи повышенія нормы прибыли на счетъ заработной платы, какъ мало въ данный моментъ ни сознаютъ это сами борящіеся.

Здѣсь не надо спеціально доказывать, что борьба за продолжительность рабочаго дня есть въ то же время борьба за норму прибыли. Если сокращеніе рабочаго дня не имѣетъ послѣдствіемъ непосредственное уменьшеніе количества производительнаго

[1]) На эту частичную истину опирался, между прочимъ, А. Кэри въ своемъ ученіи о гармоніи. Въ качествѣ примѣровъ онъ приводилъ извѣстныя отрасли промышленности, добывающія ископаемыя, строительную промышленность и т. д.

труда, оплачиваемаго такъ же, какъ и раньше,— нерѣдко, какъ извѣстно, имѣетъ мѣсто обратное явленіе,—то все же посредственно это сокращеніе ведетъ къ повышенію жизненныхъ требованій рабочихъ и, въ результатѣ, приводитъ къ необходимости повышенія заработной платы.

Повышеніе заработной платы, вызывающее повышеніе цѣнъ, не должно при извѣстныхъ условіяхъ непремѣнно быть невыгоднымъ для общества, но нерѣдко оказываетъ скорѣе вредное, чѣмъ полезное дѣйствіе. Для общества, напримѣръ, нѣтъ никакой особенной разницы въ томъ, поступаетъ ли прибыль отъ монопольныхъ цѣнъ горсти предпринимателей или же рабочіе этой промышленности получаютъ извѣстную часть этой вырванной у общества добычи. Бороться слѣдуетъ съ монопольными цѣнами такъ же, какъ и съ дешевизной продуктовъ, которая достигнута только пониженіемъ заработной платы за средній минимумъ [1]). Но повыше-

[1]) Изложенное уже было написано, когда я прочелъ статью К. Каутскаго въ № 14 «Neue Zeit», гдѣ онъ называетъ существующіе теперь въ среднихъ англійскихъ графствахъ и описанные мною въ прежнихъ статьяхъ профессіональные союзы—союзами «соединяющимися съ синдикатами капиталистовъ для обиранія публики»; онъ считаетъ ихъ «средствомъ англійскихъ фабрикантовъ развратить союзное движеніе». Вмѣсто борьбы противъ капитала, у нихъ начинается «борьба противъ общества рука объ руку съ капиталомъ». (Neue Zeit, XVII, 1, стр. 421). Какъ видно изъ того, что я говорю въ текстѣ и изъ моего мнѣнія о кооперацiи,—я такъ же, какъ и Каутскій, имѣю въ виду обличаемую имъ тенденцію и стою противъ коалицій, направленныхъ противъ общества,—все равно, состоятъ ли онѣ изъ капиталистовъ или изъ рабочихъ. Но все-таки его критику я считаю преувеличенной. Я

ніе заработной платы, отзывающееся только на нормѣ прибыли, при современныхъ условіяхъ, въ общемъ только выгодно для общества. Я опредѣленно говорю «въ общемъ», потому что бываютъ случаи, когда можетъ имѣть мѣсто обратное. Если въ опредѣленной отрасли промышленности норма прибыли опустится значительно ниже обычнаго минимума,

не могу смотрѣть на такую организацію промышленности, направленную противъ безмѣрной конкурренціи и безмѣрнаго пониженія цѣнъ, какой она a priori является въ промышленныхъ синдикатахъ, какъ на союзы для обиранія публики. Даже у бо̀льшей части трёстовъ еще мало до сихъ поръ замѣчалось такого стремленія къ обиранію. Наоборотъ, довольно часто отчаянная конкурренція съ цѣлью пониженія цѣнъ имѣетъ своей основой далеко, по моему, неодобрительное стремленіе къ обиранію производителей. Короче говоря, въ промышленныхъ союзахъ (Gewerbeallianzen), все шире, какъ кажется, распространяющихся (въ настоящее время идутъ переговоры о введеніи ихъ въ стеклянной и гончарной промышленности)—въ Германіи имъ соотвѣтствуютъ тарифные союзы—я вижу явленіе, которое, конечно, не лишено темныхъ сторонъ, но которое, какъ и предшествующія ему (смѣшанные комитеты заработной платы, подвижныя шкалы заработной платы и т. п.)—можетъ разсматриваться какъ естественный результатъ протеста противъ анархіи въ производствѣ. Интересамъ общества эти союзы угрожаютъ не больше, чѣмъ цѣлый рядъ другихъ средствъ, издавна примѣняемыхъ организованными рабочими; соціалдемократія же ихъ замалчивала, если не прямо поддерживала потому, что они формально—хотя и не фактически—были направлены противъ капитала.

Вообще Каутскій ошибается, думая, что англійскіе трэдъ-юніоны теперь принципіально возстаютъ противъ подвижныхъ тарифовъ заработной платы. Они борются только противъ «бездонныхъ» (bottomless) перемѣнныхъ тарифовъ. Они вовсе не возстаютъ противъ перемѣннаго тарифа съ минимальной заработной платой, достаточной для порядочной жизни, и тарифа, принимающаго во вниманіе техническія измѣненія въ производствѣ.

то это можетъ повести за собой для данной страны прекращеніе этой отрасли промышленности или ея переходъ въ другія страны, гдѣ заработная плата еще ниже, условія труда еще хуже. Съ точки зрѣнія мірового хозяйства на это явленіе можно смотрѣть безразлично, потому что въ концѣ концовъ какимъ-нибудь путемъ да произойдетъ уравновѣшеніе. Но для потерпѣвшихъ это плохое утѣшеніе, и часто такая эмиграція промышленности скорѣе приноситъ имъ, какъ и всему обществу, прямыя невыгоды.

Къ счастью, такіе крайніе случаи чрезвычайно рѣдки. Рабочіе обыкновенно хорошо знаютъ, какъ далеко могутъ они заходить со своими требованіями. Норма прибыли также способна переносить довольно сильное давленіе. Прежде чѣмъ отказаться отъ своего предпріятія, капиталистъ охотнѣе попытаетъ всевозможныя средства, чтобъ перенести увеличившіяся издержки заработной платы на что-нибудь другое. Крупное фактическое разнообразіе нормъ прибыли въ различныхъ отрасляхъ промышленности показываетъ, что общая средняя норма прибыли построена скорѣе теоретически, чѣмъ даже приблизительно осуществляется на самомъ дѣлѣ. Нерѣдки примѣры, когда даже новый капиталъ, ищущій себѣ помѣщенія, стремится не туда, гдѣ получается наивысшая норма прибыли, но, подобно человѣку при выборѣ занятія, руководствуется соображеніями, отодвигающими высоту прибыли на второй планъ. Такимъ образомъ, даже этотъ могущественнѣйшій факторъ уравненія нормъ прибыли дѣйствуетъ безъ особенной правильности. Капиталъ же, уже вложенный въ дѣло,—случай преобладающій — по чисто-матеріальнымъ причинамъ не можетъ слѣдовать за колебаніями нормы прибыли изъ одной отрасли производства въ другую. Короче говоря, результатъ повышенія цѣны человѣческаго труда въ громадномъ большинствѣ случаевъ имѣетъ слѣдствіемъ отчасти техническое совершенствованіе и лучшую организацію промышленности, отчасти болѣе равномѣрное распредѣленіе результатовъ труда. И то, и другое одинаково выгодно для общаго благосостоянія. Съ извѣстными ограниченіями можно для капиталистическихъ странъ, слѣдуя извѣстному изреченію Destutt de Tracys, сказать, что низкая норма прибыли свидѣтельствуетъ о высокомъ благосостояніи народныхъ массъ.

По своему соціально-политическому положенію трэдъ-юніоны представляютъ въ промышленности демократическій элементъ. Ихъ тенденція—разрушать абсолютизмъ капитала и доставить рабочему непосредственное вліяніе на руководство промышленностью. Совершенно естественно, что существуютъ крупныя разногласія относительно вопроса, какая степень этого вліянія достигнута. Извѣстному образу мысли можетъ показаться уже принципіальной ошибкой требовать признанія за союзами чего-нибудь меньшаго, чѣмъ безусловнаго права распоряженія въ промышленности. Сознаніе, что такое право такъ же утопично при современныхъ условіяхъ, какъ оно было бы противно здравому смыслу въ соціалистическомъ обществѣ, привело нѣкоторыхъ къ отрицанію всякой роли союзовъ въ экономической жизни и признанію ихъ только мень-

шимъ изъ различныхъ неизбѣжныхъ временныхъ золъ. Есть соціалисты, въ глазахъ которыхъ союзы—наглядное доказательство безполезности всякой другой дѣятельности, кромѣ политически-революціонной. На самомъ же дѣлѣ союзамъ теперь и въ ближайшемъ будущемъ суждено разрѣшить очень важныя задачи, вовсе однако не предполагающія и даже не допускающія всемогущества союзовъ.

Нѣсколькимъ англійскимъ писателямъ принадлежитъ та заслуга, что они взглянули на союзы, какъ на необходимые органы демократіи, а не только какъ на временныя коалиціи. Это и неудивительно, если принять во вниманіе, что въ Англіи союзы прежде, чѣмъ гдѣ бы то ни было, пріобрѣли извѣстное значеніе и что въ послѣднюю треть этого столѣтія Англія изъ олигархически управляемаго государства превратилась почти въ демократическое. Самый новый и основательный трудъ по этому вопросу «Теорія и практика англійскихъ рабочихъ союзовъ» Сиднея и Беатрисы Веббъ съ правомъ названъ ими трактатомъ о демократіи въ промышленности. Еще ранѣе ихъ покойный Т. Роджерсъ въ своихъ лекціяхъ объ экономическомъ объясненіи исторіи (что имѣетъ мало общаго съ матеріалистическимъ пониманіемъ исторіи, соприкасаясь съ нимъ лишь въ нѣкоторыхъ пунктахъ)—назвалъ союзы формой участія труда въ предпріятіи—Labour Partnership—что въ принципѣ означаетъ то же самое, что высказали Веббы, но что въ то же время точнѣе опредѣляетъ границы, до которыхъ въ демократіи могутъ быть распространены функціи союзовъ и внѣ которыхъ имъ нѣтъ мѣста въ демократическомъ государствѣ.

Кто ни являлся бы предпринимателемъ — государство, община или капиталисты, рабочій союзъ, какъ организація всѣхъ лицъ, занятыхъ въ опредѣленной промышленности, можетъ лишь до тѣхъ поръ блюсти интересы этихъ лицъ и способствовать общему благосостоянію, пока онъ не выходитъ изъ роли участника предпріятія. Въ противномъ случаѣ союзъ всегда рисковалъ бы выродиться въ замкнутую корпорацію со всѣми нежелательными свойствами монополіи. Здѣсь дѣло обстоитъ такъ же, какъ съ товариществомъ. Союзъ, ставшій господиномъ цѣлой отрасли промышленности—этотъ идеалъ нѣкоторыхъ прежнихъ соціалистовъ—фактически былъ бы просто монополистическимъ производительнымъ товариществомъ; а разъ только оно ссылалось бы на свою монополію и пользовалось бы ею, оно тотчасъ стало бы въ противорѣчіе съ соціализмомъ и демократіей, каково бы ни было его внутреннее устройство. Почему оно противорѣчило бы соціализму—это ясно безъ объясненій. Товарищество, направленное противъ общества, имѣетъ столько же общаго съ соціализмомъ, сколько съ нимъ имѣетъ государственное производство въ олигархическомъ государствѣ. Но почему же такой союзъ противорѣчилъ бы демократіи?

Этотъ вопросъ вызываетъ другой: что такое демократія?

Отвѣтъ кажется очень простымъ, и на первый взглядъ достаточнымъ кажется выраженіе: «господство народа». Но недолгое размышленіе уже говоритъ намъ, что этимъ дается лишь внѣшнее, чисто-формальное опредѣленіе, между тѣмъ какъ

всѣ употребляющіе слово: демократія понимаютъ подъ нимъ нѣчто бо̀льшее, чѣмъ форму господства. Мы гораздо ближе подойдемъ къ дѣлу, выражаясь отрицательно и опредѣляя демократію, какъ отсутствіе классоваго господства, какъ такое состояніе общества, при которомъ ни одинъ классъ не имѣетъ политическихъ привилегій относительно другихъ. Этимъ уже объясняется, почему монопольная корпорація въ самомъ принципѣ своемъ противна демократіи. Это отрицательное объясненіе имѣетъ, кромѣ того, ту выгоду, что оно менѣе, чѣмъ слово «господство народа», отводитъ мѣста мысли о притѣсненіи, испытываемомъ индивидуумомъ со стороны большинства, противъ чего безусловно возстаетъ современное сознаніе. Мы теперь считаемъ подчиненіе меньшинства большинству «недемократичнымъ», хотя раньше оно и считалось вполнѣ связаннымъ съ господствомъ народа[1]). Съ по-

[1]) Послѣдовательные бланкисты понимали всегда демократію прежде всего, какъ притѣсняющую власть. Такъ Ипполитъ Кастиль предпосылалъ своей исторіи второй республики введеніе, доходящее до настоящаго прославленія террора. «Совершеннѣйшимъ обществомъ», говорится тамъ, «является то, гдѣ тираннія — достояніе всѣхъ. Это положительно доказываетъ, что совершеннѣйшимъ обществомъ было бы то, въ которомъ было бы меньше всего свободы въ сатанинскомъ (индивидуалистическомъ) смыслѣ этого слова.. То, что называютъ политической свободой, есть лишь красивое слово, служащее украшеніемъ справедливой тиранніи большинства. Политическая свобода есть лишь принесеніе въ жертву извѣстнаго числа индивидуальныхъ свободъ деспотическому богу человѣческихъ обществъ, общественному разуму, договору».—«Этой эпохой (съ октября 1793 по апрѣль 1794 г., когда одни за другими были обезглавлены жирондисты, гебертисты, дантонисты) начинается возрожденіе принципа авторитета, этой вѣчной охраны человѣческихъ обществъ. Освобожденный отъ умѣренныхъ и отъ крайнихъ, обезпеченный отъ всякаго конфликта властей, комитетъ общественнаго спасенія, эта созданная обстоятельствами форма правленія, получаетъ силу и единство, необходимыя, чтобы упрочить его положеніе и предохранить Францію отъ опасностей надвигающейся анархіи... Нѣтъ, не страсть къ управленію погубила первую французскую республику, но парламентскіе политиканы, предатели термидора. Анархистскіе и либеральные республиканцы, копошащаяся масса которыхъ покрываетъ Францію, напрасно продолжаютъ распространять старую клевету. Робеспьеръ остается замѣчательнѣйшимъ человѣкомъ и не въ силу своихъ талантовъ и способностей,—не о нихъ здѣсь рѣчь—а въ силу своего поклоненія авторитетамъ, въ силу своего могучаго политическаго инстинкта».

Этому культу Робеспьера не суждено было пережить вторую имперію. Для болѣе молодого поколѣнія бланкистскихъ соціалреволюціонеровъ, выступившихъ на сцену въ серединѣ 60-хъ годовъ и бывшихъ прежде всего противниками церкви, Робеспьеръ въ силу своего деизма былъ слишкомъ мелкобуржуазенъ. Они поклонялись Геберту и Анахарсису Клотцу. Но все же они разсуждали, какъ Кастиль, т.-е. доводили, какъ и онъ, до крайности правильную мысль о подчиненіи индивидуальнаго интереса общему.

нятіемъ: демократія для современнаго пониманія связано правовое представленіе: равноправность всѣхъ членовъ общества; это представленіе является границей господства большинства, въ которое въ каждомъ конкретномъ случаѣ переходитъ господство народа. Чѣмъ болѣе это правовое представленіе пріобрѣтаетъ правъ гражданства и чѣмъ болѣе овладѣваетъ оно всеобщимъ сознаніемъ, тѣмъ болѣе становится демократія равнозначащей возможно высокой степени свободы для всѣхъ.

Во всякомъ случаѣ демократія и отсутствіе законовъ не одно и то же. Демократія отличается отъ всѣхъ другихъ политическихъ системъ не отсут-

ствіемъ законовъ, но лишь отсутствіемъ такихъ, которые создаютъ или признаютъ исключенія, основанныя на владѣніи, происхожденіи и вѣроисповѣданіи,—отличается не полнымъ отсутствіемъ законовъ, ограничивающихъ права индивидуума, но равнозначна отмѣнѣ всѣхъ законовъ, ограничивающихъ всеобщую равноправность. Если, такимъ образомъ, демократія и анархія—двѣ совершенно разныя вещи, то это есть или было бы нелѣпой игрой понятіями, при которой исчезаетъ всякое различіе, — примѣнять къ демократіи, какъ къ общественному строю, такія выраженія, какъ деспотія, тираннія, только потому, что рѣшающій голосъ въ ней принадлежитъ большинству и что отъ каждаго требуется, чтобъ онъ признавалъ законъ, установленный большинствомъ. Конечно, демократія не есть абсолютная защита противъ законовъ, которые отдѣльными личностями будутъ считаться тиранническими. Но въ наше время мы почти вполнѣ гарантированы, что большинство въ демократическомъ обществѣ не издастъ закона, причиняющаго длящееся стѣсненіе личной свободѣ, такъ какъ сегодняшнее большинство можетъ стать завтрашнимъ меньшинствомъ, и каждый законъ, стѣсняющій меньшинство, самъ былъ бы угрозой для этого временного большинства. То, что во время гражданской войны всегда дѣлалось тиранніей большинства, то сильно отличается отъ господства большинства въ современной демократіи. Дѣйствительность скорѣе доказала, что чѣмъ дольше существуютъ въ какомъ-нибудь современномъ государствѣ демократическія учрежденія, тѣмъ болѣе вниманія и ува-

женія удѣляется правамъ меньшинства и тѣмъ болѣе теряетъ партійная борьба характеръ взаимной ненависти. Люди, не могущіе представить себѣ осуществленіе соціализма безъ акта насилія, могутъ усмотрѣть въ этомъ аргументъ противъ демократіи, и въ самомъ дѣлѣ въ соціалистической литературѣ нѣтъ недостатка въ такихъ голосахъ. Но тотъ, кто не создаетъ себѣ утопическаго представленія, будто современныя націи подъ вліяніемъ продолжительной революціонной катастрофы распадутся на множество совершенно независимыхъ другъ отъ друга группъ,—тотъ въ демократіи увидитъ нѣчто большее, чѣмъ политическое средство, годное лишь постольку, поскольку оно помогаетъ рабочему классу положить конецъ капиталу. Демократія въ одно и то же время есть и средство, и цѣль. Правда, она не можетъ дѣлать чудесъ. Она не можетъ въ такой странѣ, какъ Швейцарія, гдѣ промышленный пролетаріатъ составляетъ меньшинство населенія (меньше полумилліона при двухъ милліонахъ взрослыхъ), дать этому пролетаріату въ руки политическую власть. Она не можетъ также въ такой странѣ, какъ Англія, гдѣ пролетаріатъ составляетъ многочисленнѣйшій классъ населенія, сдѣлать его хозяиномъ промышленности, отчасти потому, что онъ самъ не питаетъ къ тому склонности, отчасти также потому, что этотъ классъ не чувствуетъ себя достаточно развитымъ, чтобы справляться съ задачами, связанными съ такимъ положеніемъ господства. Но въ Англіи, какъ и въ Швейцаріи, а также и Франціи, Соединенныхъ Штатахъ, Скандинавскихъ государствахъ и т. д.

демократія показала себя могучимъ рычагомъ соціальнаго прогресса. Кто смотритъ не на внѣшность, а на содержаніе, тотъ, просматривая англійское законодательство со времени избирательной реформы 1867 года, давшей городскимъ рабочимъ избирательное право, увидитъ значительный шагъ впередъ въ направленіи новаго порядка вещей. Общественная народная школа въ трехъ четвертяхъ страны существуетъ всего съ этой эпохи; раньше существовали лишь частныя и церковныя школы. Въ 1865 году школу посѣщало 4,38% населенія, въ 1896 году это отношеніе достигло 14,2%; въ 1872 г. государство давало ежегодно всего 15 мил. марокъ, а въ 1896 г.—127 мил. марокъ на однѣ только начальныя школы. Администрація графствъ и общинъ перестала въ отношеніи школьнаго дѣла и попеченія о бѣдныхъ быть монополіей собственниковъ и привилегированныхъ; рабочая масса имѣетъ въ этихъ дѣлахъ такое же право голоса, какъ и самый крупный лэндлордъ и самый богатый капиталистъ. Косвенные налоги постоянно понижаются, а прямые постоянно растутъ (въ 1866 г. взималось около 120 милл. подоходнаго налога; въ 1898 г. этотъ налогъ достигъ 330 мил., при чемъ, по крайней мѣрѣ, 80—100 мил. марокъ приходятся на повышенный налогъ на наслѣдства). Аграрное законодательство отбросило страхъ передъ абсолютизмомъ собственности землевладѣльцевъ; право экспропріаціи, признававшееся до сихъ поръ лишь при устройствѣ путей сообщенія и для санитарныхъ цѣлей, принципіально принято также и для случаевъ измѣненій въ хозяйствѣ. Извѣстна существенно

измѣнившаяся политика государства относительно непосредственно и посредственно занятыхъ у него рабочихъ, точно такъ же, какъ и то распространеніе, которое съ 1870 г. получило фабричное законодательство. Вся эта политика вмѣстѣ съ тѣмъ подражаніемъ, которое она встрѣтила на континентѣ, не есть исключительно, но въ значительной мѣрѣ результатъ дѣятельности демократіи или той части ея, которая въ нѣкоторыхъ странахъ облеклась въ кровь и плоть. Если въ отдѣльныхъ вопросахъ законодательство политически наиболѣе прогрессивныхъ странъ не идетъ такъ быстро впередъ, какъ въ сравнительно болѣе отсталыхъ подъ вліяніемъ дѣятельныхъ монарховъ или ихъ министровъ, зато въ странахъ съ укоренившейся демократіей въ этихъ вопросахъ не бываетъ попятныхъ ходовъ.

Демократія является въ принципѣ уничтоженіемъ классоваго господства, если и не фактическимъ уничтоженіемъ самихъ классовъ. Говорятъ о консервативномъ характерѣ демократіи. Въ извѣстномъ смыслѣ это вѣрно. Противоположный демократіи строй вводитъ и своихъ сторонниковъ, и своихъ противниковъ въ заблужденіе относительно объема ихъ силы. Поэтому въ странахъ, гдѣ этотъ строй господствуетъ или гдѣ еще держатся его традиціи, изобилуютъ мимолетные планы, чрезмѣрная рѣзкость языка, «политика зигзага», страхъ переворотовъ и надежды на успѣшное подавленіе. Въ демократіи партіи, и стоящіе позади нихъ классы скоро узнаютъ предѣлы своей силы и каждый разъ берутся лишь за то, что они въ силу

обстоятельствъ дѣйствительно могутъ осуществить Даже когда партіи въ демократіи предъявляютъ нѣсколько бо̀льшія требованія, чѣмъ онѣ думаютъ достигнуть, чтобы имѣть возможность затѣмъ уступить при неизбѣжномъ компромиссѣ,—а демократія есть высшая школа компромисса—то и это дѣлается умѣренно. Такимъ образомъ въ демократіи даже крайняя лѣвая является по бо̀льшей части въ консервативномъ освѣщеніи; реформы, будучи равномѣрнѣе, кажутся болѣе медленными, чѣмъ въ дѣйствительности. Но все же ихъ направленіе несомнѣнно. Избирательное право демократіи дѣлаетъ имъ обладающихъ юридическими участниками жизни общества, а это юридическое участіе должно въ концѣ концовъ обратиться въ дѣйствительное участіе. Всеобщее избирательное право несовершеннаго по числу и образованію рабочаго класса долго можетъ казаться правомъ самимъ выбирать своего «мясника»; но съ увеличеніемъ числа рабочихъ и повышеніемъ ихъ самосознанія оно дѣлается орудіемъ превращенія народныхъ представителей изъ господъ народа въ его слугъ. Если англійскіе рабочіе при парламентскихъ выборахъ голосуютъ за членовъ старыхъ партій и такимъ образомъ формально оказываются въ хвостѣ буржуазныхъ партій, то во всякомъ случаѣ въ промышленныхъ избирательныхъ округахъ скорѣе этотъ «хвостъ» приводитъ въ движеніе голову, чѣмъ наоборотъ.

Развѣ въ другихъ странахъ дѣло обстоитъ существенно иначе? Всеобщее избирательное право въ Германіи могло временно служить Бисмарку

орудіемъ, но въ концѣ концовъ оно подчинило себѣ того же Бисмарка. Временно оно могло быть полезнымъ Остъ-Эльбскимъ юнкерамъ, но уже давно оно стало ихъ пугаломъ. Въ 1878 году оно дало Бисмарку возможность выковать оружіе закона о соціалистахъ, но оно же сдѣлало это оружіе тупымъ и хрупкимъ; оно же выбило это оружіе у Бисмарка изъ рукъ. Если въ 1878 г. Бисмаркъ съ своимъ тогдашнимъ большинствомъ создалъ бы вмѣсто полицейскаго политическій исключительный законъ, который тоже ставилъ бы рабочихъ внѣ избирательнаго закона, то онъ на довольно продолжительное время сильнѣе поразилъ бы соціалдемократію, чѣмъ первымъ закономъ. Но въ такомъ случаѣ онъ задѣлъ бы и другіе элементы. Всеобщее избирательное право есть альтернатива переворота.

Но всеобщее право есть только часть демократіи, хотя и такая, которая въ концѣ концовъ должна повести за собой другія части, какъ магнитъ тянетъ за собой разсыпанныя желѣзныя опилки. Это происходитъ медленнѣе, чѣмъ того желали бы нѣкоторые, но все же оно происходитъ. И соціалдемократія не можетъ лучше способствовать этому дѣлу, какъ если она также и въ доктринѣ станетъ на почву всеобщаго избирательнаго права, на почву демократіи со всѣми послѣдствіями, отсюда вытекающими для ея тактики.

На практикѣ, то-есть въ своихъ дѣйствіяхъ она всегда именно такъ и поступала. Но ея литературные представители возставали часто противъ такой политики, да и теперь дѣлаютъ то же самое.

фразы, сложившіяся въ то время, когда всюду въ Европѣ неограниченно господствовала привилегія собственности, и при такихъ условіяхъ бывшія понятными и имѣвшія извѣстное право на существованіе,—теперь представляютъ изъ себя мертвую букву; тѣмъ не менѣе къ нимъ и въ настоящее время относятся съ глубокимъ уваженіемъ, какъ будто отъ нихъ, а не отъ живого пониманія того, что можно или что необходимо сдѣлать, зависитъ успѣхъ движенія. Есть ли, напр., смыслъ повторять фразу о диктатурѣ пролетаріата въ то время, когда представители соціалдемократіи становятся гдѣ только возможно на почву парламентской работы, пропорціональнаго народнаго представительства и народнаго законодательства,—пріемовъ, прямо противорѣчащихъ диктатурѣ? [1]) Фраза о диктатурѣ настолько теперь пережила себя, что ее только тѣмъ связываютъ съ дѣйствительностью, что слово «диктатура» лишаютъ его дѣйствительнаго значенія и придаютъ ему смягченный смыслъ. Вся практическая дѣятельность соціалдемократіи направлена къ созданію условій, дѣлающихъ возможнымъ и обезпечивающихъ свободный отъ конвульсивныхъ вспышекъ переходъ отъ современнаго общественнаго порядка къ другому—высшему. Изъ сознанія, что они піонеры болѣе высокой культуры, черпаютъ по-

[1]) Ср. напримѣръ заявленіе оффенбахскихъ соціалистовъ противъ насильственнаго подчиненія несоціалистическаго меньшинства въ общинномъ представительствѣ и сочувствіе, которое это заявленіе встрѣтило на конференціи соціалистическихъ представителей общинъ Бранденбургскаго округа.

слѣдователи новыхъ ученій вдохновеніе и энтузіазмъ; на немъ же въ концѣ концовъ зиждется нравственное и юридическое основаніе грядущихъ реформъ. Классовая же диктатура есть признакъ болѣе низкой культуры и, не говоря уже объ ея цѣлесообразности и осуществимости,—является шагомъ назадъ, политическимъ атавизмомъ; допускается мысль, что реформа капиталистическаго строя необходимо должна совершаться при формахъ развитія періода, еще невполнѣ знакомаго съ современными методами пропаганды и проведенія законовъ и въ то же время лишеннаго соотвѣтственныхъ органовъ.

Я нарочно говорю: реформа капиталистическаго, а не «бюргерскаго» строя, какъ это теперь часто говорятъ. Подобное употребленіе слова «бюргерскій» есть въ значительной мѣрѣ атавизмъ или во всякомъ случаѣ двусмысленность, которую можно назвать недостаткомъ фразеологіи нѣмецкой соціалдемократіи и который можетъ вести къ ряду недоразумѣній. Причина тому лежитъ отчасти въ нѣмецкомъ языкѣ, не имѣющемъ особеннаго слова для обозначенія понятія равноправнаго гражданина, въ отличіе отъ понятія привилегированнаго гражданина. Такъ какъ всѣ попытки создать и ввести въ употребленіе спеціальныя выраженія для того и другого понятія до сихъ поръ не удавались, то мнѣ кажется лучшимъ употреблять для понятія «привилегированный гражданинъ» и всего, что къ нему относится, иностранное слово «буржуа», чѣмъ переводомъ его словами «бюргеръ, бюргерскій» (Bürger, bürgerlich) открывать просторъ всевозможнымъ недоразумѣніямъ.

Теперь каждый знаетъ, что подразумѣвается, когда говорятъ о побѣдѣ надъ буржуазіей и о реформѣ буржуазнаго строя. Но что такое реформа бюргерскаго (bürgerlich) общества или побѣда надъ нимъ? Что значитъ это выраженіе именно въ Германіи, гдѣ въ ея самомъ крупномъ и руководящемъ государствѣ, въ Пруссіи, дѣло еще идетъ объ освобожденіи отъ все еще тяжкаго гнета феодализма, мѣшающаго бюргерскому (гражданскому) развитію? Никто не думаетъ о разрушеніи бюргерскаго, т.-е. гражданственно-устроеннаго общества. Наоборотъ, соціалдемократія вовсе не желаетъ уничтоженія этого общества и пролетаризаціи всѣхъ его членовъ; она неустанно работаетъ надъ тѣмъ, чтобъ поднять рабочаго изъ соціальнаго положенія пролетарія до положенія равноправнаго гражданина, чтобы такимъ образомъ распространить на всѣхъ гражданскія права̀. Она не хочетъ на мѣсто бюргерскаго общества поставить пролетарское; она стремится къ реформѣ капиталистическаго строя. Было бы лучше, если бы вмѣсто того, чтобы пользоваться упомянутымъ двусмысленнымъ выраженіемъ, держались бы послѣдней, совершенно ясной формулировки. Это положило бы конецъ бо̀льшей части тѣхъ противорѣчій между фразеологіей и практикой соціалдемократіи, на которыя не совсѣмъ безъ основанія ссылаются ея противники. Отдѣльные соціалистическіе печатные органы употребляютъ въ настоящее время усиленно антибюргерскій языкъ, который, конечно, былъ бы умѣстенъ, если бы мы жили, какъ какіе-нибудь пустынники, но который лишенъ смысла въ настоящее время, когда устраивать свою частную жизнь

вполнѣ по-буржуазному не считается несовмѣстимымъ съ соціалистическимъ образомъ мышленія [1]).

Наконецъ, слѣдовало бы рекомендовать не впадать въ крайности при объявленіи войны «либерализму». Конечно, въ настоящее время широкое либеральное движеніе идетъ на пользу капиталистической буржуазіи, а партіи, называющія себя либеральными, были и будутъ всегда вѣрной поддержкой капитализма. Между этими партіями и соціалдемократіей можетъ, конечно, существовать только вражда. Но что касается либерализма, какъ міроваго историческаго движенія, то соціализмъ по своему духовному содержанію не только его преемникъ, но и законный наслѣдникъ, какъ это, впро-

---

[1]) Въ этомъ отношеніи Лассаль былъ гораздо логичнѣе насъ. Конечно, большой односторонностью было съ его стороны ставить понятіе «буржуа» въ зависимость отъ однѣхъ политическихъ привилегій вмѣсто того, чтобы показать связь буржуазіи съ экономическимъ привилегированнымъ положеніемъ. Но въ остальномъ онъ былъ достаточно реалистомъ, чтобъ сразу положить конецъ приведенной выше путаницѣ, заявляя въ «Рабочей программѣ»: «на нѣмецкомъ языкѣ слово буржуазія пришлось бы переводить словомъ «Bürgerthum». Но у меня это слово не имѣетъ такого значенія. Мы всѣ граждане (Bürger): рабочіе, мелкіе буржуа, крупные буржуа и т. д. Слово: буржуазія получило въ исторіи смыслъ, означающій вполнѣ опредѣленное политическое направленіе». (Собр. Соч. т. II стр. 27). То же, что далѣе Лассаль говоритъ объ извращенной логикѣ санкюлотовъ, можетъ быть рекомендовано беллетристамъ, «натуралистически» изучающимъ буржуазію въ кафе и судящимъ о цѣломъ классѣ по его отбросамъ точно такъ же, какъ филистеръ видитъ въ кабацкихъ завсегдатаяхъ типъ современнаго рабочаго. Считаю своимъ долгомъ заявить, что я считаю буржуазію (Bürgerthum)—не исключая и нѣмецкой—въ общемъ еще довольно здоровой и не только экономически, но и нравственно.

чемъ, и было практически видно при каждомъ принципіальномъ вопросѣ, къ которому соціалдемократія должна была занять извѣстное положеніе. Если какое-нибудь экономическое требованіе соціалистической программы серіозно угрожало свободному развитію, соціалдемократія никогда не боялась высказаться противъ такого требованія. Обезпеченіе гражданской свободы ею всегда ставилось выше, чѣмъ осуществленіе какого-нибудь экономическаго требованія. Созданіе и обезпеченіе свободы личности—цѣль всѣхъ соціалистическихъ мѣропріятій, даже и такихъ, которыя кажутся принудительными. Ближайшее ознакомленіе съ такими мѣрами всегда показываетъ, что онѣ имѣютъ въ виду принужденіе, которое должно повысить сумму свободы въ обществѣ и которое даруетъ больше свободы и большему кругу лицъ. Законный максимальный рабочій день, напримѣръ, фактически есть опредѣленіе минимальной свободы, запрещеніе продавать свою свободу болѣе, чѣмъ на опредѣленное число часовъ въ день, и, какъ таковое, оно въ принципѣ основано на томъ же, на чемъ и одобряемое всѣми либералами запрещеніе продаваться въ продолжительное личное рабство. И нѣтъ ничего удивительнаго, что первая страна, въ которой ввели максимальный рабочій день, была Швейцарія, это демократически наиболѣе прогрессивное государство Европы, а демократія—только политическая форма либерализма. Какъ протестъ противъ подчиненія народовъ учрежденіямъ, либо извнѣ навязаннымъ, либо черпающимъ свое право на существованіе лишь изъ традиціи, либерализмъ искалъ осуще-

ствленія прежде всего въ качествѣ принципа суверенитета эпохъ и народовъ; эти два принципа создавали предметъ вѣчнаго спора между философами государственнаго права XVII и XVIII столѣтій, пока Руссо въ своемъ «Contrat Social» не опредѣлилъ ихъ, какъ основныя условія законной силы всякой конституціи, а французская революція—въ демократической конституціи 1793 года, проникнутой духомъ Руссо—не провозгласила ихъ неотъемлемыми правами человѣка [1]).

Конституція 1793 года была логическимъ выраженіемъ либеральныхъ идей эпохи; бѣглый просмотръ ея содержанія показываетъ, какъ мало мѣшала она соціализму. Бабёфъ и его «клубъ равныхъ» даже видѣли въ ней прекрасный исходный пунктъ для осуществленія своихъ коммунистическихъ стремленій и потому во главѣ своихъ требованій ставили возстановленіе конституціи 1793 года. То, что позже стало считаться политическимъ либерализмомъ, было смягченіями и приспособленіями, удовлетворявшими потребностямъ капиталистической буржуазіи послѣ паденія стараго режима, точно также, какъ такъ называемая манчестерская школа была смягченіемъ и одностороннимъ изложеніемъ основныхъ положеній классиковъ экономическаго либерализма. Въ дѣйствительности, нѣтъ либеральныхъ идей, которыя бы не входили и въ

[1]) «Верховная власть принадлежитъ народу. Она нераздѣльна, вѣчна и неотчуждаема». § 25. «Народъ всегда имѣетъ право пересмотрѣть свою Конституцію, реформировать ее и измѣнить. Ни одно поколѣніе не можетъ связывать другого своими законами». § 28.

идейное содержаніе соціализма. Даже принципъ экономической собственной отвѣтственности, который кажется такимъ вполнѣ манчестерскимъ, не можетъ, по моему мнѣнію, ни теоретически быть отрицаемъ соціалистами, ни считаться имъ недѣйствительнымъ при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ. Безъ отвѣтственности нѣтъ и свободы; мы можемъ что угодно теоретически думать о свободѣ воли человѣка, но практически мы должны исходить изъ нея, какъ изъ основанія нравственнаго закона, такъ какъ только при этомъ условіи возможна общественная нравственность. Точно также въ нашъ вѣкъ сношеній въ нашихъ государствахъ, насчитывающихъ милліоны жителей, невозможна здоровая соціальная жизнь, если предварительнымъ условіемъ не будетъ поставлена собственная экономическая отвѣтственность всѣхъ работоспособныхъ. Признаніе экономической собственной отвѣтственности есть обратная услуга индивидуума обществу за оказанныя или предложенныя ему услуги.

Да будетъ мнѣ позволено процитировать здѣсь нѣсколько фразъ изъ упомянутой уже моей статьи «Socialpolitische Bedeutung von Raum und Zahl»:

«Въ ближайшемъ будущемъ экономическая собственная отвѣтственность работоспособныхъ можетъ быть измѣнена лишь постепенно. Статистика труда можетъ получить значительное развитіе, трудовое посредничество очень усовершенствоваться, перемѣна работы очень облегчиться и выработаться право на трудъ; все это предоставитъ отдѣльному лицу безконечно бо́льшую обезпеченность существованія и возможность легче выбирать занятія,

чѣмъ это существуетъ въ настоящее время. Наиболѣе прогрессивные органы экономической самопомощи—крупные рабочіе союзы—указываютъ уже въ этомъ отношеніи путь, по которому предположительно должно будетъ пойти развитіе... Если могущественные союзы уже теперь обезпечиваютъ своимъ работоспособнымъ членамъ извѣстное право на занятіе, такъ что предпринимателямъ оказывается неудобнымъ уволить члена союза безъ очень вѣскихъ признаваемыхъ и самимъ союзомъ причинъ, если они при указаніи работы комбинируютъ очередь заявленія и спроса, — то все это уже указанія на развитіе демократическаго права». (Neue Zeit. XV, 2, стр. 141). Другія начинанія въ томъ же родѣ осуществляются теперь въ формѣ промышленныхъ судовъ, рабочихъ камеръ и подобныхъ учрежденій, въ которыхъ находитъ себѣ выраженіе демократическое самоуправленіе, хотя нерѣдко и несовершенное. Съ другой стороны, расширеніе арены общественной службы, особенно образовательныхъ и взаимныхъ учрежденій (страхованія), будетъ значительно способствовать тому, чтобы экономическая самостоятельность теряла всю свою нынѣшнюю суровость. Но установленіе права на трудъ въ томъ смыслѣ, чтобы государство гарантировало каждому занятіе по его призванію, въ ближайшемъ будущемъ совершенно немыслимо и даже не всегда желательно. То, чего хотѣли защитники такого права на трудъ, можетъ быть достигнуто съ пользой для государства только указаннымъ выше путемъ, помощью комбинацій различныхъ органовъ, и точно также всеобщая ра-

бочая повинность только такимъ образомъ можетъ быть осуществлена безъ содѣйствія мертвящей бюрократіи. Въ такихъ большихъ и сложныхъ организмахъ, какъ наши современныя культурныя государства и ихъ промышленные центры, абсолютное право на трудъ могло бы дѣйствовать лишь дезорганизующимъ образомъ и было бы только «источникомъ ненавистнаго произвола и вѣчныхъ ссоръ». (Тамъ же).

Историческая задача либерализма заключалась въ томъ, чтобъ разбить оковы, наложенныя на развитіе общества принудительнымъ хозяйствомъ и соотвѣтственными правовыми учрежденіями среднихъ вѣковъ. То обстоятельство, что либерализмъ прежде всего вылился въ форму буржуазнаго либерализма, не мѣшаетъ тому, что фактически онъ является выразителемъ гораздо болѣе широкаго общественнаго принципа. Сторонники коренныхъ экономическихъ реформъ не хотятъ никакихъ новыхъ стѣсненій. Индивидумъ долженъ быть свободенъ, не въ метафизическомъ смыслѣ, какъ это полагаютъ анархисты, т.-е. свободенъ отъ всѣхъ обязанностей относительно общества,—но свободенъ отъ всякаго экономическаго стѣсненія въ своихъ движеніяхъ и въ выборѣ занятій. Такая свобода для всѣхъ можетъ быть осуществлена только при помощи организаціи. Въ этомъ смыслѣ соціализмъ можно бы назвать организаторскимъ либерализмомъ, такъ какъ, если внимательнѣе присмотрѣться къ организаціямъ, къ которымъ стремится соціализмъ, то можно замѣтить, что то, что ихъ прежде всего отличаетъ отъ съ виду похожихъ на нихъ феодальныхъ учрежденій, заключается въ ихъ либерализмѣ—ихъ демократическомъ устройствѣ, ихъ доступности. Поэтому хотя соціалистъ и признаетъ профессіональный союзъ, стремящійся, подобно цехамъ, къ замкнутости, вполнѣ понятнымъ результатомъ самообороны противъ тенденціи капитализма къ переполненію рабочаго рынка,—такой союзъ, тѣмъ не менѣе, именно въ силу своей тенденціи къ замкнутости и въ той мѣрѣ, поскольку она ему свойственна,—есть несоціалистическая корпорація. То же самое можно бы сказать про профессіональный союзъ, который завладѣлъ бы цѣлой отраслью производства, такъ какъ такой союзъ необходимо въ той же мѣрѣ стремился бы къ исключительности, какъ и чисто-производительныя кооперацій [1]).

Позволю себѣ процитировать здѣсь одно мѣсто изъ Лассалевской «Системы пріобрѣтенныхъ правъ», которая кажется мнѣ прекрасной иллюстраціей къ данному вопросу: «То, противъ чего направлены глубоко захватывающія теченія нашего времени», говоритъ Лассаль, «и надъ чѣмъ они еще продолжаютъ мучительно работать,—есть не моментъ индивидуальности (этотъ моментъ вмѣстѣ съ моментомъ

[1]) Въ свѣтѣ даннаго критерія слѣдуетъ, по-моему, обсуждать столь живо нынѣ дебатируемый вопросъ о свободѣ выбора врача въ больничныхъ кассахъ. Какія бы мѣстныя условія въ больничныхъ кассахъ ни были бы причиной ограниченія выбора врачей, такое ограниченіе въ принципѣ, конечно, несогласно съ соціализмомъ. Врачъ долженъ быть чиновникомъ не замкнутой корпораціи, а всего общества; иначе мы постепенно пришли бы къ тому, что положеніе «Коммунистическаго Манифеста»: «Буржуазія превратила врача, юриста, человѣка науки въ оплачиваемыхъ ею рабочихъ» получило бы весьма своеобразное измѣненіе.

общности скорѣе сталъ бы на сторону этихъ теченій) — а та язва обособленности (Besonderheit), унаслѣдованная еще отъ среднихъ вѣковъ и все еще держащаяся на нашемъ тѣлѣ» («System», 2 Aufl., 1 Theil, S. 221). Въ отношеніи къ интересующему насъ вопросу организація должна быть связующимъ, а не раздѣляющимъ членомъ между индивидуумомъ и обществомъ. Если въ цитированномъ мѣстѣ Лассаль упрекаетъ либерализмъ за то, что онъ требуетъ провозглашаемыхъ имъ правъ не для индивидуума, какъ таковаго, но для индивидуума, находящагося въ особенномъ положеніи,—то онъ направляетъ свой упрекъ, какъ это впрочемъ ясно видно изъ одной непосредственно передъ тѣмъ высказанной фразы, противъ тогдашней либеральной партіи, противъ «нашего такъ называемаго либерализма», а не противъ теоретическаго либерализма.

Выясненная выше задача далеко не изъ легкихъ и скрываетъ въ себѣ цѣлый рядъ подводныхъ камней. Одно политическое равенство нигдѣ еще до сихъ поръ не оказалось достаточной гарантіей здороваго развитія такихъ общественныхъ организмовъ, центръ тяжести которыхъ лежитъ въ большихъ городахъ. Оно, какъ видно на примѣрѣ Франціи и Соединенныхъ Штатовъ, не есть безупречное средство противъ всякаго рода соціальнаго паразитизма и подкупности. Если бы въ бòльшей части французскаго народа не было заложено такое сильное чувство солидарности и если бы страна не находилась въ столь благопріятныхъ географическихъ условіяхъ, Франція давно погибла бы отъ язвы бю-

рократизма. Во всякомъ случаѣ, эта язва создаетъ одну изъ причинъ, почему, несмотря на умственную подвижность французовъ, промышленное развитіе Франціи все болѣе отстаетъ отъ развитія сосѣднихъ странъ. Для того, чтобы демократія не превосходила еще централистическій абсолютизмъ расположеніемъ бюрократіи, она должна опираться на широко развитое самоуправленіе, соотвѣтствующее экономической отвѣтственности всѣхъ единицъ управленія и взрослыхъ гражданъ. Ничего нѣтъ болѣе вреднаго для ея свободного развитія, какъ принудительное однообразіе и слишкомъ широкій протекціонизмъ. Они затрудняютъ всякое раціональное распознаваніе жизнеспособныхъ и паразитныхъ учрежденій. Если государство, съ одной стороны, уничтожаетъ всѣ законныя препятствія къ организаціи производителей и передаетъ профессіональнымъ союзамъ при извѣстныхъ условіяхъ, предохраняющихъ ихъ отъ превращенія въ монополистическія корпораціи,—извѣстныя полномочія относительно контроля промышленности, въ силу чего создаются гарантіи противъ эксплуатаціи путемъ заработной платы и чрезмѣрной работы; если, съ другой стороны, путемъ вышеуказанныхъ учрежденій будутъ заботиться о томъ, чтобъ никто не былъ принуждаемъ, подъ давленіемъ крайней нужды, продавать свой трудъ на невыгодныхъ условіяхъ,—тогда обществу можетъ быть безразлично, существуютъ ли наряду съ общественными и кооперативными производствами и предпріятія, эксплуатируемыя частными лицами для своей выгоды. Они

сами собой пріобрѣтутъ со временемъ общественный характеръ.

Необходимымъ предварительнымъ условіемъ обобществленія производства является созданіе или дальнѣйшее развитіе названныхъ учрежденій. При отсутствіи подобныхъ учрежденій такъ называемое общественное присвоеніе орудій производства имѣло бы слѣдствіемъ, вѣроятно, только безмѣрную растрату производительныхъ силъ, рядъ безсмысленныхъ экспериментовъ и безцѣльныя насильственныя мѣры; политическое господство рабочаго класса могло бы осуществиться лишь въ формѣ диктаторской революціонной власти, поддерживаемой террористической диктатурой революціонныхъ клубовъ. Такой представлялась она бланкистамъ и такой же она была изображено въ «Коммунистическомъ Манифестѣ» и въ изданіяхъ, относящихся къ эпохѣ его появленія и принадлежащихъ перу его авторовъ. Но «послѣ практическихъ опытовъ февральской революціи и еще больше Парижской коммуны, когда пролетаріатъ въ первый разъ на два мѣсяца овладѣлъ политической властью», революціонная программа, изложенная въ манифестѣ, «мѣстами устарѣла». «Коммуна доказала, что рабочій классъ не только не можетъ овладѣть государственной машиной, но не можетъ и пустить ее въ ходъ въ своихъ цѣляхъ».

Такъ говорили Марксъ и Энгельсъ въ 1872 г. въ предисловіи къ новому изданію «Манифеста». Они при этомъ ссылались на сочиненіе Маркса «Der Bürgerkrieg in Frankreich», гдѣ этотъ взглядъ развивался шире. Но если мы откроемъ названное

сочиненіе и прочтемъ относящуюся сюда главу (третью), то мы найдемъ, что тамъ излагается программа, обнаруживающая въ своемъ политическомъ содержаніи во всѣхъ существенныхъ пунктахъ величайшее сходство съ федерализмомъ Прудона.

«Единство націи не было бы нарушено; но, наоборотъ, съорганизовано путемъ уничтоженія той государственной власти, которая растрачивалась на воплощеніе этого единства, но которая хотѣла быть независимой и сильной относительно націи, на тѣлѣ которой она является лишь паразитнымъ наростомъ. Пока нужно было только отрѣзать угнетающіе органы старой правящей власти, функціи этой власти, имѣющія право на существованіе, должны были быть исторгнуты у власти, имѣвшей претензію стоять надъ обществомъ и переданы отвѣтственнымъ слугамъ общества. Вмѣсто того, чтобы разъ въ три года или въ шесть лѣтъ рѣшать, какой членъ правящаго класса долженъ представлять народъ въ парламентѣ, — всеобщее право голоса должно было служить собранному въ коммуны народу, какъ индивидуальное право голоса служитъ всякому работодателю для того, чтобы разыскать для своего дѣла рабочаго, надзирателя или бухгалтера».

«Противоположеніе коммуны государственной власти разсматривалось какъ преувеличенная форма старой борьбы противъ чрезмѣрной централизаціи... Коммунистическая организація, напротивъ того, вернула бы общественному организму всѣ силы, которыя до сихъ поръ высасывало «государство», тѣмъ задерживая свободное развитіе этого

организма. Однимъ этимъ поступкомъ она положила бы начало возрожденію Франціи».

Такъ говоритъ Марксъ въ «Bürgerkrieg in Frankreich».

Послушаемъ теперь Прудона. Такъ какъ у меня подъ руками нѣтъ его книги о федерализмѣ, то я позволю себѣ изложить нѣсколько положеній изъ его сочиненія о политическихъ способностяхъ рабочаго класса, въ которомъ онъ, между прочимъ, проповѣдуетъ организацію рабочихъ въ собственную политическую партію.

«Въ демократіи, организованной на началахъ истиннаго народнаго суверенитета, т.-е. на основаніи договорнаго права, всякое насильственное или развращающее дѣйствіе центральной власти на націю становится невозможнымъ; самое допущеніе его возможности есть нелѣпость».

«Почему же это такъ?»

«Потому что въ истинной свободной демократіи центральная власть не отличается отъ собранія делегатовъ, этихъ естественныхъ органовъ, призванныхъ къ объединенію мѣстныхъ интересовъ. Потому что каждый депутатъ прежде всего человѣкъ мѣстности, избравшей его своимъ представителемъ, ея посланный, ея согражданинъ, ея спеціальный уполномоченный, которому поручена защита ея отдѣльныхъ интересовъ, т.-е. возможное согласованіе ихъ передъ великимъ жюри (націей) съ общими интересами. Потому что собравшіеся делегаты, если они выбираютъ изъ своей среды центральный исполнительный органъ, не отличаютъ его отъ себя и не дѣлаютъ его стоящій надъ ними властью, которая можетъ поддерживать конфликтъ съ ними».

«Средины нѣтъ, коммуна будетъ либо суверенна, либо будетъ лишь вспомогательнымъ органомъ (государства),—всѣмъ или ничѣмъ. Дайте ей, что хотите; съ того момента, когда она не будетъ въ состояніи изъ себя самой создавать свое право, когда она должна будетъ признавать чужой высшій законъ, когда большая группа, къ которой она принадлежитъ, будетъ объявлена ея господиномъ, а не выраженіемъ ея федеративныхъ отношеній,—то неизбѣжно, что въ одинъ прекрасный день онѣ станутъ въ противорѣчіе одна къ другой и тогда разразится конфликтъ». Но при такихъ условіяхъ ломка и сила были бы на сторонѣ центральной власти. «Идея ограниченія государственной власти группами, гдѣ царитъ принципъ подчиненія и централизаціи этихъ группъ, есть непослѣдовательность, чтобы не сказать противорѣчіе». Таковъ муниципальный принципъ буржуазнаго либерализма. Наоборотъ, «федеративная Франція» есть «режимъ, представляющій идеалъ независимости, первый актъ котораго долженъ бы состоять въ возвращеніи полной самостоятельности общинамъ и самоопредѣленія—провинціямъ»; такова муниципальная свобода, которую рабочій классъ долженъ начертать на своемъ знамени. («Capacité politique des classes ouvrières» стр. 224, 225, 231, 235). Если въ «Bürgerkrieg» говорится, что «политическая власть производителя не можетъ существовать на ряду съ увѣковѣчиваніемъ ею соціальнаго рабства», то въ «Capacité politique» мы читаемъ: «Разъ дано политическое равенство и оно затѣмъ узаконено на практикѣ всеобщимъ правомъ голоса, то тенденція

націи направляется къ экономическому равенству. Именно такъ понимаютъ это делегаты рабочихъ. Но это именно то, чего не хотятъ ихъ буржуазные соперники». (Тамъ же, стр. 214). Короче говоря, при всѣхъ прочихъ разногласіяхъ между Марксомъ и «мелкобуржуазнымъ» Прудономъ въ этихъ пунктахъ ходъ мысли у нихъ настолько близокъ, насколько это только возможно.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію,—и съ тѣхъ поръ это уже часто доказывалось на практикѣ,—что общее развитіе современнаго общества связано съ постояннымъ увеличеніемъ числа задачъ муниципалитетовъ и ростомъ муниципальныхъ правъ; несомнѣнно, что община становится все болѣе важнымъ рычагомъ коренныхъ измѣненій нынѣшняго строя. Мнѣ кажется сомнительнымъ, чтобы такое распаденіе современнаго государства и полное измѣненіе его организаціи, какъ то утверждали Марксъ и Прудонъ (образованіе національнаго собранія изъ делегатовъ провинціальныхъ или окружныхъ собраній, въ свою очередь состоящихъ изъ делегатовъ общинъ), должно бы быть первымъ дѣломъ демократіи, которая, такимъ образомъ, упразднила бы теперешнюю форму національнаго представительства. Современное развитіе создало слишкомъ много учрежденій, размѣръ которыхъ переросъ контроль муниципалитетовъ и даже округовъ и провинцій, чтобы можно было обойтись безъ контроля центральныхъ учрежденій, впредь до измѣненія ихъ организаціи. Абсолютная власть общинъ, по-моему, тоже не идеалъ. Община есть интегральная часть націи и имѣетъ относительно ея столько же

обязанностей, сколько и правъ. Столь же мало, какъ и индивидууму, можно предоставить общинѣ напр. исключительное и безусловное право на землю. Цѣнныя регаліи, лѣса, береговое право принадлежатъ въ послѣднемъ счетѣ не общинамъ или округамъ, которые только пользуются ими, а всей націи. Такимъ образомъ, именно въ переходную эпоху необходимымъ кажется такое представительство, при которомъ на первомъ планѣ стояли бы національные, а не провинціальные или мѣстные интересы. Наряду съ этимъ представительствомъ, все бòльшее значеніе будутъ получать эти собранія и представительства, такъ что функціи центральныхъ представительствъ будутъ становиться все незначительнѣе, а вмѣстѣ съ ними будетъ уменьшаться опасность для демократіи со стороны этихъ властей. Въ прогрессивныхъ странахъ она уже и теперь очень незначительна.

Сказанное, однако, менѣе имѣетъ въ виду критику деталей программы, а скорѣе выясненіе того, какъ энергично подчеркивается въ ней самоуправленіе, въ качествѣ необходимаго условія коренныхъ реформъ, какъ начертывается путь развитія демократіи и какъ антагонисты, Прудонъ и Марксъ, снова встрѣтились—въ либерализмѣ.

Будущее покажетъ, какъ община и другіе органы самоуправлѣнія будутъ исполнять свои задачи при полномъ осуществленіи демократіи и какъ далеко будутъ простираться эти задачи. Но вотъ что ясно: они будутъ экспериментировать тѣмъ больше и потому тѣмъ неудержимѣе впадать въ тѣмъ бòльшія ошибки, чѣмъ внезапнѣе они получатъ свободу, и

наоборотъ, они будутъ дѣйствовать тѣмъ осмотрительнѣе и практичнѣе и тѣмъ болѣе будутъ принимать во вниманіе всеобщее благо, чѣмъ дольше рабочая демократія пробудетъ въ школѣ самоуправленія.

Какъ ни проста кажется на первый взглядъ демократія, ставимыя ею проблемы вовсе не легко разрѣшаются въ такомъ сложномъ обществѣ, какъ наше. Стоитъ только прочесть въ Веббовскомъ трудѣ о трэдъ-юніонахъ, сколько приходилось и приходится еще дѣлать англійскимъ трэдъ-юніонамъ, чтобы найти цѣлесообразную форму для своего управленія и веденія дѣлъ; та же книга показываетъ, какъ многое для трэдъ-юніоновъ зависитъ отъ этого вопроса организаціи. Англійскіе трэдъ-юніоны могли развиваться въ этомъ отношеніи на полной свободѣ втеченіе болѣе 70 лѣтъ. Они начали съ элементарнѣйшей формы самоуправленія и на практикѣ должны были убѣдиться, что эта форма годится лишь для элементарнѣйшихъ организмовъ, для совсѣмъ мелкихъ мѣстныхъ союзовъ. По мѣрѣ того, какъ они росли, они постепенно отказывались отъ излюбленныхъ идей доктринерскаго демократизма (ограниченности полномочія, служащихъ безъ жалованья, безсильнаго центральнаго представительства); они научились созидать дѣеспособную демократію съ представительными собраніями, со служащими на жалованьи и полномочнымъ центральнымъ управленіемъ. Эта часть исторіи развитія «промышленной демократіи» въ высшей степени поучительна. Конечно, не все, что вѣрно о трэдъ-юніонахъ, примѣнимо и къ единицамъ національнаго правительственнаго организма, но многое примѣнимо. Соотвѣтствующая глава книги супруговъ Веббовъ есть часть ученія о демократическомъ управленіи, совпадающаго, между прочимъ, во многихъ пунктахъ съ выводами Каутскаго въ его книгѣ о непосредственномъ народномъ законодательствѣ. Изъ исторіи развитія трэдъ-юніоновъ видно, какъ существующее центральное правленіе—ихъ правительство—можетъ исходить прямо изъ раздѣленія труда, необходимаго въ силу пространственнаго протяженія организма и числа его членовъ. Возможно, что при дальнѣйшемъ развитіи эта централизація сдѣлается излишней. Покуда же и демократія не можетъ обойтись безъ нея. Какъ уже было сказано въ концѣ первой части этой главы, общинамъ большихъ городовъ и промышленныхъ центровъ невозможно взять въ собственное завѣдываніе всѣ мѣстныя промышленныя и торговыя предпріятія. Даже изъ практическихъ соображеній—не говоря ужъ о соображеніяхъ дешевизны, говорящихъ противъ этого, совершенно невѣроятно, чтобъ онѣ могли «экспропріировать» въ смутную минуту на скорую руку всѣ безъ исключенія предпріятія. Но если бы даже онѣ это сдѣлали (при чемъ въ большинствѣ случаевъ имъ бы осталась одна пустая шелуха), онѣ были бы вынуждены сдать массу дѣлъ въ аренду товариществамъ, все равно, будь то индивидуальныя товарищества или рабочіе союзы съ собственнымъ кооперативнымъ производствомъ [1]).

[1]) При этомъ во всякомъ случаѣ пришлось бы имѣть дѣло съ трудными проблемами. Стоитъ только вспомнить о многихъ сложныхъ предпріятіяхъ настоящаго времени, которыя занимаютъ каждое представителей всевозможныхъ профессій.

Въ каждомъ такомъ случаѣ должны бы быть приняты во вниманіе извѣстные интересы большинства въ отдѣльныхъ отрасляхъ; такимъ образомъ, всегда оставалось бы мѣсто для наблюдательной дѣятельности союзовъ. Особенно въ переходные періоды очень важно разнообразіе существующихъ органовъ.

Но мы такъ далеко еще не зашли и въ мои намѣренія вовсе не входитъ рисовать картину будущаго. Мнѣ важно не то, что случится въ далекомъ будущемъ, но то, что можетъ и должно произойти въ настоящемъ для этого настоящаго и для ближайшаго будущаго. И потому заключеніе изъ всѣхъ этихъ предположеній очень банально, а именно то, что завоеваніе демократіи, выработка политическихъ и экономическихъ органовъ ея есть необходимое условіе осуществленія экономическихъ реформъ. На это можно возразить, что надежды достигнуть этого безъ политической катастрофы въ Германіи незначительны, если не совершенно отсутствуютъ, что нѣмецкая буржуазія остановится все реакціоннѣе; все это можетъ до извѣстной степени быть вѣрнымъ, хотя многія явленія этому противорѣчатъ. Во всякомъ случаѣ такъ не можетъ долго продолжаться. То, что называютъ буржуазіей, есть сложный классъ, состоящій изъ разныхъ слоевъ съ очень различными, т.-е. отличающими одинъ отъ другого интересами. Эти слои держатся вмѣстѣ лишь до тѣхъ поръ, пока они одинаково притѣснены или пока имъ одинаково угрожаютъ. Въ данномъ случаѣ рѣчь можетъ итти, конечно, только о послѣднемъ, т. е. о томъ, что буржуазія образуетъ одно-

родную реакціонную массу, потому что всѣмъ ея элементамъ одинаково угрожаетъ соціалдемократія— однимъ ихъ матеріальнымъ, другимъ ихъ идеологическимъ интересамъ: ихъ религіи, патріотизму, ихъ желанію уберечь страну отъ ужасовъ насильственной революціи. Но соціалдемократія не угрожаетъ всѣмъ этимъ благамъ въ одинаковой степени и никому въ качествѣ отдѣльнаго лица; она сама ни въ коемъ случаѣ не мечтаетъ о насильственной революціи противъ всего не-пролетарскаго міра. Чѣмъ яснѣе это будетъ сказано и обосновано, тѣмъ скорѣе исчезнетъ этотъ общій страхъ, такъ какъ многіе элементы буржуазіи чувствуютъ себя притѣсненными противной стороной и охотнѣе согласятся на коренныя реформы. Но они могутъ оказаться ненадежными союзниками. Нельзя, однако, созидать надежныхъ союзниковъ, говоря имъ: мы вамъ поможемъ свергнуть врага, а затѣмъ свергнемъ васъ самихъ. Такъ какъ ни при какихъ обстоятельствахъ не можетъ быть и рѣчи объ общей и насильственной экспропріаціи, а только о постепенной реформѣ, то оставленіе устарѣлой легенды о насиліи и на словахъ не можетъ причинить демократическому развитію никакого ущерба.

Феодализмъ со своими застывшими сословными учрежденіями почти вездѣ долженъ былъ быть искорененъ насильственнымъ путемъ. Либеральныя учрежденія современнаго общества именно тѣмъ и отличаются отъ феодальныхъ, что они болѣе гибки, болѣе способны къ измѣненіямъ и къ развитію. Ихъ не приходится уничтожать, а только развивать. Для этого требуются организація и энергичная ра-

бота, а не непремѣнно революціонная диктатура. «Такъ какъ борьба классовъ имѣетъ цѣлью главнымъ образомъ уничтожить классовыя различія», писала недавно одна швейцарская газета: «то слѣдуетъ логически предположить такой періодъ, когда должно начаться осуществленіе этой цѣли, этого идеала. Это начало, эти одинъ за другимъ слѣдующіе періоды лежатъ уже заложенными въ нашемъ демократическомъ развитіи; оно идетъ намъ на помощь, чтобъ мало-по-малу замѣнить классовую борьбу инымъ порядкомъ вещей, чтобь поглотить ее въ себѣ». «Буржуазія, какого оттѣнка она бы ни была», говоритъ испанецъ Пабло Иглезіасъ, «должна убѣдиться, что мы не хотимъ насильно овладѣть властью при помощи тѣхъ средствъ, къ которымъ она когда-то сама прибѣгла, при помощи насилія и кровопролитія; мы хотимъ прибѣгать къ помощи законныхъ средствъ, данныхъ цивилизаціей».

Въ такомъ же духѣ высказывается и руководящій органъ англійской независимой рабочей партіи: «Labour-Leader», сочувственно отзываясь о замѣчаніяхъ Фольмара по поводу парижской коммуны. Никто, однако, не упрекнетъ этотъ органъ печати въ отсутствіи стойкости. Другая англійская газета «Clarion» сопровождаетъ слѣдующими комментаріями отрывокъ изъ моей статьи о теоріи переворота, съ которой редакція соглашается:

«Выработка настоящей демократіи есть—въ этомъ я увѣренъ—самая настоятельная и важная задача предстоящая намъ. Это урокъ, которому научила насъ наша десятилѣтняя борьба. Это ученіе, являющееся результатомъ моей политической опытности».

d) Ближайшія задачи будущаго.

Задачи всякой партіи опредѣляются цѣлымъ рядомъ факторовъ: состояніемъ общаго экономическаго, политическаго, интеллектуальнаго и нравственнаго развитія въ области ея дѣятельности, характеромъ партій, дѣйствующихъ рядомъ съ нею и противъ нея, имѣющимися у нея въ распоряженіи средствами и цѣлымъ рядомъ субъективныхъ идеологическихъ факторовъ, и прежде всего ея конечной цѣлью и ея пониманіемъ вѣрнѣйшаго пути для достиженія этой цѣли. Извѣстно, какія крупныя различія относительно первой стороны еще существуютъ въ различныхъ странахъ. Даже въ странахъ приблизительно одной и той же степени промышленнаго развитія мы встрѣчаемъ очень значительныя политическія различія и большую разницу во взглядахъ народныхъ массъ. Особенности географическаго положенія, вкоренившіяся привычки народной жизни, пережитки учрежденій и преданія всякаго рода создаютъ разницу въ идеологіяхъ, лишь медленно подчиняющихся вліянію этого промышленнаго развитія. Даже тамъ, гдѣ рабочія партіи исходили изъ тѣхъ же оснований, онѣ съ теченіемъ времени были принуждаемы приспособлять свою дѣятельность къ спеціальнымъ условіямъ своей страны. Поэтому въ настоящій моментъ можно опредѣлить общія основанія рабочей политики для всѣхъ странъ, но активная программа неодинаково годится для всѣхъ нихъ.

Демократія, какъ это доказывалось въ предыдущемъ раздѣлѣ главы, есть въ значительной степени основаніе соціалистическаго ученія—другими словами, она въ данномъ случаѣ есть не только средство, но и сама субстанція. Новѣйшее экономическое движеніе вообще не было бы возможнымъ безъ извѣстнаго развитія демократическихъ учрежденій и преданій, оно было бы только рабочимъ движеніемъ, но не стройной, опредѣленной партіей. Современное движеніе, какъ и его теоретическое обоснованіе, фактически являются результатомъ вліянія правовыхъ понятій на отношенія заработной платы и рабочаго времени промышленныхъ рабочихъ,—понятій, получившихъ общее значеніе во время великой французской революціи. Это движеніе существовало бы и безъ французской революціи, точно такъ же, какъ и до нея возникали различныя коммунистическія ученія. Но этотъ народный коммунизмъ отличался неопредѣленностью и былъ наполовину мистиченъ; рабочему движенію недоставало бы внутренней связи, разъ его основаніемъ не были бы тѣ правовыя учрежденія и институты, которые, по крайней мѣрѣ, бо́льшею частью являются неизбѣжными спутниками капиталистическаго развитія.

Что касается ближайшихъ требованій германской рабочей программы, то я вовсе не склоненъ предлагать здѣсь какія-нибудь измѣненія ея. Но я не считаю всѣ ея пункты одинаково важными и цѣлесообразными. Такъ, напр., на мой взглядъ безвозмездность суда и судебной защиты при современныхъ условіяхъ можно рекомендовать лишь въ

извѣстныхъ границахъ; хотя и должны быть приняты мѣры для того, чтобы сдѣлать ее доступной и для лицъ, лишенныхъ средствъ, но нѣтъ никакой настоятельной необходимости брать на государственный счетъ массу современныхъ гражданскихъ процессовъ и дѣлать адвокатуру вполнѣ государственнымъ учрежденіемъ. Такъ какъ, однако, современный законодатель, хотя и изъ другихъ соображеній, не хочетъ ничего знать о подобныхъ мѣропріятіяхъ, а будущій порядокъ потребовалъ бы полной реформы судоустройства, то съ этимъ требованіемъ программы можно было бы пока подождать.

Еще въ 1891 г. въ статьѣ о проектѣ программы я высказалъ очень опредѣленно свое сомнѣніе относительно цѣлесообразности этого требованія въ его теперешней формѣ, заявивъ, что соотвѣтствующій параграфъ программы даетъ «слишкомъ много и слишкомъ мало» (Neue Zeit, IX, 2, стр. 821). Статья принадлежитъ къ серіи, которую составляли тогда Карлъ Каутскій и я, при чемъ три первыя статьи—почти исключительно трудъ Каутскаго, а четвертая написана мною. Я процитирую два отрывка изъ нея, которые опредѣлятъ точку зрѣнія, которой я держался въ то время относительно практики соціалдемократіи, и которые дадутъ возможность судить, крупная ли съ тѣхъ поръ произошла перемѣна въ моихъ взглядахъ.

«Требовать содержанія всѣхъ лишенныхъ работъ на государственный счетъ значитъ брать на государственное иждивеніе не только того, кто не можетъ найти работы, но и того, кто ея не хочетъ искать... Не нужно, дѣйствительно, быть

анархистомъ, чтобы находить излишними вѣчные призывы къ государству... Мы хотимъ подчеркнуть утвержденіе, что современный пролетарій, хотя и бѣденъ, но не бѣднякъ (zwar arm, aber kein Armer ist). Въ этомъ различіи лежитъ цѣлый міръ, въ немъ сущность нашей борьбы, надежда на нашу побѣду».

«Формулу превращенія постояннаго войска въ народное ополченіе вмѣсто: народное ополченіе на мѣсто постояннаго войска мы предлагаемъ потому, что она опредѣляетъ цѣль и все-таки предоставляетъ партіи возможность въ настоящее время, когда распущеніе постояннаго войска еще не началось,—требовать цѣлаго ряда мѣропріятій, которыя, по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени уменьшатъ антагонизмъ между войскомъ и народомъ; таковы уничтоженіе особыхъ военныхъ судовъ, сокращеніе срока службы и т. д.» (стр. 819, 824, 825).

Такъ какъ въ новѣйшее время вопросъ «постоянное войско или милиція» сталъ предметомъ горячаго обсужденія, то будетъ умѣстно сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія по этому поводу.

Прежде всего мнѣ кажется, что вышеуказанная постановка вопроса невѣрна. Нужно говорить: правительственное или народное войско. Тогда политическая сторона вопроса будетъ ясна: рѣчь пойдетъ о томъ, должно ли войско быть орудіемъ правящихъ или вооруженной защитой націи, должно ли оно получать приказанія отъ короны или отъ народнаго представительства, должно ли оно присягать лицу, стоящему во главѣ націи или конституціи и народному представительству. Но во всякомъ случаѣ и

народное представительство не состоитъ изъ соціалистовъ, и конституція не демократична; такимъ образомъ, войско, подчиненное народному представительству, можетъ быть употреблено для цѣлей, ничего не имѣющихъ общаго съ интересами большинства. Но противъ такихъ возможностей нѣтъ спасительной формулы, пока вообще вооружена только часть націи, которая должна повиноваться представителямъ націи. Даже такъ называемое «всеобщее народное вооруженіе» было бы при современныхъ техническихъ условіяхъ, по моему, лишь иллюзіей защиты противъ организованной и вооруженной силы, если только составъ этой силы не обезпечиваетъ народъ отъ насилія—что все болѣе имѣетъ мѣсто при всеобщей воинской повинности—и вызывало бы только каждый разъ съ обѣихъ сторонъ безполезныя жертвы. Тамъ, гдѣ оно теперь было бы еще нужно, оно никогда не будетъ разрѣшено изъ политическихъ соображеній, а тамъ, гдѣ его разрѣшили бы, оно излишне. Насколько я желаю образованія сильнаго, безстрашнаго поколѣнія, настолько же мало разумнымъ кажется мнѣ всеобщее вооруженіе народа. Къ счастью, мы все болѣе привыкаемъ къ улаживанію политическихъ столкновеній, не прибѣгая къ пальбѣ.

Такова политическая сторона вопроса. Относительно технической (обученіе, срокъ службы и т. д.) я прямо признаю себя недостаточно компетентнымъ, чтобъ высказать окончательное мнѣніе. Историческіе примѣры, говорящіе за быстро организуемыя войска (революціонныя и освободительныя войны), не могутъ быть прямо перенесены на совершенно

измѣненныя условія современнаго способа веденія войны, а опыты, недавно сдѣланные добровольцами въ греко-турецкую и испано-американскую войны, не кажутся мнѣ фактами, съ которыми могла бы считаться Германія и которые примѣнять она могла бы немедленно. Если даже я думаю, что въ нашихъ кругахъ иногда преувеличиваютъ «опасность со стороны Россіи» или ищутъ ее тамъ, гдѣ ея, быть можетъ, меньше всего, все же я скажу, что страна, бо̀льшая часть населенія которой состоитъ изъ покорныхъ крестьянъ, всегда можетъ представлять опасность для сосѣдей. Въ такомъ случаѣ все дѣло заключается въ томъ, кто возможно быстрѣе можетъ перенести войну въ страну врага и тамъ ее вести, такъ какъ при современныхъ условіяхъ война въ собственномъ государствѣ—уже наполовину пораженіе. Вопросъ здѣсь, значитъ, въ томъ: обладаетъ ли милиція готовностью къ бою, сплоченностью и способностью къ мобилизаціи, чтобы предотвратить такую опасность, или для этого требуется продолжительное обученіе въ рядахъ дѣйствующихъ войскъ. Въ этомъ отношеніи я могу лишь сказать, что при должной подготовкѣ юношества къ воинскому дѣлу и устраненіи всѣхъ остатковъ парадной муштровки возможно значительное сокращеніе срока службы безъ нанесенія малѣйшаго ущерба боевой готовности націи. При этомъ, конечно, большую роль играетъ добрая воля лицъ, нынѣ стоящихъ во главѣ арміи, но на эту добрую волю можетъ значительно воздѣйствовать народное представительство своимъ вліяніемъ на военную организацію. Какъ и въ фабричномъ законодательствѣ, принудительное сокращеніе

срока службы сдѣлало бы здѣсь возможнымъ многое, что теперь считается «невозможнымъ» въ силу казарменнаго духа и военнаго сепаратизма. Такимъ образомъ,—если только признавать вообще значеніе за военной силой, готовой какъ къ нападенію, такъ и къ защитѣ,—то рядомъ съ неизбѣжными измѣненіями политическаго положенія войска первымъ вопросомъ является не тотъ, нужна ли милиція или нѣтъ, но тотъ, какое сокращеніе срока службы возможно немедленно и затѣмъ постепенно въ будущемъ, чтобъ не поставить Германію въ невыгодное положеніе относительно сосѣднихъ государствъ.

Но есть ли для соціалдемократіи, какъ для партіи рабочаго класса и мира, интересъ въ сохраненіи національной боевой готовности? Съ различныхъ точекъ зрѣнія представляетъ большой соблазнъ отвѣтить на вопросъ отрицательно, особенно если исходить изъ фразы «Коммунистическаго Манифеста» о томъ, что «у пролетарія нѣтъ отечества». Эта фраза могла относиться только къ безправнымъ, исключеннымъ изъ общественной жизни рабочимъ сороковыхъ годовъ, но теперь,—несмотря на столь усилившееся общеніе націй между собой,—значеніе этой фразы сильно уменьшилось и будетъ уменьшаться тѣмъ быстрѣе, чѣмъ больше рабочій изъ пролетарія будетъ превращаться въ гражданина (Bürger). Рабочій, ставшій равноправнымъ избирателемъ государства, общины и т. п. и потому участникомъ общаго достоянія націи, рабочій, дѣтей котораго воспитываетъ общество, о здоровьи котораго оно заботится, котораго оно охраняетъ отъ насилій,—

такой рабочій будетъ имѣть отечество, не переставая поэтому быть гражданиномъ міра, подобно тому, какъ націи сближаются, не переставая вести свою особую жизни. Можетъ казаться очень удобнымъ, чтобъ люди въ одинъ прекрасный день всѣ заговорили на одномъ общемъ языкѣ. Но сколько радости, какой источникъ наслажденія пропали бы при этомъ для людей будущаго. Полное уничтоженіе націй не есть вовсе что-то особенно желательное; осуществленія его нельзя и ожидать. Насколько мало желательно, чтобы вообще какая-нибудь культурная нація потеряла свою самостоятельность, настолько же не безразлично для соціалдемократіи, если нѣмецкій народъ, внесшій и вносящій крупную лепту въ культурную сокровищницу націй, въ ряду другихъ народовъ будетъ оттѣсненъ на задній планъ.

Теперь много говорятъ о захватѣ политической власти соціалдемократіей. Дѣйствительно, нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, по крайней мѣрѣ, что при той силѣ, которой она достигла теперь въ Германіи, она въ недалекомъ будущемъ вслѣдствіе какого-нибудь политическаго события будетъ играть тамъ рѣшающую роль. Но именно тогда, въ силу того, что сосѣдніе народы не зайдутъ еще такъ далеко,—она, подобно индепендентамъ англійской и якобинцамъ французской революціи,—если она захочетъ укрѣпить свою власть,—должна будетъ стать національной, т.-е. ей придется укрѣпить свое право быть руководящей партіей, руководящимъ классомъ, — тѣмъ, что она покажетъ себя въ состояніи

одинаково блюсти какъ классовые, такъ и національные интересы.

Я далеко при этомъ отъ всякаго шовинизма, къ которому я не имѣю никакой склонности; я пишу эти строки, лишь объективно изслѣдуя обязанности, которыя должны будутъ возникнуть для соціалдемократіи въ упомянутомъ положеніи. Интернаціональность я и теперь ставлю такъ же высоко, какъ и во всякое другое время и не думаю, чтобы въ изложенныхъ въ предыдущихъ строкахъ мысляхъ было высказано что-нибудь грѣшащее противъ нея. Только въ томъ случаѣ, если соціалдемократія будетъ ограничиваться одной доктринерской пропагандой и соціалистическими опытами, можетъ она сохранить чисто-критическое отношеніе къ національно-политическимъ вопросамъ. Но политическая дѣятельность уже сама по себѣ есть компромиссъ съ несоціалистическимъ міромъ и вынуждаетъ къ небезусловно соціалистическимъ мѣропріятіямъ. Уже теперь соціалисты демократическихъ государствъ охотно называютъ себя націоналистами и безъ колебаній говорятъ о національзаціи земли и т. д. вмѣсто того, чтобы ограничиваться выраженіемъ обобществленіе, которое гораздо неопредѣленнѣе и представляетъ собой скорѣе поневолѣ придуманное, чѣмъ наиболѣе подходящее слово.

Въ предыдущемъ уже въ принципѣ указана точка зрѣнія, на которую должна при существующихъ условіяхъ становиться соціалдемократія въ вопросахъ иностранной политики. Если рабочій еще и не вполнѣ полноправный гражданинъ, то все же онъ безправенъ не въ томъ смыслѣ, чтобы быть

равнодушнымъ къ національнымъ интересамъ. И если соціалдемократія еще не у власти, то все же она занимаетъ такое положеніе, которое налагаетъ на нее извѣстныя обязательства. Ея слову придается значеніе. При современномъ составѣ войска и полной неувѣренности въ психологическомъ дѣйствіи мелкокалиберной артиллеріи имперское правительство десять разъ подумаетъ, прежде чѣмъ рѣшится на войну, противъ которой рѣшительно выскажется соціалдемократія. Соціалдемократія можетъ сказать очень вѣское, если не рѣшающее слово въ пользу мира и безъ знаменитой общей стачки и будетъ дѣлать это по старому девизу интернаціонала такъ часто и энергично, какъ это окажется нужнымъ и возможнымъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда возникаютъ конфликты съ другими націями и гдѣ прямое соглашеніе невозможно, она будетъ, сообразно своей программѣ, вступаться въ пользу ихъ разрѣшенія третейскимъ разбирательствомъ. Но ничего не заставитъ ее ратовать за отреченіе отъ соблюденія германскихъ интересовъ настоящаго или будущаго, разъ иностранные шовинисты станутъ проявлять явную враждебность. Тамъ, гдѣ со стороны Германіи рѣчь идетъ не только о частныхъ интересахъ отдѣльныхъ общественныхъ группъ, интересахъ, не имѣющихъ ничего общаго съ народнымъ благосостояніемъ, гдѣ дѣло касается дѣйствительно важныхъ интересовъ націи,—тамъ интернаціонализмъ не можетъ вести къ уступчивости передъ иностранными требованіями.

Все сказанное не есть какое нибудь - новое пониманіе вопроса, а лишь резюме соображеній, лежащихъ въ основѣ всѣхъ почти заявленій Маркса, Энгельса и Лассаля по вопросамъ внѣшней политики. Точно также это не есть настроеніе, угрожающее миру, который, напротивъ того, имъ рекомендуется. Въ настоящее время народы не такъ-то легко рѣшаются на войну и при извѣстныхъ обстоятельствахъ рѣшительный образъ дѣйствія можетъ оказать миру бо́льшую услугу, чѣмъ продолжительная уступчивость.

Доктрина европейскаго равновѣсія многими считается теперь устарѣвшей, но это вѣрно лишь относительно ея старой формы. Но въ измѣненномъ видѣ равновѣсіе силъ играетъ еще большую роль при разрѣшеніи спорныхъ международныхъ вопросовъ. Успѣхъ или неуспѣхъ извѣстнаго мѣропріятія зависитъ обыкновенно отъ того, какая комбинація державъ высказывается за него. Стремленіе обезпечить себѣ въ такихъ случаяхъ право голоса я считаю задачей нѣмецкой имперской политики, а стремленіе къ принципіальному протесту противъ такой политики—не входящимъ въ кругъ обязанностей соціалдемократіи.

Возьмемъ опредѣленный случай. Аренда Кіаучжоуской бухты вызвала въ свое время отрицательное къ ней отношеніе со стороны германской соціалистической прессы. Насколько эта критика относилась къ условіямъ, при которыхъ совершалась эта аренда, она была правомъ, даже долгомъ соціалдемократической прессы. Не менѣе правиленъ былъ протестъ противъ политики раздѣла Китая, такъ какъ такой раздѣлъ вовсе не въ интересахъ Германіи. Но если нѣкоторые органы печати пошли дальше и за-

являли, что партія должна была бы принципіально и при всякихъ условіяхъ осуждать пріобрѣтеніе бухты, то съ этимъ я никакихъ не могу согласиться.

Нѣмецкій народъ нисколько не заинтересованъ въ томъ, чтобы Китай былъ раздѣленъ и чтобы Германія была удовлетворена клочкомъ его территоріи, но онъ сильно заинтересованъ въ томъ, чтобъ Китай не былъ расхищенъ другими народами. Для Германіи очень важно, чтобъ китайская торговая политика была подчинена не какому-нибудь одному иностранному государству или коалиціи ихъ,—короче сказать, чтобъ относительно всѣхъ вопросовъ, касающихся Китая, Германія имѣла бы рѣшающій голосъ. Ея торговля съ Китаемъ требуетъ такого права вмѣшательства. Если пріобрѣтеніе Кіау-чжоуской бухты было средствомъ обезпечить себѣ это право или усилить его—а что это было такъ, едва ли можно спорить—въ этомъ, по-моему, основаніе для соціалдемократіи принципіально не высказываться противъ него. Если не говорить о способѣ, какъ совершалось это завоеваніе, и о хорошихъ словахъ, его сопровождавшихъ, то оно не было бы еще худшимъ актомъ иностранной политики Германіи.

Дѣло идетъ объ обезпеченіи свободной торговли съ Китаемъ и внутри его. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что и безъ этого пріобрѣтенія Китай все въ ускоряющейся прогрессіи втягивался бы въ кругъ капиталистическаго хозяйства. Слѣдовательно, вопросъ былъ только въ томъ, должна ли была Германія спокойно смотрѣть на то, какъ Китай мало-по-малу попадалъ бы все въ бóльшую зависимость отъ другой державы, или она должна была

обезпечить себѣ такое положеніе, на основаніи котораго можно было бы и при нормальныхъ условіяхъ во всякое время сдѣлать чувствительнымъ свое вліяніе на ходъ дѣлъ въ Китаѣ, вмѣсто того, чтобы довольствоваться запоздалымъ протестомъ. Постольку пріобрѣтеніе Кіау-чжоуской бухты является лишь пріобрѣтеніемъ гарантіи будущихъ интересовъ Германіи въ Китаѣ. Такъ должны бы всѣ смотрѣть на этотъ вопросъ и это не влекло бы за собой ни малѣйшаго отступленія отъ принциповъ.

Но при неотвѣтственномъ веденіи иностранной политики Германіи не можетъ быть и рѣчи о положительной поддержкѣ соціалдемократіи, а только о правильномъ обоснованіи отрицательнаго ея отношенія къ этой политикѣ. Безъ гарантіи того, что такія предпріятія не будутъ использованы, безъ вѣдома народнаго представительства, въ иныхъ, кромѣ поставленныхъ, цѣляхъ, только какъ средство достиженія какого-нибудь мелкаго, временнаго успѣха, вредящаго величайшимъ интересамъ будущаго—безъ такого ручательства соціалдемократія не можетъ взять на себя никакой отвѣтственности за мѣропріятія внѣшней политики.

Итакъ, какъ видно, данное мной правило для опредѣленія отношенія въ вопросахъ внѣшней политики совпадаетъ на практикѣ соціалдемократовъ съ ихъ наблюдательнымъ отношеніемъ. Мнѣ не приходится излагать здѣсь, насколько оно согласуется въ своихъ основныхъ положеніяхъ съ царящими въ партіи воззрѣніями.

Въ общемъ, во всѣхъ этихъ вопросхъ преданіе играетъ значительно бóльшую роль, чѣмъ мы

думаемъ. Придавать лишь ничтожное значеніе уже совершившимся измѣненіямъ свойственно всѣмъ партіямъ, стремящимся впередъ. Ихъ глазъ всегда устремленъ на то, что еще не измѣнилось; это—тенденція, очень удобная для установленія конечной цѣли стремленій. Но партіи, проникнувшіяся такимъ отношеніемъ, легко пріобрѣтаютъ привычку дольше, чѣмъ нужно или полезно, держаться устарѣвшихъ сужденій, самое обоснованіе которыхъ значительно измѣнилось. Онѣ просматриваютъ или недостаточно цѣнятъ эти измѣненія; онѣ всегда больше заботятся о фактахъ, подкрѣпляющихъ эти выводы, чѣмъ изслѣдуютъ на основаніи всей совокупности относящихся сюда фактовъ, не обратились ли между тѣмъ эти сужденія въ предубѣжденія?

Такой политическій апріоризмъ играетъ, какъ мнѣ кажется, большую роль и въ обсужденіи вопроса о колоніяхъ.

Для рабочаго движенія въ настоящее время принципіально все равно, имѣетъ ли или нѣтъ успѣхъ новая колонія. Представленіе, что расширеніе колоній препятствуетъ распространенію этого движенія, основано на очень устарѣлой идеѣ, что осуществленіе коренныхъ реформъ зависитъ отъ прогрессирующаго уменьшенія числа лицъ, вполнѣ обезпеченныхъ, и усиливающагося обѣднѣнія массъ. Что первый взглядъ относится къ области сказокъ, было уже доказано выше, а теорія обѣдненія оставлена теперь почти всѣми, если не со всѣми выводами и не вполнѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, что ее теперь подвергаютъ всяче-

скимъ толкованіямъ [1]). Но если бы даже она была вѣрна, то колоніи, о которыхъ теперь идетъ рѣчь, еще далеко не въ состояніи вліять на соціальное положеніе, въ томъ смыслѣ, чтобы онѣ хотя бы на одинъ годъ могли замедлить ходъ серьезныхъ реформъ. Въ этомъ отношеніи германской соціалдемократіи совершенно нечего опасаться колоніаль-

---

[1]) Подобный опытъ толкованія Г. Куновъ дѣлаетъ въ своей статьѣ о переворотѣ. Если Марксъ въ концѣ перваго тома «Капитала» говоритъ о «все увеличивающейся массѣ нищеты», возникающей вмѣстѣ съ ростомъ капиталистическаго производства, то, по его мнѣнію, подъ этимъ нужно понимать, «не абсолютную реакцію въ одномъ экономическомъ положеніи рабочихъ», а «реакцію лишь его общественнаго положенія сравнительно съ прогрессирующимъ развитіемъ, т.-е. сравнительно съ увеличеніемъ продуктивности и повышеніемъ общихъ культурныхъ потребностей». Понятіе бѣдности не является чѣмъ-то опредѣленнымъ и неподвижнымъ. «То, что какому-нибудь рабочему опредѣленной категоріи, отдѣленному отъ своего работодателя глубокой разницей въ образованіи кажется завиднымъ положеніемъ,—то квалифицированному рабочему въ другой отрасли, умственно, можетъ быть, превосходящему своего хозяина, можетъ показаться «нищетой и угнетеніемъ», противъ которыхъ онъ рѣшительно запротестуетъ».

Къ сожалѣнію, въ данномъ мѣстѣ Марксъ говоритъ не только о растущихъ нищетѣ и угнетеніи, но также о «рабствѣ, вырожденіи и эксплуатаціи». Понимать ли эту фразу въ буквальномъ смыслѣ? Или принимать вырожденіе рабочихъ лишь какъ вырожденіе относительное—сравнительно съ повышеніемъ общаго уровня жизни? Я не склоненъ къ такому пониманію, да и Куновъ, вѣроятно, тоже. Нѣтъ, въ данномъ мѣстѣ Марксъ говоритъ вполнѣ опредѣленно: «Постоянное уменьшеніе числа капиталистовъ-магнатовъ, узурпирующихъ всѣ выгоды» капиталистическаго процесса превращенія», и увеличеніе «массы нищеты, угнетенія» и т. д. и т. д. («Капиталъ», I томъ, глава 24. 7, стр. 646. Изданія О. Н. Поповой).

ной политики. А такъ какъ развитіе колоній, пріобрѣтенныхъ Германіей (это относится также и къ тѣмъ, которыя она могла-бы пріобрѣсти), требуетъ столько времени, что еще долго не будетъ рѣчи о дѣйствительномъ обратномъ воздѣйствіи ихъ на соціальныя отношенія Германіи,—то нѣмецкая соціалдемократія можетъ относиться къ колоніальному вопросу безъ предвзятаго мнѣнія. Не можетъ быть также рѣчи о серьезномъ вліяніи владѣнія колоніями и на германскія политическія отношенія. Морской шовинизмъ, напримѣръ, находится въ тѣсной связи съ колоніальнымъ шовинизмомъ и черпаетъ въ немъ извѣстную силу. Но онъ существовалъ бы и безъ него, точно такъ же, какъ Германія имѣла свой флотъ еще задолго до помышленій о пріобрѣтеніи колоній. Нельзя, однако, не отмѣтить, что эта связь является очень удобнымъ основаніемъ для оправданія рѣшительной борьбы съ колоніальной политикой.

Вообще же при пріобрѣтеніи колоній слѣдуетъ всегда строго изслѣдовать ихъ цѣнность и ихъ виды на будущее и точно контролировать обра-

---

На этомъ противопоставленіи можно обосновывать теорію переворота, но этого нельзя сдѣлать на основаніи нравственнаго страданія, вызываемаго подчиненіемъ неразвитымъ служащимъ, съ чѣмъ можно встрѣтиться въ любой канцеляріи.

Между прочимъ, для меня является нѣкоторымъ удовлетвореніемъ видѣть, что Куновъ можетъ примирить съ дѣйствительностью фразы, на которыхъ основывается теорія переворота, только благодаря тому, что въ одну кучу валитъ рабочихъ различныхъ категорій съ совершенно различными соціальными понятіями. Что же, это тоже «англійскіе рабочіе»?

щеніе съ туземцами и вообще все управленіе. Но нельзя дѣлать общаго заключенія о предосудительности вообще пріобрѣтенія колоній.

Политическое положеніе соціалдемократіи не позволяетъ ей относиться къ этимъ дѣламъ иначе, чѣмъ критически. На вопросъ же, нуждается ли теперь Германія въ колоніяхъ, можно съ правомъ отвѣтить отрицательно. Но и будущее имѣетъ на насъ свои права. Если мы примемъ въ соображеніе, что Германія въ настоящее время ежегодно ввозитъ все возрастающее количество колоніальныхъ продуктовъ, то мы должны признать, что можетъ настать время, когда было бы желательно, чтобы хотя бы часть этихъ продуктовъ ввозилась изъ собственныхъ колоній. Мы можемъ представлять себѣ ходъ развитія въ Германіи настолько быстрымъ, насколько это только возможно; но все же мы не можемъ закрывать глазъ на то, что цѣлому ряду другихъ государствъ нужно еще много времени, чтобы перейти къ иному экономическому строю. И если не предосудительно пользоваться плодами тропическихъ растеній, то не можетъ быть предосудительнымъ и культивировать ихъ самимъ. Рѣшающимъ здѣсь является не самый фактъ, а вопросъ, какъ онъ происходитъ. Не является необходимостью, чтобы занятіе тропическихъ странъ европейцами непремѣнно наносило вредъ туземцамъ. Кромѣ того, это и не было до сихъ поръ общимъ правиломъ. Затѣмъ, право дикихъ на занимаемую ими территорію можетъ признаваться лишь условно. Въ крайнемъ случаѣ—на сторонѣ высшей культуры здѣсь и высшее право. Не захватъ земли, но обработка ея

даетъ историческое основаніе права на пользованіе ею [1]).

Такова основная точка зрѣнія, которая, по-моему, должна быть руководящей для соціалдемократіи въ вопросахъ колоніальной политики. На практикѣ онѣ не вызвали бы никакихъ значительныхъ измѣненій въ голосованіяхъ партій; но вѣдь дѣло, повторяю, не только въ томъ, какъ подавались въ данномъ случаѣ голоса, но также и въ томъ, на чемъ было обосновано это голосованіе.

Въ соціалдемократіи есть люди, которымъ всякая защита національныхъ интересовъ кажется шовинизмомъ или забвеніемъ интернаціональности и классовой политики пролетаріата. Какъ въ свое время знаменитое заявленіе Бебеля, что въ случаѣ войны со стороны Россіи соціалдемократія должна выставить и своихъ людей на защиту Германіи, признавалось Домелой Ньювенгюисомъ шовинистскимъ, такъ и теперь г. Бельфортъ Баксъ находитъ предосудительнымъ подобное заявленіе Г. М. Гайндмана [2]). Къ этому нужно прибавить, что не всегда

[1]) «Даже цѣлое общество, нація, какъ и всѣ современныя общества, вмѣстѣ взятыя—не собственники земли. Онѣ только ея владѣльцы, онѣ только пользуются ею и оставляютъ ее какъ boni patres familias слѣдующимъ поколѣніямъ для улучшенія». (Марксъ «Капиталъ» т. III).

[2]) Гайндманъ очень рѣшительно высказываетъ мысль, что Англія нуждается для защиты ввоза своихъ жизненныхъ средствъ въ военномъ флотѣ, достаточно сильномъ, чтобы бороться со всякой комбинаціей противниковъ. «Наше существованіе, какъ націи свободныхъ людей, зависитъ отъ нашего владычества на морѣ. Этого нельзя сказать ни про какой другой современный народъ. Хотя мы лично и естественные враги вооруженій, но мы все-таки должны признавать факты». («Justice» 31-го декабря 1889 г.).

легко опредѣлить границы, гдѣ прекращается право на защиту интересовъ національной собственности и гдѣ оно переходитъ въ ложный патріотизмъ; но вѣрное средство противъ преувеличеній въ одну сторону лежитъ, конечно, не въ еще бо̀льшихъ преувеличеніяхъ въ другую. Его скорѣе слѣдуетъ искать въ постоянномъ обмѣнѣ мыслей между демократіями культурныхъ странъ и въ поддержкѣ всего, что работаетъ въ пользу мира.

Возвратимся, однако, къ вопросу ближайшихъ требованій партійной программы. Если нѣкоторыя изъ этихъ требованій относительно агитаціи и парламентской дѣятельности партіи до сихъ поръ совершенно не выставлялись или выставлялись только частью, то относительно другихъ часто цѣль опредѣляется шире, чѣмъ того требовала программа. Такъ, напр., она требуетъ, чтобъ былъ запрещенъ промышленный трудъ дѣтей моложе 14 лѣтъ, а въ 1897 г. на Цюрихскомъ конгрессѣ охраненія труда выставленъ былъ 15-лѣтній возрастъ, какъ минимальный предѣлъ для промышленной работы дѣтей; нѣкоторымъ соціалистамъ и это еще кажется недостаточнымъ. Между тѣмъ мое убѣжденіе таково, что при современныхъ условіяхъ на такое повышенія возраста нельзя смотрѣть, какъ на улучшеніе. Если время работы такъ ограничено, что она безъ вреда переносится молодыми организмами и оставляетъ достаточно времени для игръ, отдыха и внѣшкольнаго образованія, то участіе въ производитель-

номъ трудѣ молодыхъ людей, достигшихъ 14-лѣтняго возраста, не такое уже зло, чтобы было необходимо всеобщее запрещеніе его. Все зависитъ отъ характера и обстановки работы, что, кстати, уже признаетъ законодательство, въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства совершенно запрещая занятія юношей-рабочихъ, а въ другихъ точно опредѣляя то время дня, въ теченіе котораго они могутъ работать. Раціональное развитіе охраны юношества я вижу не въ механическомъ ограниченіи предѣльнаго возраста для промышленнаго труда, а въ дальнѣйшемъ развитіи нормировки рабочаго времени и въ улучшеніяхъ въ образовательной системѣ.

Всѣми уже, впрочемъ, признана связь этого вопроса со школьнымъ. Чтобы получить удовлетворительные результаты, вопросъ объ юношескомъ трудѣ нужно регулировать исходя изъ школы и въ связѣ съ нею [1]). Промышленный трудъ можетъ быть за-

[1]) Въ сочиненіи: «Какъ это можетъ быть сдѣлано» англійскій инженеръ Джонъ Ричардсонъ излагаетъ проектъ реформы, согласно которой обученіе до 21 года обязательно и безплатно. Но, начиная съ 14 лѣтъ, 4 часа ежедневно, а съ 19 лѣтъ—6 часовъ должны быть посвящаемы производительному труду. Здѣсь и въ различныхъ другихъ частяхъ проекта авторъ (какъ мало ни считается онъ съ экономическими трудностями дѣла) во всякомъ случаѣ исходитъ изъ чрезвычайно разумныхъ основаній. «Если соціальная реформа разсчитываетъ на успѣхъ», пишетъ онъ, «она должна удовлетворять слѣдующимъ условіямъ: во-первыхъ, она должна быть осуществима, т.-е. она должна считаться съ человѣческой природой, такой, какой она есть, а не какой должна быть; во-вторыхъ, она не должна требовать никакихъ насильственныхъ и внезапныхъ измѣненій въ устройствѣ общества; въ-третьихъ, дѣйствіе каждый разъ должно быть непосредственнымъ и вѣрнымъ, примѣненіе же должно наступать постепенно; въ-четвертыхъ, разъ

прещенъ тамъ, гдѣ онъ вредитъ здоровью и духовно-нравственнымъ и воспитательнымъ задачамъ школы; ко всякому же общему запрещенію, не касающемуся школьнаго возраста, нужно относиться вполнѣ отрицательно. Совершенно напрасно примѣшиваютъ къ этому вопросу такія экономическія соображенія, какъ ограниченіе производства или конкурренцію рабочихъ. Напротивъ того, слѣдовало бы въ настоящее время держаться мнѣнія, что производительный или, употребляя болѣе точное выраженіе, общественно-необходимый трудъ обладаетъ высоко воспитательнымъ значеніемъ и уже по тому одному не можетъ считаться явленіемъ, само по себѣ вызывающимъ съ собой борьбу.

Вопросъ дополненія партійной программы имѣетъ теперь гораздо бо̀льшее значеніе, чѣмъ вопросъ повышенія уже существующихъ въ программѣ требованій. Въ этомъ отношеніи практика поставила на очередь цѣлый рядъ вопросовъ, которые при составленіи программы частью считались лежащими еще слишкомъ далеко, чтобы соціалдемократія спеціально занималась ими, частью же ихъ значеніе не признавалось достаточно важнымъ. Сюда относятся: аграрный вопросъ, вопросъ общинной политики, вопросъ о коопераціяхъ и различные вопросы

введенная, она должна функціонировать продолжительно и автоматически; въ-пятыхъ, ея дѣйствіе должно соотвѣтствовать требованіямъ справедливости, ея осуществленіе—требованіямъ умѣренности и, въ-шестыхъ, она должна быть эластична, т.-е. допускать постоянныя расширенія, измѣненія и совершенствованія». («Howit can bedone or Cons tructive socialism». London. The tuentieth Century Press).

промышленнаго права. Быстрый ростъ соціалдемократіи въ теченіе восьми лѣтъ послѣ изданія партійной программы, ея вліяніе на внутреннюю политику сдѣлали необходимымъ болѣе близкое знакомство со всѣми этими вопросами, а это, какъ и опыты другихъ странъ, существенно измѣнило нѣкоторые взгляды, когда-то державшіеся относительно ихъ.

Что касается аграрнаго вопроса, то даже тѣ, кто считаетъ крестьянское хозяйство обреченнымъ на гибель, значительно измѣнили теперь свое мнѣніе о времени наступленія этой гибели. Въ новѣйшихъ дебатахъ по поводу аграрной политики, которой должна держаться партія, проявились очень крупныя разногласія относительно этого пункта, но принципіально всѣ они касаются сомнѣнія, должна ли партія и, если да, то до какой степени оказывать поддержку противъ капитализма крестьянамъ, какъ таковымъ, т.-е. самостоятельнымъ сельскимъ предпринимателямъ.

Этотъ вопросъ легче поставить, чѣмъ отвѣтить на него. То, что широкая масса крестьянъ, если они даже и не наемные рабочіе, все же принадлежитъ къ рабочему классу, приближаетъ ихъ къ наемнымъ рабочимъ. Съ другой стороны, эти крестьяне составляютъ въ Германіи такую значительную часть населенія, что въ очень многихъ округахъ при выборахъ ихъ голоса оказываются рѣшающими для побѣды капиталистической или соціалистической партій. Если соціалдемократія не хотѣла или не хочетъ ограничиться тѣмъ, чтобъ быть рабочей партіей въ томъ смыслѣ, чтобы въ сущности быть лишь политическимъ дополненіемъ

рабочихъ союзовъ, то она должна подумать о томъ, какъ бы заинтересовать, по крайней мѣрѣ, большую часть крестьянъ въ побѣдѣ ея кандидатовъ. Для массы мелкихъ крестьянъ дѣло еще долго будетъ заключаться лишь въ томъ, чтобы проводились мѣропріятія, непосредственно приносящія имъ облегченіе или обѣщающія улучшенія въ ближайшемъ будущемъ. Но законодательство во многихъ клонящихся къ этому мѣропріятіяхъ не можетъ дѣлать различія между мелкими и средними крестьянами и, съ другой стороны, оно не можетъ помогать крестьянину, какъ гражданину и рабочему, не поддерживая его въ то же время, по крайней мѣрѣ, косвенно и въ качествѣ «предпринимателя».

Это сказывается, между прочимъ, въ программѣ аграрной политики, которую Каутскій излагаетъ подъ рубрикой «Нейтрализація крестьянства» въ концѣ своего сочиненія объ аграрномъ вопросѣ. Каутскій убѣдительно доказываетъ, что даже въ случаѣ коренныхъ формъ строя не будетъ причинъ усиленно хлопотать объ уничтоженіи крестьянскихъ хозяйствъ, но въ то же время онъ является рѣшительнымъ противникомъ мѣропріятій, ставящихъ себѣ цѣлью «охрану крестьянина», въ смыслѣ искусственнаго сохраненія крестьянина въ качествѣ производителя. Онъ предлагаетъ цѣлый рядъ реформъ (т.-е. считаетъ возможнымъ поддерживать ихъ), облегчающихъ положеніе сельскихъ общинъ и увеличивающихъ источники ихъ доходовъ. Но какому классу прежде всего будутъ выгодны эти мѣропріятія? Судя по собственному изложенію Каутскаго, — крестьянамъ. Дѣло въ томъ,

что, какъ Каутскій заявляетъ въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія, даже при существованіи всеобщаго права голоса въ деревнѣ не можетъ быть и рѣчи о серьезномъ вліяніи пролетаріата на дѣла общины; къ тому же пролетаріатъ тамъ слишкомъ изолированъ, слишкомъ неразвитъ, слишкомъ зависимъ отъ немногихъ работодателей, контролирующихъ его шаги. «Нечего и думать объ иной общинной политикѣ, кромѣ той, которая ведется въ интересахъ землевладѣнія». Такъ же мало можно думать о «современномъ сельскомъ хозяйствѣ, находящемся въ рукахъ общины, о кооперативномъ сельско-хозяйственномъ крупномъ производствѣ, состоящемъ въ завѣдываніи сельской общины». («Agrarfrage», стр. 337—338). Поскольку это вѣрно, постольку такія мѣропріятія, какъ «присоединеніе охотничьихъ участковъ большихъ имѣній къ сельскимъ общиннымъ землямъ», «взятіе на себя государствомъ заботы о школахъ, о бѣдныхъ и о путяхъ сообщенія», очевидно способствовали бы улучшенію экономическаго положенія крестьянъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и закрѣпленію ихъ собственности; въ сущности это была бы та же «охрана крестьянства».

Я готовъ высказаться за такую охрану при наличности двухъ условій: чтобы этой охранѣ соотвѣтствовала и энергичная охрана сельскихъ рабочихъ и—что и безъ того является необходимымъ условіемъ ея существованія—чтобы демократія преобладала и въ государствѣ, и въ общинѣ [1]). И

[1]) Я не говорю здѣсь о техническихъ вопросахъ управленія, связанныхъ съ этими вопросами. Конечно, было бы безсмыслицей

то, и другое условіе имѣетъ въ виду и Каутскій. Но онъ слишкомъ низко цѣнитъ значеніе, которымъ сельскіе рабочіе могутъ пользоваться въ демократизированной сельской общинѣ. Сельскіе рабочіе такъ безпомощны, какъ онъ ихъ описываетъ, лишь въ общинахъ, расположенныхъ въ совершенной глуши; число же ихъ становится все болѣе незначительнымъ. Вообще сельскій рабочій (Каутскій самъ сообщаетъ достаточно данныхъ, подтверждающихъ это мнѣніе) теперь уже довольно хорошо сознаетъ свои интересы, а при всеобщемъ правѣ голоса будетъ дѣлать это все лучше. Кромѣ того, въ большинствѣ общинъ существуетъ антагонизмъ интересовъ между самими крестьянами; зачастую ремесленники и мелкіе торговцы являются въ сельской общинѣ элементами, во многихъ вопросахъ имѣющими общіе интересы съ сельскими рабочими, а не съ крестьянской аристократіей. Отсюда тотъ выводъ, что лишь въ немногихъ отдѣльныхъ случаяхъ сельскіе рабочіе въ одиночествѣ будутъ противостоять сомкнутой «реакціонной массѣ». Демократію въ связи съ вліяніемъ крупныхъ измѣненій въ путяхъ сообщенія и съ техническими измѣне-

налагать на одинъ и тотъ же органъ—на государство—обязанность производить продукты, а другому, общинѣ, предоставить неограниченное право пользованія этими продуктами. Либо государство, какъ органъ, добывающій средства, должно бы располагать широкимъ правомъ финансоваго контроля надъ расходами общинъ, либо общины должны бы взять на себя хотя бы часть названныхъ расходовъ, такъ что нецѣлесообразныя издержки ложились бы и на нихъ. Что касается меня, то я держусь того мнѣнія, что государство должно быть лишь субсидирующимъ, а не непосредственно расходующимъ финансовымъ органомъ.

ніями въ крестьянскомъ хозяйствѣ я считаю могущественными рычагами эмансипаціи сельскихъ рабочихъ.

Впрочемъ, фактически программа Каутскаго главнымъ образомъ и именно въ тѣхъ пунктахъ, которымъ онъ придаетъ наибольшее значеніе, представляетъ собой лишь примѣненіе требованій буржуазной (bürgerlich) демократіи къ аграрнымъ отношеніямъ. Изъ предъидущаго ясно, что въ моихъ устахъ это во всякомъ случаѣ не порицаніе. Но этимъ я и не говорю чего-нибудь большаго, чѣмъ то сказалъ бы самъ Каутскій. Онъ думаетъ даже, что его программѣ можно отказать въ названіи соціалдемократической аграрной программы, потому что ея требованія въ пользу сельскихъ рабочихъ, касающіяся сельскаго самоуправленія, существеннѣйшей своей частью заключаются уже въ требованіяхъ охраны рабочихъ и въ ближайшихъ политическихъ требованіяхъ соціалдемократіи; другіе же пункты, кромѣ требованія обращенія въ государственную собственность лѣсовъ и водъ, являются не болѣе, какъ «мелкими средствами», которыя, съ другой стороны, отчасти уже исполнены и относительно которыхъ соціалдемократія отличается отъ другихъ партій только рѣшительностью, съ которой она всегда выступаетъ въ защиту общихъ интересовъ противъ частныхъ. Между тѣмъ, признаніе извѣстнаго характера за программой зависитъ не отъ важности отдѣльныхъ требованій, а отъ характера и важности суммы всѣхъ требованій, какъ бы ни называлась программа.

Я отказываюсь разсматривать во всѣхъ деталяхъ

программу Каутскаго, съ которою я, какъ уже было сказано, принципіально вполнѣ согласенъ, но я не могу не высказать нѣкоторыхъ замѣчаній по ея поводу. По-моему, какъ я уже говорилъ, главныя задачи, которыя относительно населенія лежатъ на рабочей партіи, раздѣляются на три группы, а именно: 1) Уничтоженіе всѣхъ остатковъ феодальнаго землевладѣнія и борьба за демократію въ общинахъ и округахъ, т.-е. борьба за уничтоженіе маіоратовъ, охотничьихъ привилегій и т. д. По мнѣнію Каутскаго, это можно сдѣлать путемъ введенія полнѣйшаго самоуправленія въ общинахъ и округахъ; слово «полнѣйшій» кажется мнѣ неудачно выбраннымъ и я замѣнилъ бы его выраженіемъ «демократическій»: превосходныя степени почти всегда ведутъ къ ошибкамъ. «Полнѣйшее самоуправленіе» можетъ относиться къ его участникамъ и въ такомъ случаѣ это понятіе гораздо лучше передается выраженіемъ «демократическое самоуправленіе». Но относительно объема права распоряженія это означало бы абсолютизмъ общины, что несоединимо съ представленіемъ о здравой демократіи. Надъ общиной царитъ общее національное законодательство, поручающее ей спеціальныя функціи и охраняющее общую выгоду передъ частной. 2) Защита и облегченіе положенія классовъ, занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Въ эту рубрику входитъ охрана рабочихъ въ болѣе узкомъ смыслѣ: отмѣна теперяшняго закона о домашнихъ слугахъ, ограниченіе рабочаго времени различныхъ категорій наемныхъ рабочихъ, санитарная полиція, поднятіе уровня образованія и вообще мѣропріятія,

облегчающія положеніе мелкихъ крестьянъ, какъ плательщиковъ податей. Требованіе Каутскаго относительно запрещенія работы молодыхъ людей между 7 ч. вечера и 7 ч. утра кажется мнѣ нецѣлесообразнымъ. Въ лѣтніе мѣсяцы это означало бы перенесеніе работы съ утреннихъ часовъ на самое жаркое время дня, когда теперь обыкновенно не работаютъ. Лѣтомъ въ деревнѣ вообще рано поднимаются и при жатвѣ нѣкоторыя работы надо рано начинать [1]). Нормальный рабочій день въ деревнѣ не можетъ быть проведенъ такъ же, какъ въ промышленности. Его осуществленіе возможно, какъ это признаетъ и самъ Каутскій, только при помощи распредѣленія работъ, установленнаго для всего ихъ годового цикла, считающагося съ характеромъ различныхъ, зависящихъ отъ погоды и т. д., сезонныхъ работъ.

Этотъ планъ установитъ средній максимумъ рабочаго времени, допустимаго для молодыхъ и взрослыхъ рабочихъ. Нормальный рабочій день въ 8 часовъ для взрослыхъ долженъ соотвѣтствовать нормальному рабочему дню въ 6 часовъ для подростковъ. Уничтоженіе абсолютизма собственности и развитіе кооперацiи. Сюда относятся такія требованія, какъ «ограниченіе правъ частной собственности на землю съ цѣлью: 1) уничтоженія черезполосицы, 2) улучшенія культуры земли, 3) предохраненія отъ заразы». (Каутскій). «Пониженіе чрезмѣрныхъ арендныхъ цѣнъ при посредствѣ спеціально учрежденныхъ судовъ». (Каутскій). Постройка общинами здоровыхъ и удобныхъ жилищъ для рабочихъ. «Облегченіе законодательствомъ кооперативныхъ союзовъ». (Каутскій). Право общины пріобрѣтать землю путемъ покупки и экспропріаціи и сдавать ее по низкой цѣнѣ въ аренду рабочимъ и рабочимъ кооперацiямъ [2]).

Это послѣднее требованіе приводитъ къ вопросу о кооперацiи. Я могу ограничиться немногими словами послѣ того, что мною было сказано въ главѣ объ экономическомъ значеніи кооперацій. Вопросъ теперь не въ томъ, должны ли существовать кооперацiи или нѣтъ. Онѣ существуютъ и будутъ существовать, независимо отъ желаній соціалдемократіи. Конечно, она съ помощью своего вліянія на рабочій классъ могла бы и можетъ замедлить распространеніе рабочихъ кооперацій, но этимъ она не сослужила бы службы ни себѣ, ни рабочему классу. Рѣшеніе, высказанное въ 1892 г. берлинскимъ партейтагомъ относительно кооперацій, неудовлетворительно уже потому, что онъ имѣлъ въ виду только одну ихъ форму, а именно промышленно-произво-

[1]) Напр. при косьбѣ луговъ, когда молодымъ людямъ приходится раскладывать скошенную траву, чтобы она сохла послѣ въ теченіе дня на солнцѣ. Если отсутствуетъ намѣреніе запретить имъ этотъ трудъ и дополнительный къ нему—ворошенія и складыванія въ копны, то нужно имъ разрѣшить въ интересахъ дѣла и ихъ самихъ исполнять эту работу въ самые жаркіе мѣсяцы отъ 6 до 10 часовъ утра и отъ 4 ч. до 8 ч. вечера.

[2]) Новый англійскій законъ о мѣстномъ управленіи содержитъ подобные параграфы, изобилующіе, однако, множествомъ ограниченій. Въ первоначальномъ видѣ этотъ законъ, предложенный либеральнымъ министерствомъ, въ 1894 г., былъ значительно радикальнѣе, но долженъ былъ быть смягченъ въ виду оппозиціи консерваторовъ, представляемыхъ палатой лордовъ.

дительную кооперацію, противъ которой,—поскольку при ея учрежденіи имѣется въ виду созданіе самостоятельнаго предпріятія, конкуррирующаго съ капиталистическими фабриками,—говоритъ во всякомъ случаѣ ея непрочность. Но это не относится къ другимъ формамъ кооперативнаго предпріятія, не относится къ потребительнымъ кооперація мъ и къ связаннымъ съ ними производительнымъ. И еще вопросъ, не являются ли сельскохозяйственныя кооперации такимъ же исключеніемъ.

Мы видѣли, какъ во всѣхъ странахъ среди сельскаго населенія развиваются коопераціи, занимающіяся кредитомъ, закупкой товаровъ, сбытомъ ихъ, молочнымъ хозяйствомъ и ремеслами. Но эти коопераціи въ Германіи—всѣ безъ исключенія крестьянскія, всѣ представители «движенія средняго сословія» въ деревнѣ. Я считаю неопровержимымъ фактомъ, что онѣ, въ связи съ пониженіемъ ренты, которое приноситъ съ собой повышающееся накопленіе капитала, дѣйствительно могутъ способствовать тому, что крестьянскія хозяйства сдѣлаются способными конкуррировать съ крупнымъ производствомъ. Эти крестьянскія коопераціи служатъ по бóльшей части, впрочемъ, ареной для дѣятельности антисоціалистическихъ элементовъ, мелкобуржуазныхъ либераловъ, клерикаловъ, антисемитовъ. Для соціалдемократіи онѣ теперь почти вездѣ лишены значенія, если бъ даже въ нихъ нашелъ себѣ мѣсто мелкій крестьянинъ, къ которому соціалдемократія стоитъ ближе, чѣмъ эти партіи. Но въ нихъ главную роль играетъ крестьянинъ средней руки. Если соціалдемократія думала когда-нибудь пріобрѣсти при помощи коопераціи болѣе сильное вліяніе на извѣстрый слой сельскаго населенія, то теперь она этотъ случай уже упустила. На помощь ей могла бы или можетъ прійти только кооперація сельскихъ рабочихъ или карликовыхъ крестьянъ, форма которой еще не найдена или во всякомъ случаѣ еще не испытана на практикѣ. Если мы вспомнимъ, что долговѣчныя промышленныя организаціи сельскихъ рабочихъ еще до сихъ поръ невозможны даже въ Англіи, гдѣ ихъ не стѣсняютъ ни законъ, подобный германскому положенію о домашней прислугѣ, ни запрещеніе союзовъ; поэтому надежды на нихъ и у насъ очень ничтожны, между тѣмъ какъ съ другой стороны дѣйствуютъ всевозможные факторы, имѣющіе цѣлью прикрѣпить къ землѣ сельскихъ рабочихъ при помощи рентныхъ имѣній (Rentengüter) и подобныхъ учрежденій.

При такихъ условіяхъ мы должны будемъ сказать себѣ, что на долю соціалдемократіи выпала задача хотя бы указать тотъ путь, который далъ бы сельскимъ рабочимъ возможность на свой ладъ использовать путь коопераціи. Главнѣйшими условіями для этого являются: достаточное количество земли и открытіе возможности сбыта. Относительно перваго мнѣ кажется, что выше формулированное требованіе, по которому община должна получить право пріобрѣтать землю путемъ экспропріаціи и сдавать ее въ аренду на выгодныхъ условіяхъ рабочимъ коопераціямъ,—есть то, которое при демократическомъ развитіи является ближайшимъ. Городскія потребительныя коопераціи, состоящія изъ рабочихъ, могли бы доставлять сельскимъ коопераціямъ воз-

можность сбыта постольку, поскольку этимъ коопераціямъ приходилось бы бороться съ бойкотомъ капиталистическаго дѣлового міра.

Но сельскія рабочія коопераціи существуютъ пока лишь на бумагѣ; сперва еще должны быть осуществлены извѣстныя демократическія формы. Учрежденіе подобныхъ кооперацій могло бы пока еще считаться дѣломъ самопомощи и частныхъ средствъ, какъ это предлагаетъ Ф. Оппенгеймеръ. Но это дѣло, какъ и устройство потребительныхъ коопераций, для соціалдемократіи, какъ партіи, лежитъ внѣ круга ея задачъ. Какъ политическая боевая партія, она не можетъ пускаться въ экономическіе эксперименты.

Но если соціалдемократія, какъ партія, не призвана устраивать потребительныя товарищества, то это не значитъ, что она не должна удѣлять имъ никакого вниманія. Излюбленное заявленіе, что потребительныя товарищества не вполнѣ цѣлесообразное средство, основано на томъ же формализмѣ, который долго возставалъ противъ рабочихъ союзовъ и который теперь начинаетъ впадать въ противоположную крайность. Направленіе даннаго союза или рабочей потребительной ассоціаціи зависитъ не отъ ихъ формы, но отъ ихъ сущности, отъ того духа, которымъ они проникнуты. Они, конечно, никогда не будутъ самымъ лѣсомъ, а только деревьями—очень, однако, полезной частью и истинной красой лѣса. Наилучшимъ образомъ они выполнятъ свои экономическія задачи, если вполнѣ будутъ предоставлены сами себѣ, своей организаціи и управленію. Подобно тому, какъ нерасположеніе

и даже враждебное чувство, питаемое прежде многими соціалистами къ союзному движенію, постепенно превращались въ дружественный нейтралитетъ, а затѣмъ и въ живѣйшія симпатіи,—точно такъ же произойдетъ перемѣна въ отношеніяхъ къ потребительнымъ товариществамъ; она отчасти уже происходитъ. Практика и здѣсь является самымъ вѣрнымъ путеводителемъ.

Только съ одной точки зрѣнія можетъ рабочее потребительное товарищество вызывать принципіальныя сомнѣнія, а именно какъ хорошее, мѣшающее лучшему, при чемъ подъ лучшимъ можно понимать организацію производства и сбыта продуктовъ общинами. Но, во-первыхъ, демократическое потребительное товарищество, чтобы охватить всѣхъ членовъ общины, въ которой оно находится, вовсе не требуетъ принципіальнаго измѣненія своей организаціи, а только расширенія ея, что вполнѣ согласуется съ ея естественными тенденціями (въ отдѣльныхъ небольшихъ мѣстечкахъ потребительныя коопераціи уже близки къ тому, чтобы считать всѣхъ жителей общины своими членами); во-вторыхъ, до осуществленія этой мысли еще такъ далеко и оно предполагаетъ такъ много политическихъ и экономическихъ измѣненій и ступеней развитія, что было бы безсмысленно, имѣя въ виду это отдаленное будущее, не признавать выгодъ, которыя могутъ быть достигнуты рабочими въ настоящее время при помощи потребительныхъ товариществъ. Поскольку дѣло касается политическихъ общинъ, то рѣчь можетъ итти, въ данный моментъ, лишь объ удовлетвореніи опредѣленныхъ общихъ потребностей.

Перейдемъ къ общинной политикѣ. И она долгое время была падчерицей соціалистическаго движенія. Еще недавно, напримѣръ, въ одномъ печатномъ органѣ, издаваемомъ за границей очень образованными людьми, съ насмѣшкой была отвергнута мысль, признанная мелкобуржуазной, что уже теперь можно пользоваться муниципалитетами, какъ рычагомъ реформаторской работы, и что, независимо отъ парламентарской дѣятельности, осуществленіе реформаторскихъ требованій можетъ исходить отъ общинъ. Иронія судьбы хотѣла, чтобы главный редакторъ упомянутаго органа могъ проникнуть въ парламентъ только на помочахъ муниципальнаго движенія. Точно такъ же въ Англіи рабочая партія нашла въ общинахъ поле для плодотворной дѣятельности прежде, чѣмъ ей удалось послать въ парламентъ своихъ представителей. Въ Германіи развитіе шло нѣсколько иначе; здѣсь соціалдемократія проникла въ парламентъ задолго до того, какъ она получила твердую точку опоры въ общинномъ представительствѣ. Съ ея ростомъ усиливались и ея успѣхи при общинныхъ выборахъ, такъ что все больше выяснялась необходимость выработки соотвѣтствующей муниципальной программы, какъ это уже сдѣлано относительно отдѣльныхъ германскихъ государствъ и провинцій. Только недавно, 27-го и 28-го декабря 1898 года, конференція общинныхъ представителей провинціи Бранденбургъ присоединилась къ программѣ общинныхъ выборовъ, являющейся въ общемъ цѣлесообразной и ни въ одномъ пунктѣ не вызывающей принципіальной критики. Но она, какъ и нужно было ожидать отъ программы реальной дѣятельности, ограничивалась требованіями, не выходящими изъ области правъ, въ настоящее время принадлежащихъ общинамъ, не пускаясь въ ихъ принципіальную критику, а такая критика, по мнѣнію нѣкоторыхъ, должна бы составлять задачу общинъ. Этотъ вопросъ общая муниципальная программа должна была бы хоть немного освѣтить. Чего требуетъ партія для общины и чего она ждетъ отъ нея?

Въ этомъ отношеніи общая программа говоритъ только: «самоопредѣленіе и самоуправленіе народа въ государствѣ, городѣ, провинціи и общинѣ, выборъ властей народомъ» и требуетъ при всѣхъ выборахъ для всѣхъ взрослыхъ всеобщаго, равнаго и непосредственнаго права голоса. Она ничего не говоритъ о правильномъ отношеніи перечисленныхъ органовъ правленія одного къ другому. Безъ сомнѣнія, большинство делегатовъ, какъ и авторъ настоящей книги, въ свое время понимали дѣло такъ, что порядокъ при перечисленіи органовъ долженъ указывать и на ихъ правовой порядокъ такъ, что въ случаѣ конфликта имперскій законъ долженъ имѣть преимущество передъ закономъ отдѣльнаго государства и т. д. Но тогда, напримѣръ, самоопредѣленіе народа въ общинѣ отчасти должно снова потерпѣть ограниченіе. Какъ было сказано выше, я думаю еще и теперь, что законъ или рѣшеніе націи долженъ быть высшей правовой инстанціей для общества. Это не значитъ, однако, что разграниченіе правъ и полномочій между государствомъ и общиной должно быть такимъ же, какъ и теперь.

Теперь, напримѣръ, право экспропріаціи общинной очень ограничено, такъ что цѣлый родъ мѣропріятій экономически-политическаго характера встрѣчаетъ непреоборимое препятствіе въ видѣ сопротивленія или чрезмѣрныхъ требованій землевладѣльцевъ. Расширеніе права экспропріаціи было бы однимъ изъ первыхъ требованій муниципальной дѣятельности. Но нѣтъ необходимости требовать неограниченнаго абсолютнаго права экспропріаціи. При отчужденіяхъ община всегда была бы обязана считаться съ положеніями общаго права, охраняющими отдѣльныхъ лицъ отъ произвола случайнаго большинства. Права собственности, допускаемыя общимъ закономъ, должны быть въ каждой общинѣ неприкосновенны, въ той мѣрѣ и до тѣхъ поръ, какъ ихъ допускаетъ общій законъ. Отнятіе подобной собственности иначе, какъ за вознагражденіе, есть уже конфискація, которая можетъ быть оправдана только въ исключительныхъ случаяхъ (война, эпидемія) [1].

[1]) Уже много лѣтъ назадъ, я очень энергично высказывалъ эту мысль въ моемъ предисловіи къ выдержкамъ изъ «Системы пріобрѣтенныхъ правъ», Лассаля. Несмотря на то, что я подвергаю себя опасности быть обвиненнымъ въ мелкобуржуазномъ образѣ мыслей, я все-таки рѣшаюсь заявить, что мысль объ экспропріаціи, которая была бы лишь отобраніемъ, облеченнымъ въ правовую форму—экспропріацію по рецепту Барреса я считаю невозможной—кажется мнѣ совершенно неумѣстной, не говоря уже о томъ, что такое отчужденіе было бы неудобнымъ и по чисто экономически-утилитарнымъ соображеніямъ. «Какія при этомъ ни предполагать далеко заходящія вторженія въ область современныхъ владѣльческихъ привилегій—вторженія эти не могли бы носить характера безсмысленнаго грубаго насилія, но были бы выраженіемъ опредѣленной правовой идеи, хотя и новой и носящей характеръ элементарной силы». (Полное собраніе соч. Лассаля, I—III, стр. 791).

Ближайшимъ требованіемъ, наряду съ демократизаціей избирательнаго права, будетъ расширеніе въ различныхъ нѣмецкихъ государствахъ теперь еще очень ограниченнаго права экспропріаціи. Затѣмъ—полная независимость управленія. То, чего партія можетъ требовать отъ общинъ, уже изложено въ существенныхъ чертахъ относительно податного и школьнаго вопросовъ, въ общихъ программахъ партіи; но и это въ бранденбургской программѣ получило нѣкоторыя очень цѣнныя дополненія (устройство школьныхъ столовыхъ, назначеніе школьныхъ врачей и т. д.). Далѣе въ настоящее время съ правомъ выдвинуты на первый планъ требованія, относящіяся къ выработкѣ собственнаго общиннаго производства, т.-е. общественныхъ службъ и общинной рабочей политики. Относительно первыхъ нужно поставить принципіальное требованіе, чтобы всѣ предпріятія, носящія монопольный характеръ и разсчитанныя на общія нужды жителей общинъ, должны быть взяты общинами въ свое завѣдываніе; кромѣ того, община должна стремиться постоянно расширять поле дѣятельности, разсчитанной на удовлетвореніе потребностей своихъ членовъ. Относительно рабочей политики отъ общины нужно требовать, чтобы она, въ качествѣ работодателя, безразлично, идетъ ли дѣло о работѣ, находящейся въ ея непосредственномъ завѣдываніи, или о наемномъ трудѣ, исполняла, въ качествѣ минимальныхъ, положенія

о заработной платѣ и рабочемъ времени, установленныя мѣстными рабочими организаціями, и обезпечичивать имъ право коалиціи. По этому поводу нужно, однако, замѣтить, что если даже и справедливо стремиться къ тому, чтобы общины, какъ работодатели, являли частнымъ предпринимателямъ хорошій примѣръ относительно заботы о рабочихъ, все же близорукимъ является требованіе для общинныхъ рабочихъ такихъ условій, чтобы они относительно своихъ товарищей стояли въ положеніи высоко привилегированнаго слоя общества; при такихъ условіяхъ община стала бы производить значительно дороже, чѣмъ частныя предпріятія; а это въ концѣ концовъ привело бы къ упадку общественнаго духа.

Современное развитіе указало муниципалитетамъ еще другія задачи: учрежденіе мѣстныхъ больничныхъ кассъ и наблюденіе за ними, къ чему, быть можетъ, въ непродолжительномъ времени присоединится и забота о неспособныхъ къ работѣ; далѣе, учрежденіе рабочихъ справочныхъ бюро и промышленныхъ судовъ. Относительно справочныхъ бюро социалдемократія минимальнымъ требованіемъ выставляетъ установленіе ихъ однороднаго характера, а относительно промышленныхъ судовъ—ихъ обязательное введеніе и расширеніе ихъ полномочій. Скептически, если и не совершенно отрицательно, относится она къ попыткамъ общиннаго страхованія отъ безработицы, такъ какъ господствуетъ воззрѣніе, что это страхованіе есть одна изъ законныхъ задачъ рабочихъ союзовъ и можетъ быть ими исполнена лучше. Но это вѣрно лишь относительно хорошо организованныхъ союзовъ, которыхъ еще

немного. Значительная часть рабочихъ еще не съорганизована; спрашивается, нельзя ли такимъ образомъ организовать общинное страхованіе отъ безработицы съ привлеченіемъ къ нему рабочихъ союзовъ, чтобы оно, не вмѣшиваясь въ законныя функціи послѣднихъ, сдѣлалось средствомъ для ихъ развитія. Во всякомъ случаѣ тамъ, гдѣ учрежденъ такой видъ страхованія, тамъ задачей общинныхъ представителей было бы энергическое привлеченіе союзовъ къ дѣлу.

По всему своему характеру, муниципальное движеніе является необходимымъ рычагомъ выработки или полнаго осуществленія того, что мы въ прошлой главѣ назвали демократическимъ правомъ труда. Но это движеніе не можетъ получить должнаго развитія тамъ, гдѣ избирательное право въ общинахъ носитъ классовой характеръ. А это право въ такомъ положеніи въ трехъ четвертяхъ Германіи. Итакъ, здѣсь мы точно такъ же, какъ и относительно ландтаговъ, отъ которыхъ въ значительной степени зависятъ общины и другіе органы самоуправленія (округи, провинціи),—наталкиваемся на вопросъ, какъ достигнуть демократизаціи современной выборной системы.

Въ настоящее время въ Германіи вѣрнымъ средствомъ проведенія своихъ требованій является избирательное право въ рейхстагъ. Его вліяніе настолько велико, что оно простирается даже на тѣ учрежденія, которыя въ силу цензоваго избирательнаго права или классовой избирательной системы недоступны рабочему классу, такъ какъ партіи и здѣсь должны имѣть въ виду избирателей

въ рейхстагъ. Если бы право выбора въ рейхстагъ было вполнѣ установлено, то это до извѣстной степени оправдывало бы отношеніе къ избирательному праву въ другія учрежденія, какъ къ вопросу второстепенной важности, хотя было бы неправильно относиться къ нему слегка. Но избирательное право въ рейхстагъ далеко еще не вполнѣ гарантировано. Правительства и правительственныя партіи не легко, положимъ, рѣшаются на реформу этого права, такъ какъ они сознаютъ рискованность такой мѣры. Точно также у бо̀льшей части даже принципіальныхъ противниковъ всеобщаго избирательнаго права слѣдуетъ предполагать извѣстную нравственную сдержку передъ отнятіемъ у народа такого права. Тѣмъ не менѣе, реформы въ смыслѣ ограниченія избирательнаго права всегда возможны; въ такомъ случаѣ нельзя будетъ поручиться за отношеніе къ нимъ политически неорганизованной массы.

Изъ этихъ и другихъ соображеній мнѣ не кажется вполнѣ благоразумнымъ ставить политику партіи въ зависимость отъ избирательнаго права въ рейхстагъ. Выше мы видѣли, что успѣхъ соціалдемократіи на выборахъ въ рейхстагъ не идетъ впередъ столь быстрыми шагами, какъ этого можно было ожидать по цифрамъ 1890—93 гг. Въ то время, какъ число соціалистическихъ голосовъ въ трехлѣтній періодъ съ 1887 г. по 1890 г. повысилось на 87%, а съ 1890 г. по 1893—на 25%, оно въ 5 лѣтъ съ 1893 г. до 1898 г. повысилось всего на 18%. Это само по себѣ представляетъ значительное увеличеніе, но вовсе не такое, на основаніи кото-

раго можно было бы въ ближайшемъ будущемъ ожидать чего-нибудь необычайнаго.

Въ настоящее время соціалдемократія не ограничивается исключительно избирательнымъ правомъ и парламентской дѣятельностью. Кромѣ парламента ей остается еще широкое поле для дѣятельности Рабочее движеніе существовало бы, если бъ даже парламентъ и былъ закрытъ для него. Но съ исключеніемъ изъ представительныхъ учрежденій германское рабочее движеніе въ значительной степени лишилось бы внутренней связи; оно получило бы хаотическій характеръ и вмѣсто спокойнаго, непрерывнаго движенія началось бы движеніе скачками.

Подобный ходъ развитія не въ интересахъ рабочаго класса; не можетъ онъ казаться желательнымъ и тѣмъ противникамъ рабочаго движенія, которые пришли къ сознанію, что современный общественный строй подчиняется законамъ эволюціи; что развитіе путемъ переворотовъ со всѣми его ужасами и опустошеніями можетъ быть избѣгнуто только такимъ образомъ, что политическое право отразитъ на себѣ измѣненія хозяйственныхъ отношеній и классоваго развитія. Число лицъ, такъ смотрящихъ на вещи, все увеличивается. Ихъ вліяніе было бы несравненно сильнѣе, чѣмъ теперь, если бы соціалдемократія имѣла бы мужество освободиться отъ теперь уже устарѣвшей фразеологіи и захотѣла быть тѣмъ, что она есть теперь на самомъ дѣлѣ—демократически-соціалистической партіей реформъ.

Развѣ въ настоящее время соціалдемократія

представляетъ собой что-нибудь иное, какъ не партію, стремящуюся къ преобразованію общества путемъ демократическихъ и экономическихъ реформъ? По нѣкоторымъ возраженіямъ, которыя мнѣ пришлось слышать на штутгардтскомъ партейтагѣ, такъ и могло бы казаться. Но тамъ мой докладъ поняли, какъ обвиненіе партіи въ томъ, что она идетъ по стопамъ бланкизма, между тѣмъ какъ этотъ докладъ былъ направленъ только противъ нѣкоторыхъ личностей, выступавшихъ противъ меня съ аргументами и выраженіями бланкистскаго характера и хотѣвшихъ добиться противъ меня какой-то пропунціаменто конгресса. И если нѣкоторые въ общемъ спокойно и объективно мыслящіе люди вслѣдствіе шума, вызваннаго противъ моего намѣренія и моего ожиданія моимъ докладомъ, на время были вынуждены выступить противъ меня и какъ будто согласиться съ тѣми, кто призывалъ на меня анаѳему, то я все-таки ни на минуту не могъ обмануться въ эфемерномъ характерѣ этой солидарности. Какъ могъ я смотрѣть иначе, какъ не на переходящую солидарность, на опроверженіе моего взгляда на перевороты со стороны того самаго Кунова, который весной 1897 года писалъ:

«Но все же мы еще далеко стоимъ отъ конечной цѣли капиталистическаго развитія. Живя въ главныхъ центрахъ торговли и промышленности, имѣя передъ глазами громадное повышеніе производства и упадокъ либеральнаго бюргерства, мы слишкомъ охотно умаляемъ разстояніе и препятствія, еще отдѣляющія насъ отъ цѣли. Въ какой странѣ зашло саморазвитіе капитализма такъ далеко, что онъ можетъ считаться созрѣвшимъ для реформированной формы хозяйства? Не въ Англіи и еще менѣе того въ Германіи и Франціи».

Даже положительный приговоръ штутгартскаго партейтага, направленный противъ моего заявленія, не могъ бы измѣнить моего убѣжденія въ томъ, что значительная масса германской соціалдемократіи далека отъ сумасбродствъ бланкизма. Послѣ рѣчи въ Оингаузенѣ я зналъ, что отъ партейтага нельзя было ожидать другого направленія, чѣмъ то, которое онъ и принялъ; это я раньше опредѣленно высказывалъ въ письмахъ.

Рѣчь въ Оингаузенѣ съ того времени претерпѣла судьбу столь многихъ другихъ рѣчей замѣчательныхъ людей—она оффиціально исправлена и значеніе ея смягчено. Въ какомъ же смыслѣ высказывалась партія послѣ Штутгарта? Бебель въ своихъ рѣчахъ очень энергично протестовалъ противъ заявленій, будто соціалдемократія придерживается политики насилій; всѣ партійные органы одобрительно отзывались объ этихъ рѣчахъ; нигдѣ не было высказано протеста. Каутскій въ своемъ «Аграрномъ вопросѣ» развиваетъ основы аграрной политики партіи, которыя являются вполнѣ демократическими реформами; общинная программа, выработанная въ Бранденбургѣ, есть демократическая программа реформъ. Въ рейхстагѣ партія выступаетъ за расширеніе полномочій и обязательное введеніе промышленныхъ третейскихъ судовъ, этихъ органовъ, способствующихъ установленію мира въ промышленности. Всѣ рѣчи ея представителей дышатъ реформами. Въ томъ же Штутгардтѣ, гдѣ, по словамъ

Клары Цеткинъ, «Бернштейніада» была вконецъ уничтожена, соціалдемократы, вскорѣ послѣ конгресса, вступили въ союзъ съ буржуазной демократіей для выборовъ въ общинные совѣты; въ другихъ вюртембергскихъ городахъ послѣдовали ихъ примѣру. Въ различныхъ партійныхъ центрахъ—Гамбургѣ, Эльберфельдѣ—члены рабочихъ союзовъ и соціалисты приходятъ къ учрежденію потребительныхъ товариществъ; въ союзномъ движеніи одинъ союзъ за другимъ вводятъ поддержку при безработицѣ (что практически означаетъ оставленіе чисто-коалиціоннаго направленія); они высказываются за городскія бюро труда, имѣющія въ виду интересы предпринимателей и рабочихъ. Вездѣ видна работа въ пользу реформъ, въ пользу соціальнаго прогресса, въ пользу развитія демократіи—«вездѣ изучаютъ детали проблемы дня и ищутъ рычаговъ и способовъ начать дѣло». Такъ я писалъ съ годъ тому назадъ, и я не вижу фактовъ, которые могли бы заставить меня взять эти слова обратно.

Впрочемъ, я повторяю, что чѣмъ больше наша партія рѣшится пожелать казаться тѣмъ, что она есть на самомъ дѣлѣ, тѣмъ основательнѣе будутъ ея надежды провести политическія реформы. Страхъ, конечно, великій факторъ въ политикѣ; но все же заблуждаются тѣ, кто думаютъ, что запугиваніемъ всего можно достигнуть. Англійскіе рабочіе добились права голоса только тогда, когда замолкли чартистскіе революціонные боевые кличи и когда они для проведенія реформъ соединились съ радикальной буржуазіей. И тому, кто мнѣ возразитъ, что подобная тактика немыслима въ Германіи, тому

я посовѣтую прочесть, что еще 15—20 лѣтъ тому назадъ либеральная пресса писала о борьбѣ путемъ союзовъ и о рабочемъ законодательствѣ, что говорили въ рейхстагѣ представители этихъ партій и какъ они голосовали относительно подобныхъ вопросовъ. Тогда, быть можетъ, онъ признаетъ, что политическая реакція не есть наиболѣе характерное явленіе для буржуазной Германіи.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Конечная цѣль и движеніе.

Kant wider Cant.

Въ различныхъ мѣстахъ этого сочиненія было уже указано на ту значительную роль, которую и въ соціалдемократіи при обсужденіи фактовъ и идей играетъ традиція. Я нарочно говорю «и въ соціалдемократіи», потому что эта сила традиціи—весьма распространенное явленіе, присущее всякой партіи, всякому литературному или художественному направленію и имѣющее важное значеніе даже въ бóльшей части наукъ. Едва ли можно даже будетъ ожидать, что она когда-нибудь вполнѣ перестанетъ оказывать вліяніе. Всегда должно пройти извѣстное время, прежде чѣмъ люди настолько признаютъ несоединимость традиціи съ совершившимся, чтобы быть въ состояніи вполнѣ сдать первую въ архивъ. До того времени, пока этого не произойдетъ, традиція обыкновенно представляетъ могущественнѣйшее средство, чтобы сплачивать тѣхъ, кого не сплачиваетъ никакой сильный, безпрерывно дѣйствующій интересъ или внѣшнее давленіе. Отсюда безсознательная приверженность всѣхъ людей дѣйствія къ

традиціи, какъ бы революціонны они ни были въ своихъ цѣляхъ. «Never swop horses whilst crossing a stream»—«никогда не перепрягай лошадей, пока не переѣдешь черезъ рѣку»—этотъ девизъ стараго Линкольна основанъ на той же мысли, какъ и извѣстное проклятіе Лассаля «ворчливому духу либерализма», «болѣзни индивидуальнаго мышленія и желанія все лучшаго». Традиція по своему существу охранительна; критика же всегда прежде всего разрушительна. Поэтому въ минуту рѣшительныхъ дѣйствій даже самая дѣльная критика можетъ оказаться вредной и потому неумѣстной.

Признавать это еще не значитъ, конечно, превозносить традицію и проклинать критику. Партія не всегда находится среди потока, гдѣ все сводится только къ внимательности. Для партіи, желающей итти вровень съ дѣйствительнымъ прогрессомъ, критика неизбѣжна, а традиція можетъ превратиться въ давящій гнетъ; изъ двигательной силы она можетъ стать стѣснительными оковами.

Лишь въ меньшинствѣ случаевъ отдаютъ люди себѣ отчетъ въ важности измѣненій, совершающихся въ основахъ ихъ традицій. Обыкновенно они съ такими измѣненіями считаются постольку, поскольку дѣло касается признанія неопровержимыхъ фактовъ, и поскольку ихъ нужно согласовать съ пережитками боевыхъ словечекъ. Средствомъ для этого служитъ крючкотворство, а на фразеологіи это сказывается въ условности—въ «cant»'ѣ.

«Cant» — англійское слово, вошедшее въ употребленіе въ 16-омъ столѣтіи для обозначенія монотоннаго пѣнія пуританъ. Въ своемъ болѣе общемъ

значеніи оно означаетъ способъ выраженія, либо невѣрный, либо безсмысленный, либо умышленно невѣрно - употребленный — безразлично, идетъ ли рѣчь о религіи или о политикѣ, сухой теоріи или ключомъ бьющей жизни. Въ этомъ широкомъ смыслѣ «cant» очень древняго происхожденія — не было бóльшихъ болтуновъ (Cantdrescher), чѣмъ греки слѣдующихъ за классическимъ періодовъ—и проникаетъ въ безчисленныхъ формахъ всю нашу культурную жизнь. У каждой націи, у каждаго класса, у каждой группы, связанной доктриной или общимъ интересомъ, есть свой «cant». Отчасти онъ превратился уже въ чистую условность, сдѣлался одной формой, такъ что никто уже болѣе не обманывается насчетъ отсутствія въ немъ содержанія; борьба противъ него была бы поэтому праздной стрѣльбой по воробьямъ. Но это не относится къ «cant'у», выступающему въ научномъ одѣяніи, и къ политическимъ боевымъ словечкамъ, получившимъ характеръ «cant'а».

Мои слова: «то, что обыкновенно считаютъ конечной цѣлью соціализма, для меня ничто; все дѣло въ движеніи»,—нерѣдко понимались, какъ отрицаніе всякой опредѣленной цѣли соціалистическаго движенія, а г. П. открылъ даже, что я вычиталъ эту «пресловутую фразу» въ книгѣ Г. Шульце-Геверница «Zum sozialen Frieden» [1]). Тамъ, дѣйстви-

[1]) Въ рядѣ статей «За что мы ему должны быть признательны. Открытое письмо къ К. Каутскому», опубликованныхъ въ №№ 253—255 «Säohsische Arbeiter Zeitung». 1898 г. На штутгартскомъ партейтагѣ Каутскій заявилъ, что если соціалдемократія и не можетъ согласиться съ моими взглядами, то все же она можетъ быть

тельно, въ одномъ мѣстѣ говорится, что обобществленіе всѣхъ средствъ производства, какъ конечная цѣль, входитъ въ программу революціоннаго соціализма, но не соціализма практически-политическаго, отдающаго преимущества цѣлямъ ближайшимъ предъ отдаленными. Изъ того, что у Шульце-Геверница извѣстнаго рода конечная цѣль признается излишней для практическихъ цѣлей, и изъ

мнѣ благодарна за стимулъ къ дальнѣйшимъ вопросамъ, заключающійся въ этихъ статьяхъ. Въ глазахъ г. П. это болѣе чѣмъ снисходительная критика. Его не удовлетворяетъ, что отъ меня, какъ онъ воображаетъ, въ Штутгартѣ якобы отреклось подавляющее большинство делегатовъ партейтага; я, какъ невѣжда, «поразительной бѣдности мысли» и «лишенный критическаго смысла послѣдователь» буржуазныхъ реформъ, «попирающій ногами соціалистическую теорію и—сознательно или безсознательно, что въ данномъ случаѣ безразлично,—стремящійся схоронить ее на радость соединенныхъ силъ реакціи»,—я долженъ быть съ позоромъ изгнанъ изъ общества всѣхъ правовѣрныхъ или, какъ выражается г. П., «долженъ быть похороненъ соціалдемократіей».

Я не хочу отвѣчать въ столь же рѣзкомъ тонѣ. У каждаго своя натура и никто не станетъ ждать мелодичныхъ звуковъ отъ павлина. Но фраза, будто я дѣйствую «на радость» «соединенныхъ силъ реакціи», вынуждаетъ меня сдѣлать короткое замѣчаніе.

Въ другомъ мѣстѣ этого сочиненія я цитировалъ нѣсколько газетъ, принявшихъ мои выводы или самостоятельно высказавшихся подобнымъ же образомъ. Перечень могъ бы очень разрастись, если бы я считалъ нужнымъ подкрѣплять свои аргументы числомъ и значеніемъ моихъ единомышленниковъ. Но что за странная манера говорить при такихъ, хорошо ему извѣстныхъ, обстоятельствахъ о «соединенныхъ» силахъ реакціи—выраженіе между прочимъ, въ десять разъ по внутреннему противорѣчію превосходящее постоянно отрицавшуюся Марксомъ и Энгельсомъ фразу объ единой реакціонной массѣ.

того, что и я признаю лишь ничтожный интересъ къ одному виду конечной цѣли,—изъ этого дѣлается выводъ, что я «некритическій послѣдователь» Шульце-Геверница. Такая аргументація свидѣтельствуетъ, признаться, о поразительной бѣдности мысли.

Когда я восемь лѣтъ тому назадъ писалъ отзывъ о книгѣ Шульце-Геверница, то, несмотря на то, что моя критика еще сильно находилась подъ вліяніемъ взглядовъ, мною теперь покинутыхъ, я оставилъ въ сторонѣ, какъ несущественное, принципіальное противопоставленіе конечной цѣли и практической реформаторской дѣятельности и соглашался—не встрѣчая протестовъ—что для Англіи дальнѣйшее мирное развитіе, такое, какое себѣ представлялъ Шульце-Геверницъ, по меньшей мѣрѣ не невѣроятно. Я выражалъ убѣжденіе, что при продолжающемъ свободномъ развитіи англійскаго рабочаго класса, его требованія сильно повысятся, но требоваться будетъ лишь то, необходимость и исполнимость чего будутъ внѣ сомнѣній. Въ сущности, это не отличается отъ того, что я говорю и сейчасъ. И если бы мнѣ хотѣли указать на достигнутые за это время въ Англіи успѣхи, то я возражу, что съ этимъ распространеніемъ рука объ руку шло развитіе англійской соціалдемократіи изъ утопически-революціонной секты, какъ неоднократно изображалъ ее самъ Энгельсъ, въ партію практическихъ реформъ. Ни одинъ здравомыслящій соціалистъ не мечтаетъ уже теперь въ Англіи о предстоящей побѣдѣ соціализма путемъ рѣшительнаго переворота, никто не думаетъ о захватѣ парламента

революціоннымъ пролетаріатомъ. Зато тамъ теперь все больше обращаютъ вниманія на работу въ муниципалитетахъ и другихъ органахъ самоуправленія и все больше отказываются отъ прежней низкой оцѣнки трэдъ-юнистскаго движенія; съ этимъ движеніемъ и съ товариществами устанавливаются все лучшія отношенія.

А конечная цѣль? Она и остается только конечной цѣлью. «Рабочій классъ... не имѣетъ задачи путемъ народнаго волеизъявленія проводить готовыя утопіи. Онъ знаетъ, что, чтобы добиться своего освобожденія и вмѣстѣ съ нимъ той болѣе высокой формы жизни, къ которой неудержимо стремится современное общество въ своемъ экономическомъ развитіи, онъ, рабочій классъ, долженъ будетъ выдержать долговременную борьбу, цѣлый рядъ историческихъ процессовъ, подъ вліяніемъ которыхъ люди, какъ и условія, совершенно измѣняются. Ему не надо осуществлять никакого идеала; ему нужно лишь освободить элементы новаго общества, развивающіеся уже въ нѣдрахъ разлагающагося буржуазнаго общества». Такъ говоритъ Марксъ въ «Bürgerkrieg in Frankreich». Объ этихъ словахъ я думалъ, когда писалъ вышеприведенное положеніе о конечной цѣли. Что же иное говоритъ онъ, какъ не то, что движеніе, что рядъ процессовъ важнѣе всего, а всякая, напередъ задуманная неподвижная конечная цѣль, напротивъ того, сравнительно несущественна? Въ свое время я уже заявлялъ, что я охотно отказываюсь отъ формы моего положенія о конечной цѣли, поскольку она допускаетъ толкованіе, что всякая, формулированная въ видѣ принципа общая цѣль рабочаго движенія должна считаться не имѣющей значенія. Но то, что въ предвзятыхъ теоріяхъ объ исходѣ движенія переступаетъ за предѣлы такой обще-поставленной цѣли, опредѣляющей принципіальное направленіе и характеръ движенія,—будетъ всегда по необходимости переходить въ утопію и когда-нибудь превратится въ препятствіе дѣйствительному теоретическому и практическому прогрессу движенія.

Кто хотя немного знакомъ съ исторіей соціалдемократіи, тотъ знаетъ, что партія разрослась при помощи постояннаго противодѣйствія упомянутымъ теоріямъ и нарушенія рѣшеній, основанныхъ на нихъ. То, что Энгельсъ говоритъ въ предисловіи къ новому изданію «Bürgerkrieg» относительно бланкистовъ и прудонистовъ во время коммуны, когда они, въ силу реальныхъ требованій, вынуждены были поступать противъ собственной догмы,—неоднократно повторялось въ другой формѣ. Теорія или изложеніе основъ, недостаточно широкія, чтобъ на каждой ступени развитія принимать во вниманіе ближайшіе интересы рабочаго класса, будутъ всегда нарушаться, точно такъ же, какъ всегда будутъ забываться всѣ отреченія отъ реформаторской мелкой работы и отъ поддержки близко стоящихъ буржуазныхъ партій. И конгрессу партіи постоянно придется выслушивать жалобы, что въ такомъ-то случаѣ въ выборной борьбѣ недостаточно выдвигалась на первый планъ конечная цѣль соціализма.

Въ цитатѣ изъ Шульце-Геверница, которую выдвигаетъ противъ меня г. П., говорится, что съ

оставленіемъ утвержденія, что положеніе рабочаго (въ современномъ обществѣ) безнадежно, — соціализмъ потерялъ бы свой революціонный характеръ и обратился бы въ обоснованіе законодательныхъ требованій. Изъ этого противопоставленія ясно слѣдуетъ, что г. Шульце-Геверницъ употребляетъ всегда понятіе «революціонный» въ смыслѣ стремленія, имѣющаго цѣлью насильственный переворотъ. Г. П. переворачиваетъ вопросъ и причисляетъ меня къ «противникамъ научнаго соціализма» потому, что я не считаю положеніе рабочаго безнадежнымъ, что я признаю для него возможность улучшеній и признаю различные другіе факты, установленные буржуазными экономистами. «Научный соціализмъ»!— если слово наука когда-либо доводилось до чистаго «cant»'а,—такъ это въ данномъ случаѣ. Положеніе «о безнадежности» условій жизни рабочаго установлено болѣе 50 лѣтъ тому назадъ. Оно проходитъ черезъ всю радикально-соціалистическую литературу тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ и многіе установленные факты какъ будто его подтверждаютъ. Это очень понятно, если вспомнить, что Марксъ въ «Нищетѣ философіи» естественной заработной платой считалъ минимумъ жизненныхъ издержекъ рабочаго; что въ «Коммунистическомъ Манифестѣ» говорится, что «положеніе современнаго рабочаго, вмѣсто того, чтобы улучшаться вмѣстѣ съ прогрессомъ промышленности, падаетъ ниже жизненнаго уровня его класса. Рабочій превращается въ бѣдняка, а пауперизмъ развивается еще быстрѣе, чѣмъ населеніе и богатство»; вспомнимъ, что въ «Klassenkämpfe» сказано, что малѣйшее улучшеніе положенія рабочаго «остается утопіей при буржуазной республикѣ». Если положеніе рабочаго дѣйствительно и теперь еще безнадежно, то эти утвержденія правильны. Правильность этихъ положеній подразумѣвается въ упрекѣ, дѣлаемомъ мнѣ г-мъ П. Поэтому безнадежность положенія рабочаго—неопровержимая аксіома «научнаго соціализма». Признавать факты, говорящіе противъ нея, значитъ, по его мнѣнію, быть послѣдователемъ буржуазныхъ экономистовъ, констатирующихъ эти факты. Имъ поэтому приличествуетъ та благодарность, съ которой Каутскій обращается ко мнѣ: «Обратимся поэтому съ этой благодарностью вообще ко всѣмъ приверженцамъ и послѣдователямъ экономическихъ гармонистовъ и прежде всего, конечно,—къ безсмертному Бастіа!»

Великій англійскій юмористъ Диккенсъ въ одномъ изъ своихъ романовъ очень хорошо характеризуетъ подобные пріемы спора. «Твоя дочь вышла замужъ за нищаго», говоритъ небогатая, но нѣсколько напыщенная дама своему мужу а когда тотъ възражаетъ ей, что ихъ новый зять всетаки не нищій, то онъ получаетъ такой уничтожающій отвѣтъ: «Вотъ какъ! А я и не знала, что онъ владѣетъ большими имѣніями!» Выходитъ такъ, что спорить противъ извѣстнаго преувеличенія значитъ непремѣнно утверждать какое-нибудь другое преувеличеніе.

Вездѣ существуютъ наивныя души, на которыхъ подобные пріемы производятъ впечатлѣніе. Признавать какое-нибудь изъ возраженій буржуазныхъ экономистовъ противъ соціалистическихъ положе-

ній—какое безуміе! Но я достаточно закаленъ, чтобъ считать сарказмы мистриссъ Ульферъ чѣмъ-либо инымъ, какъ ребячествомъ. Заблужденіе не становится истиной черезъ то, что его когда-то раздѣляли Марксъ и Энгельсъ, какъ и истина не теряетъ значенія отъ того, что ее впервые открылъ или изложилъ антисоціалистическій или не вполнѣ соціалистическій экономистъ. Въ области науки тенденціи не принадлежитъ никакихъ привилегій или права издавать декреты объ изгнаніи. Односторонности въ изложеніи г. Шульце-Геверницемъ исторіи развитія современной Англіи, противъ которыхъ я очень рѣзко возставалъ въ свое время, не помѣшали ему, какъ въ его сочиненіи «Zum sozialen Frieden», такъ и въ монографіи «Der Groszbetrieb ein wirthschaftlicher und sozialer Fortschritt», установить факты, имѣющіе важное значеніе для познаванія экономическаго развитія современности. Я не вижу въ томъ ничего дурного и охотно признаю, что я обратилъ вниманіе на многіе факты, приведенные Шульце-Геверницемъ, а также и другими, вышедшими изъ школы Брентано экономистами (Геркнеромъ, Синцхеймеромъ)—факты, которыхъ я раньше или не замѣчалъ вовсе или недостаточно оцѣнивалъ. Я даже не стыжусь признаться, что я коечему научился изъ книги Ю. Вольфа «Sozialismus und sozialistische Gesellschaftordnung».

Г-нъ П. называетъ это «эклектическимъ соединеніемъ (научнаго соціализма) съ ученіемъ буржуазныхъ экономистовъ». Какъ будто $^9/_{10}$ элементовъ научнаго соціализма не взяты изъ сочиненій

«буржуазныхъ экономистовъ», какъ будто вообще существуетъ партійная наука [1]).

---

[1]) Г. Прокоповичъ, воззрѣнія котораго приближаются къ моимъ, въ очень хорошей статьѣ о штутгартскомъ партейтагѣ упрекаетъ меня въ томъ, что я былъ непослѣоователенъ въ своей борьбѣ противъ недостойнаго стремленія превратить науку въ партійное дѣло. Тѣмъ, что я признавалъ за теоріей вліяніе на тактику партіи, я самъ, по его мнѣнію, способствовалъ сумятицѣ, царящей въ этомъ отношеніи въ соціалдемократіи. «Тактика партіи», пишетъ онъ, «гораздо болѣе, чѣмъ теоретическое знаніе, опредѣляется дѣйствительными соціальными отношеніями. Не теоретическое знаніе оказываетъ вліяніе на тактику партіи, но, наоборотъ, тактика партіи несомнѣнно вліяетъ на доктрины, существующія въ партіи. Въ современныхъ движеніяхъ массъ Фольмары всегда идутъ впереди Бернштейновъ... наука всегда останется «партійнымъ дѣломъ», пока люди дѣятельности не откажутся отъ того взгляда, что то или другое пониманіе экономическаго развитія можетъ вліять на тактику партіи. Наука станетъ свободной лишь съ того момента, когда признаютъ, что наука должна служить цѣлямъ партіи, а не опредѣлять ихъ». Вмѣсто того, чтобы возставать противъ того, что тактику партіи ставятъ въ зависимость отъ доктрины, которую я считаю неправильной, я, по мнѣнію г. Прокоповича, напротивъ того, долженъ былъ бы возставать противъ того, что эту тактику вообще признаютъ зависимой отъ какой-нибудь теоріи соціальнаго развитія.

Съ большей частью приведеннаго мнѣнія я безусловно могу согласиться, какъ я уже указалъ на это въ первой главѣ, опредѣляя роль эклектизма; эта глава была уже напечатана, когда я получилъ статью г. Прокоповича. Тамъ, гдѣ доктрина выступаетъ верховной владычицей, тамъ эклектика смѣло становится на защиту свободной науки. Но я не могу предположить никакой коллективной воли безъ коллективнаго мышленія, которое, какую бы роль, какъ всегда, ни игралъ интересъ при его возникновеніи, въ то же время зависитъ отъ какого-нибудь распространеннаго взгляда на то, что признается общежелательнымъ и исполнимымъ. Поэтому безъ подобнаго коллективнаго убѣжденія нѣтъ и стойкаго коллективнаго дѣйствія. Этотъ-то фактъ и устанавливается

Къ несчастью для научнаго соціализма г-на П., выше цитированныя марксисткія положенія о безнадежномъ положеніи рабочихъ опровергаются въ книгѣ, носящей названіе «Капиталъ. Критика политической экономіи». Тамъ мы читаемъ о «физическомъ и нравственномъ возрожденіи» ланкаширскихъ ткачей —этомъ результатѣ фабричнаго закона 1847 г., «поражавшемъ самый близорукій глазъ». Такимъ образомъ, не потребовалось даже буржуазной республики для извѣстнаго улучшенія въ положеніи значительной категоріи рабочаго класса. Въ той же книгѣ говорится, что современное общество «не представляетъ изъ себя твердаго кристалла, а способный къ превращеніямъ и постоянно находящійся въ процессѣ превращенія организмъ», что и въ отношеніи къ экономическимъ вопросамъ со стороны официальныхъ представителей этого общества «замѣтно движеніе впередъ». Далѣе авторъ заявляетъ, что онъ потому такъ много удѣлилъ въ книгѣ мѣста результатамъ англійскаго фабричнаго законодательства, что онъ хотѣлъ вызвать подра-

---

моимъ положеніемъ, противъ котораго выступаетъ Прокоповичъ. «Второй моментъ (при опредѣленіи вопросовъ тактики) интеллектуальнаго характера: степень знакомства съ состояніемъ общества, достигнутое пониманіе природы и законовъ развитія общественнаго организма и его элементовъ». Исходя изъ взгляда, что это вѣрно, я не могу возражать противъ обращенія къ теоретическому знанію при выясненіи тактическихъ вопросовъ; тѣмъ не менѣе, я высказываюсь противъ того, чтобы на науку, какъ таковую, смотрѣли иначе, какъ на нѣчто, стоящее внѣ партій. Впрочемъ, служить чему-нибудь, значитъ и влять на то, чему служишь. «Въ концѣ концовъ, мы всѣ зависимъ отъ созданій, которыя мы сами сдѣлали», говорилъ еще Мефистофель.

жаніе ему на континентѣ и такимъ образомъ влiять на то, чтобы процессъ общественнаго перерожденія совершался въ болѣе гуманныхъ формахъ. (Предисловіе). Все это означаетъ не безнадежность, а то, что положеніе рабочаго способно къ улучшеніямъ. А такъ какъ съ 1866 г., когда это было написано, рабочее законодательство не ослабло, а улучшилось, распространилось и дополнено въ томъ же направленіи дѣйствующими законами и учрежденіями,—то въ настоящее время менѣе, чѣмъ въ то время, когда писалъ Марксъ, можно говорить о безнадежномъ положеніи рабочаго. Если констатировать такіе факты значитъ быть послѣдователемъ «безсмертнаго Бастія», то къ послѣдователямъ этого либеральнаго экономиста прежде всего принадлежитъ—Карлъ Марксъ.

Г-нъ П. съ большимъ удовольствіемъ цитируетъ слова Либкнехта, сказанныя на штутгартскомъ партейтагѣ: «Такой геній, какъ Марксъ, долженъ былъ жить въ Англіи, чтобы написать свой «Капиталъ»; Бернштейнъ же, живя тамъ, преклоняется передъ колоссальнымъ развитіемъ англійской буржуазіи». Только г. П. находитъ этотъ отзывъ слишкомъ для меня милостивымъ. Не нужно быть Марксомъ, чтобы въ Англіи оставаться вѣрнымъ научному соціализму (въ духѣ Маркса и Энгельса). Мое отступничество, по его мнѣнію, объясняется скорѣе тѣмъ, что я и раньше былъ «плохо знакомъ» съ этимъ соціализмомъ.

Само собой разумѣется, мнѣ и въ голову не приходитъ спорить о послѣднемъ съ человѣкомъ, по понятіямъ котораго наука требуетъ, чтобы по-

ложеніе рабочаго считалось безнадежнымъ при всѣхъ условіяхъ вплоть до великаго переворота. Другое дѣло—Либкнехтъ. Если я вѣрно понялъ его слова, то онъ признаетъ смягчающія мою вину обстоятельства. Какъ охотно я ни признаю это, я долженъ заявить, что я не могу принять этихъ смягчающихъ обстоятельствъ. Само собой разумѣется, я далекъ отъ мысли сравнивать себя съ мыслителемъ Марксомъ. Но здѣсь рѣчь идетъ не о моей бо̀льшей или мѐньшей ничтожности сравнительно съ Марксомъ. Даже тотъ, кто стоитъ далеко отъ него по уму и познаніямъ, можетъ быть правымъ относительно его. Здѣсь дѣло идетъ лишь о томъ, вѣрны или нѣтъ констатируемые мною факты и оправдываютъ ли они выводы, дѣлаемые мною изъ нихъ. Какъ видно изъ предыдущаго, даже и такой геній, какъ Марксъ, не остался пощаженнымъ судьбой—его прежнія воззрѣнія значительно измѣнились въ Англіи, и именно въ Англіи онъ отказался отъ нѣкоторыхъ воззрѣній, принесенныхъ имъ туда.

Мнѣ могутъ, однако, возразить, что если Марксъ и признавалъ эти улучшенія, то все же глава объ исторической тенденціи капиталистическаго накопленія въ концѣ перваго тома «Капитала» доказываетъ, какъ мало вліяли эти детали на его основное міровоззрѣніе. На это я могу возразить, что, поскольку это вѣрно, это мѣсто говоритъ противъ этой главы, а не противъ меня.

Эту столь часто цитированную главу можно понимать очень различно. Мнѣ думается, что я первый истолковалъ ее, и неоднократно, какъ суммарное опредѣленіе тенденціи развитія, свойственной капиталистическому накопленію, но ясно въ дѣйствительности не проявляющейся и потому не ведущей непремѣнно къ тому обостренію противорѣчій, которое изложено въ «Капиталѣ». Энгельсъ никогда не возставалъ противъ такого моего пониманія, никогда ни устно, ни печатно не признавалъ его невѣрнымъ. Онъ ни слова не возразилъ, когда я въ 1891 г. въ статьѣ о работѣ Шульце-Геверница писалъ относительно этихъ вопросовъ: «Ясно, что тамъ, гдѣ въ жизнь вмѣшивается законодательство, эта планомѣрная и сознательная дѣятельность общества—тамъ дѣйствіе тенденцій экономическаго развитія испытываетъ измѣненія и можетъ быть даже при извѣстныхъ условіяхъ совершенно парализовано. Марксъ и Энгельсъ этого не только никогда не отрицали, но, наоборотъ, всегда подчеркивали». Читая эту главу въ такомъ освѣщеніи, невольно къ отдѣльнымъ положеніямъ прибавляешь слово «тенденція»; тогда сознаешь себя свободнымъ отъ необходимости согласовывать эти положенія съ дѣйствительностью при помощи различныхъ ухищреній. Но въ такомъ случаѣ сама глава, чѣмъ больше будетъ прогрессировать дѣйствительное развитіе, становилась бы и будетъ становиться имѣющей все менѣе значенія. Это потому, что ея теоретическое значеніе заключается не въ констатированіи общей тенденціи къ капиталистическимъ централизаціи и накопленію, задолго до Маркса установленной буржуазными экономистами и соціалистами,—но въ свойственномъ Марксу изложеніи обстоятельствъ и формъ, при которыхъ онѣ осуществятся на болѣе

высокой ступени развитія, и результатовъ, къ которымъ упомянутая тенденція должна привести. Но въ этомъ отношеніи дѣйствительное развитіе вызываетъ къ жизни все новыя учрежденія и силы, все новые факты, съ точки зрѣнія которыхъ марксово изложеніе кажется уже недостаточнымъ и въ соотвѣтствующей мѣрѣ лишается способности служить образцомъ для будущаго развитія. Таково мое пониманіе.

Но ту же главу можно понимать и иначе. Можно ее понимать и въ томъ смыслѣ, что всѣ упомянутыя и еще могущія послѣдовать улучшенія являются лишь временнымъ средствомъ противъ гнетущихъ тенденцій капитализма, что они не означаютъ существенныхъ измѣненій, могущихъ долго и основательно противостоять констатированному Марксомъ обостренію противорѣчій; это обостреніе въ концѣ концовъ наступитъ въ томъ видѣ—если не буквально, то въ главныхъ чертахъ,—какъ его предсказывалъ Марксъ, и приведетъ ко всеобщему перевороту путемъ катастрофы. Такое пониманіе можетъ опираться на категорическую форму изложенія заключительныхъ положеній упомянутой главы; оно до извѣстной степени подкрѣпляется еще тѣмъ, что въ концѣ все-таки снова указывается на Коммунистическій Манифестъ,—тогда какъ незадолго передъ тѣмъ выступалъ Гегель со своимъ отрицаніемъ отрицанія, на возстановленіе на новомъ основаніи индивидуальной собственности, отрицаемой капиталистическимъ способомъ производства.

По-моему, нельзя одно пониманіе просто признавать правильнымъ, а другое абсолютно неправильнымъ. Мнѣ кажется, что эта глава скорѣе свидѣтельствуетъ о дуализмѣ, проникающемъ весь великій трудъ Маркса, дуализмѣ, въ другихъ мѣстахъ книги выраженномъ менѣе ярко. Этотъ дуализмъ заключается въ томъ, что книга хочетъ быть научнымъ изслѣдованіемъ и въ то же время доказать положенія, выработанныя еще задолго до составленія книги; кромѣ того, въ основѣ этого труда лежитъ схема, въ которой заранѣе уже былъ установленъ выводъ, къ которому должно было прійти изслѣдованіе. Возвращеніе къ Коммунистическому Манифесту указываетъ на значительный остатокъ утопизма въ системѣ Маркса. Онъ по существу принималъ разрѣшеніе проблемы, даваемое утопистами, но признавалъ недостаточными приводимыя ими средства и доказательства. Поэтому онъ предпринялъ ихъ пересмотръ и занялся этимъ со рвеніемъ, критической остротой и любовью къ истинѣ, свойственнымъ научному генію. Онъ не замалчивалъ ни одного важнаго факта онъ, — поскольку предметъ изслѣдованія не имѣлъ непосредственнаго отношенія къ конечной цѣли схемы,—не позволялъ себѣ насильственно уменьшать значенія этихъ фактовъ. Постольку его сочиненіе является свободнымъ онъ всякой тенденціи, неизбѣжно наносящей ущербъ научности [1]). Сочувствіе къ стремленіямъ рабочаго класса само по себѣ вѣдь не помѣха научности. Но какъ только Марксъ подходитъ къ тѣмъ пунктамъ,

[1]) Я не говорю здѣсь во всякомъ случаѣ о тенденціи, проявляющейся въ обсужденіи личностей и изложеніи процессовъ, не стоящей въ какой-либо необходимой связи съ экономическимъ развитіемъ.

гдѣ эта конечная цѣль является серьезнымъ вопросомъ, тамъ онъ начинаетъ быть неточнымъ и на его выводы трудно становится полагаться; тамъ онъ приходитъ къ тѣмъ противорѣчіямъ, которыя и указаны въ настоящемъ сочиненіи, между прочимъ въ главѣ объ эволюціи дохода въ современномъ обществѣ; тамъ оказывается, что этотъ великій научный умъ въ концѣ концовъ былъ плѣнникомъ доктрины. Говоря образами, онъ возвелъ внутри уже готовыхъ лѣсовъ мощное зданіе, при постройкѣ котораго онъ постольку строго считался съ законами архитектурной науки, поскольку они не противорѣчили условіямъ, которыя ему ставили размѣры лѣсовъ; но онъ пренебрегалъ ими или обходилъ ихъ тамъ, гдѣ лѣса были слишкомъ тѣсны, чтобы позволить соблюдать эти правила. Вмѣсто того, чтобы сломать лѣса тамъ, гдѣ они мѣшали постройкѣ, онъ измѣняетъ самую постройку въ ущербъ пропорціональности и дѣлаетъ ее вполнѣ зависимой отъ лѣсовъ. Сознаніе ли такого нераціональнаго отношенія заставляло его переходить отъ работы по окончанію постройки снова къ улучшенію деталей? Какъ бы то ни было, но мое убѣжденіе таково, что тамъ, гдѣ проявляется этотъ дуализмъ, лѣса должны пасть, если зданіе должно быть завершено. Въ немъ, въ зданіи, а не въ этихъ лѣсахъ, заключается то, что достойно пережить Маркса.

Ничто не укрѣпляетъ меня болѣе въ такомъ пониманіи, чѣмъ тотъ страхъ, съ которымъ именно наиболѣе глубоко проникнутые марксисты,—еще не разставшіеся съ діалектической схемой «Капитала»—

этими, такъ сказать, лѣсами,—стараются держаться за извѣстныя, опереженныя дѣйствительностью положенія «Капитала». По крайней мѣрѣ только такимъ образомъ я могу объяснить себѣ, какъ человѣкъ, столь чуткій къ дѣйствительности, какъ Каутскій, могъ въ Штутгартѣ возразить на мое замѣчаніе, что число собственниковъ изъ году въ годъ не уменьшается, а увеличивается,—такими словами: «Если бы это было такъ, то моментъ нашей побѣды отдалялся бы отъ насъ и мы вообще не достигли бы цѣли. Если увеличивается число капиталистовъ, а не пролетаріевъ, то мы тѣмъ болѣе отдаляемся отъ цѣли, чѣмъ больше идетъ впередъ развитіе; въ такомъ случаѣ крѣпнетъ капитализмъ, а не соціализмъ».

Вышеприведенныя слова, которыя, конечно, г-нъ П. признаетъ «прекрасными», въ устахъ Каутскаго были бы мнѣ не понятны, если я не ставилъ ихъ въ связь съ марксовой схемой доказательствъ. Въ томъ же духѣ возражала мнѣ г-жа Люксембургъ въ своихъ уже упомянутыхъ статьяхъ, принадлежащихъ по методу къ лучшему изъ всего, что было написано противъ меня; она указывала на то, что, при моемъ пониманіи, соціализмъ перестаетъ быть объективной исторической необходимостью и пріобрѣтаетъ идеалистическое обоснованіе. Несмотря на то, что въ ея аргументаціи встрѣчаются поразительные логическіе скачки и допускается совершенно произвольное отожествленіе идеализма съ утопизмомъ,—все же она почти касается сути дѣла, поскольку я, дѣйствительно, считаю побѣду будущаго строя зависящей не отъ его «имманентной

экономической необходимости» и поскольку я думаю, что и невозможно, и не необходимо ставить наступленіе этого строя въ зависимость отъ чисто-матеріальныхъ моментовъ.

Что число собственниковъ не уменьшается, а увеличивается,—это есть открытіе, сдѣланное вовсе не буржуазными экономистами, сторонниками гармоніи, а фактъ, констатированный податными учрежденіями нерѣдко къ большому огорченію заинтересованныхъ лицъ; въ этомъ фактѣ въ настоящее время нельзя болѣе сомнѣваться. Но что значитъ этотъ фактъ для побѣды будущаго строя? Почему осуществленіе этого строя должно зависѣть отъ этого факта? Да просто потому, что онъ кажется противорѣчащимъ діалектической схемѣ, потому что одинъ столбъ въ лѣсахъ грозитъ паденіемъ, если согласиться, что общественный прибавочный продуктъ присваивается не уменьшающимся, а увеличивающимся числамъ собственниковъ. Но этотъ вопросъ можетъ причинять безпокойство лишь спекулятивной доктринѣ; для реальныхъ стремленій рабочихъ онъ совершенно безразличенъ. Имъ не затрагивается ни ихъ борьба за политическую демократію, ни ихъ борьба за демократію въ промышленности. Будущее этой борьбы зависитъ не отъ факта концентраціи капитала въ рукахъ уменьшающагося числа магнатовъ, не отъ всей діалектической постройки, къ которой принадлежитъ этотъ фактъ, но отъ роста общественнаго богатства, т.-е. общественныхъ производительныхъ силъ въ связи съ общимъ соціальнымъ прогрессомъ, въ особенности съ интеллектуальной и моральной зрѣлостью рабочаго класса.

Если бъ побѣда будущаго строя зависѣла бы отъ безпрерывнаго уменьшенія числа крупныхъ капиталистовъ, то соціалдемократія, разъ она хотѣла бы быть послѣдовательной, должна была бы если не всѣми средствами способствовать скопленію капитала во все меньшемъ количествѣ рукъ, то по крайней мѣрѣ противодѣйствовать всему тому, что могло бы помѣшать такому уменьшенію. Фактически она довольно часто поступаетъ наоборотъ. Такъ, напримѣръ, въ вопросахъ податной политики, когда дѣло зависитъ отъ ея голосованія. Съ точки зрѣнія теоріи переворота значительная часть ея практической дѣятельности была бы вообще работой Пенелопы. Но въ этомъ отношеніи неправа не сама партія. Ошибка заключается въ доктринѣ, поскольку она допускаетъ представленіе, что прогрессъ зависитъ отъ ухудшенія условій.

Въ своемъ предисловіи къ «Аграрному Вопросу» Каутскій обращается къ тѣмъ, кто говоритъ о необходимости преодолѣнія марксизма. Онъ видитъ, что возникаетъ много сомнѣній, но они одни еще не означаютъ, по мнѣнію Каутскаго, какого-нибудь развитія, оставляющаго современное развитіе позади.

Это вѣрно постольку, поскольку сомнѣнія еще не представляютъ изъ себя какого-нибудь положительнаго опроверженія. Но они могутъ быть первымъ шагомъ къ такому опроверженію. Не идетъ ли вопросъ не объ опроверженіи марксизма, а, вѣрнѣе, объ уничтоженіи извѣстныхъ остатковъ утопизма, которые марксизмъ все еще влачитъ за собой и въ которыхъ надо искать первопричины противорѣчій между теоріей и практикой, припи-

сываемыхъ марксизму его противниками? Настоящая работа уже разрослась шире, чѣмъ я предполагалъ, и потому я долженъ отказаться говорить о всѣхъ относящихся сюда пунктахъ. Но поэтому я тѣмъ болѣе считаю своимъ долгомъ заявить, что цѣлый рядъ съ другой стороны выставленныхъ возраженій противъ отдѣльныхъ деталей ученія Маркса я считаю еще неопровергнутыми, а другія и вообще неопровержимыми. Мнѣ это сдѣлать тѣмъ легче, что эти возраженія не имѣютъ никакого значенія для практической работы партіи.

Въ этомъ отношеніи мы должны были бы быть нѣсколько менѣе чувствительными. Неоднократно случалось, что марксисты горячо возставали противъ выводовъ, считавшихся діаметрально противоположными ученію Маркса; между тѣмъ, въ концѣ концовъ оказывалось, что мнимаго противорѣчія въ значительной степени вовсе даже не существовало. У меня, между прочимъ, на памяти полемика, вызванная изслѣдованіями покойнаго доктора Штибелинга о вліяніи концентраціи капитала на норму эксплуатаціи. Какъ въ способѣ изложенія, такъ и въ деталяхъ своихъ вычисленій Штибелингъ допустилъ крупныя ошибки; заслуга ихъ раскрытія принадлежитъ, прежде всего, Каутскому. Третій томъ «Капитала» показалъ, однако, что основная мысль работы Штибелинга: уменьшеніе нормы эксплуатаціи при усиливающейся плотности капитала ни въ какомъ случаѣ не противорѣчитъ ученію Маркса, какъ это прежде казалось многимъ изъ насъ, хотя выводы Штибелинга и покоятся на нѣсколько иныхъ основаніяхъ, чѣмъ выводы Маркса. Но въ свое время Штибелингъ долженъ былъ выслушать заявленія, что, если то, что онъ говоритъ, вѣрно, то теоретическое обоснованіе современнаго рабочаго движенія,—ученіе Маркса,—невѣрно. И, дѣйствительно, тѣ, кто такъ говорили, могли ссылаться въ подтвержденіе своихъ словъ на различныя мѣста у Маркса. Анализъ спора, завязавшагося изъ-за статей Штибелинга, могъ бы служить хорошей иллюстраціей различныхъ противорѣчій ученія о цѣнности [1]).

Подобныя же противорѣчія существуютъ относительно оцѣнки взаимнаго отношенія экономики

[1]) Въ связи съ этимъ я могъ бы указать на достойную вниманія статью, подписанную «Lxbg», о трудахъ Штибелинга, появившуюся въ 1887 г. въ «Neue Zeit», гдѣ, между прочимъ, предвосхищалось разрѣшеніе проблемы нормы прибыли. Неизвѣстный мнѣ авторъ говоритъ относительно прибавочной цѣнности почти то же, что и я въ главѣ о теоріи цѣнности: «Норма прибавочной цѣнности, отношеніе всей прибыли ко всей заработной платѣ, есть понятіе, не могущее быть примѣненнымъ къ отдѣльнымъ отраслямъ производства» (стр. 129). То, что тогда возражалъ Каутскій, было, конечно, лучшимъ изъ того, что вообще можно было сказать на основаніи имѣвшихся тогда томовъ «Капитала», и касалось также формы, въ которую «Lxbg» облекалъ свои мысли, такъ какъ понятіе нормы прибавочной цѣнности, можетъ, безъ сомнѣнія, быть примѣнено къ отдѣльнымъ отраслямъ производства. И тѣмъ не менѣе, то, что утверждалъ «Lxbg», безусловно вѣрно. Норма прибавочной стоимости есть измѣримая величина только для всего хозяйства, взятаго какъ одно цѣлое, и потому, пока послѣднее не реализировано, не можетъ быть установлена для отдѣльныхъ отраслей промышленности — по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока трудовую цѣнность не поставятъ въ прямое отношеніе къ заработной платѣ. Другими словами, нѣтъ никакого дѣйствительнаго мѣрила для нормы прибавочной цѣнности въ отдѣльныхъ отрасляхъ производства.

и политики въ исторіи и они отражаются въ противорѣчіяхъ при обсужденіи практическихъ задачъ и перспективъ рабочаго движенія, о которыхъ я уже говорилъ въ другомъ мѣстѣ. Тѣмъ не менѣе, это такой пунктъ, къ которому необходимо вернуться еще разъ. Но разсмотрѣнію будетъ подлежать вопросъ не о томъ, насколько первоначально и въ дальнѣйшемъ теченіи исторіи политика опредѣляла экономику и наоборотъ; нужно только заняться вопросомъ о творческой силѣ политики въ данномъ обществѣ. Насколько раньше марксисты отводили политикѣ совершенно отрицательную роль, настолько въ настоящее время замѣчается преувеличеніе въ другомъ направленіи—политикѣ приписывается почти творческое всемогущество и является подчеркиваніе политической дѣятельности почти какъ квинтэссенціи «научнаго соціализма».

Теперь было бы нелѣпо возвращаться къ предразсудкамъ прежнихъ поколѣній относительно значенія политической власти, потому что это значило бы итти еще дальше назадъ. Предразсудки, которыхъ на этотъ счетъ держались, напр., утописты, имѣли свое основаніе, да едва ли можно сказать, что это были предразсудки, потому что они основывались на фактической незрѣлости рабочихъ классовъ той эпохи; въ силу этого обстоятельства возможно было либо скоропереходящее правленіе черни, либо возвращеніе къ классовой олигархіи. При такихъ условіяхъ признаніе значенія за политической дѣятельностью должно было казаться отклоненіемъ отъ насущныхъ задачъ. Теперь эти соображенія частью не имѣютъ мѣста и потому ни

одинъ мыслящій человѣкъ не захочетъ критиковать политическую дѣятельность при помощи аргументовъ той эпохи.

Марксизмъ, какъ мы видѣли, перевернулъ дѣло и, указывая на потенціальныя способности промышленнаго пролетаріата, провозгласилъ политическую дѣятельность первой задачей движенія. Но при этомъ онъ дѣйствовалъ среди величайшихъ противорѣчій: онъ то признаетъ, и этимъ онъ отличается отъ демагогическихъ партій, что рабочій классъ не достигъ еще необходимой для его эманципаціи зрѣлости и что еще отсутствуютъ необходимыя для нея экономическія условія. Несмотря на это, онъ все снова возвращался къ тактикѣ, признающей эти два условія какъ бы почти уже выполненными. Въ его изданіяхъ мы наталкиваемся то на мѣста, гдѣ неподготовленность пролетаріата подчеркивается съ силой, мало отличающейся отъ доктринерства первыхъ соціалистовъ, то на мѣста, судя по которымъ, можно бы подумать, что вся культура, вся интеллигентность, всѣ способности встрѣчаются только въ рабочемъ классѣ. Соотвѣтственно этому политическая дѣятельность все болѣе направляется къ со дня на день ожидавшейся революціонной катастрофѣ, сравнительно съ которой законодательная работа долго являлась лишь какимъ-то «pis aller», лишь временнымъ исходомъ. И мы не видимъ никакого принципіальнаго разсмотрѣнія вопроса о томъ, чего можно ожидать отъ законной и чего отъ революціонной дѣятельности.

Съ перваго взгляда видно, что между той и другой формами дѣятельности существуетъ крупное

различіе. Но его обыкновенно видятъ лишь въ томъ, что путь законныхъ реформъ является болѣе медленнымъ, а путь революціи болѣе быстрымъ и радикальнымъ [1]).

Конституціонное законодательство вообще дѣйствуетъ медленнѣе. Его путь обыкновенно—путь компромисса, путь не отмѣны существующихъ правъ, а вознагражденія за нихъ. Но эта дѣятельность имѣетъ больше значенія, чѣмъ революція тамъ, гдѣ предразсудки и ограниченность горизонта широкихъ массъ служатъ препятствіемъ соціальному прогрессу; она представляетъ бóльшія преимущества тамъ, гдѣ дѣло идетъ о созданіи длящихся жизнеспособныхъ экономическихъ учрежденій, другими словами, тамъ, гдѣ дѣло идетъ о положительной соціально-политической работѣ.

Въ спокойныя времена въ законодательствѣ надъ чувствомъ преобладаетъ интеллектъ, во время же революціи чувство—надъ интеллектомъ.

Какъ только нація достигаетъ такого политическаго состоянія, при которомъ право властвующаго меньшинства перестаетъ создавать серьезныя препятствія для соціальнаго прогресса, когда отрицательныя задачи политической дѣятельности отступаютъ на второй планъ сравнительно съ поло-

[1]) Въ этомъ смыслѣ Марксъ въ главѣ о рабочемъ днѣ говоритъ объ «особенныхъ преимуществахъ французскаго революціоннаго метода», сказавшихся во французскомъ законѣ 1848 г. о 12-ти часовомъ рабочемъ днѣ, который предписывалъ одинъ и тотъ же рабочій день безъ различія для всѣхъ рабочихъ и фабрикъ. Это такъ. Но вѣдь фактъ извѣстный, что этотъ радикальный законъ оставался мертвой буквой болѣе, чѣмъ для одного поколѣнія.

жительными, — тогда призывъ къ насильственной революціи превращается въ безсодержательную фразу [1]). Можно свергнуть правительство, свергнуть привилегированное меньшинство, но не народъ.

Даже законъ при всемъ значеніи авторитета, опирающагося на вооруженную силу, часто бываетъ безсиленъ относительно вкоренившихся нравовъ и предразсудковъ народа. Современная экономическая неурядица Италіи ни въ коемъ случаѣ не имѣетъ конечной причиной злую или недостаточно добрую волю Савойскаго дома. Зачастую идеальные законы и предписанія оказываются недѣйствительными противъ традиціонной продажности чиновничества и легкомыслія народной массы. То же самое въ Испаніи, Греціи и т. д. Даже во Франціи, гдѣ республика много сдѣлала для національнаго прогресса, она не могла уничтожить, а еще только увеличила нѣкоторыя язвы національной жизни. Что при буржуазномъ королевствѣ казалось неслыханной продажностью, то теперь считается дѣтской игрой. Нація, народъ—только въ отвлеченномъ представленіи нѣчто цѣльное, и провозглашенное въ законѣ верховенство народа еще не дѣлаетъ изъ него рѣшающаго фактора. Оно можетъ поставить правительство въ зависимость именно отъ тѣхъ, относительно которыхъ оно должно было бы быть вполнѣ независимымъ: отъ чиновниковъ, присяжныхъ политикановъ, собственниковъ прессы. И это все отно-

[1]) «Къ счастью, въ этой странѣ революціонная дѣятельность перестала быть чѣмъ-либо инымъ, какъ эффектной фразой». Мѣсячный отчетъ независимой англійской рабочей партіи. Январь 1899 года.

сится къ революціонному правительству не менѣе, чѣмъ къ конституціонному.

Что касается диктатуры пролетаріата, то тамъ, гдѣ рабочій классъ не обладаетъ собственными, очень сильными организаціями экономическаго характера и не достигъ путемъ участія въ органахъ самоуправленія высокой степени умственной самостоятельности,—тамъ эта диктатура означала бы диктатуру клубныхъ ораторовъ и литераторовъ. Тѣмъ, кто въ подавленіи рабочихъ организацій и исключеніи рабочихъ изъ законодательства и управленія видятъ верхъ искусства управленія, я не пожелалъ бы на практикѣ испытать послѣдствія такой диктатуры. Такъ же мало желалъ бы я ея и для самого рабочаго движенія.

Несмотря на крупный шагъ впередъ, сдѣланный рабочимъ классомъ въ умственномъ, политическомъ и промышленномъ отношеніяхъ съ того времени, когда писали Марксъ и Энгельсъ,—я все-таки не считаю этотъ классъ даже и теперь достаточно развитымъ, чтобъ овладѣть политической властью. Я тѣмъ болѣе считаю своимъ долгомъ открыто высказать это, что именно въ этомъ отношеніи въ соціалистическую литературу вкрадывается новая нотка, грозящая заглушить всякое разумное сужденіе, и я знаю, что я нигдѣ не встрѣчу такого объективнаго отношенія къ моихъ взглядамъ, какъ среди рабочихъ. Ни отъ одного рабочаго, съ которыми я говорилъ объ этихъ вопросахъ, я не слыхалъ существенно другихъ мнѣній относительно этихъ пунктовъ. Только литераторы, не стоящіе близко къ дѣйствительному рабочему движенію,

могутъ думать иначе. Отсюда смѣшная злоба—чтобъ не выразиться рѣзче—г-на П. противъ всѣхъ соціалистовъ, не видящихъ заранѣе во всемъ классѣ пролетаріата того, чѣмъ стать является историческимъ призваніемъ этого класса, противъ соціалистовъ, смотрящихъ какъ на проблему на то, въ чемъ онъ видитъ уже разрѣшеніе. Кто не смотритъ на движеніе такъ, какъ онъ—тотъ «гелертеръ» и филистеръ. Это старая пѣсня, которой ея почтенный возрастъ не придаетъ, однако, особой прелести.

Нельзя побѣдить утопизма, спекулятивно перенося въ настоящее то, что должно случиться въ будущемъ, т.-е. поэтизируя настоящее. Рабочихъ мы должны брать такими, какъ они есть. А они въ общемъ не такъ обѣднѣли, какъ это предполагалось въ «Коммунистическомъ Манифестѣ», не такъ свободны отъ предразсудковъ, какъ въ этомъ хотѣли увѣрить насъ ихъ льстецы. Имъ свойственны добродѣтели и пороки тѣхъ экономическихъ и соціальныхъ условій, среди которыхъ они живутъ. И ни эти условія, ни ихъ результаты не могутъ быть немедленно устранены.

Насильственная революція можетъ лишь очень медленно измѣнить общій уровень значительнаго большинства націи. Нельзя забывать, что повышеніе производства вовсе не такая вещь, которую легко импровизировать. «Лишь на извѣстной, относительно нашего времени очень высокой степени развитія общественныхъ производительныхъ силъ возможно столь значительно усилить производство, что уничтоженіе классовыхъ различій окажется дѣйствительнымъ прогрессомъ, что оно

можетъ быть продолжительнымъ, не приводя къ застою или даже реакціи въ общественномъ способѣ производства». Какой же филистеръ написалъ это, г. П.? Никто другой, какъ Фр. Энгельсъ.

Достигли ли мы уже высоты развитія производительныхъ силъ, необходимой для уничтоженія классовъ? Взамѣнъ фантастическихъ цифръ, ранѣе приводимыхъ въ этомъ отношеніи и покоившихся на обобщенныхъ данныхъ объ отрасляхъ промышленности, стоявшихъ въ особенно благопріятныхъ условіяхъ, новѣйшіе ученые постарались дать на основаніи тщательныхъ, проникающихъ въ детали изслѣдованій оцѣнку промышленной возможности иного строя; результаты этихъ изслѣдованій оказались совершенно иными [1]). О всеобщемъ сокращеніи рабочаго времени до 5, 4 или даже 3—2 часовъ ежедневно, какъ это предполагалось раньше, не можетъ быть и рѣчи въ ближайшемъ будущемъ, если только общій жизненный уровень не долженъ быть значительно пониженъ. Даже при коллективистической организаціи труда начинать работать приходилось бы очень молодымъ, а прекращать—въ преклонномъ возрастѣ, если будетъ рѣшено сократить рабочій день ниже 8 часовъ съ сохраненіемъ того же количества продуктовъ и услугъ.

[1]) Сравн. Atlanticus, «Ein Blick in den Zukunftstaat, Produktion und Konsum im Sozialstaat», какъ и статьи «Etwas über Kollektivismus» доктора Josef Ritter Neupauer въ Пернерсторфскомъ «Deutsche Worte» (1897—98 г.). Противъ той и другой работы можно было бы сдѣлать кое-какія возраженія, но все же слѣдуетъ горячо рекомендовать познакомиться съ ними при обсужденіи данныхъ вопросовъ. Нейпайеръ думаетъ, что, если высчитать среднюю производительность всѣхъ машинъ, то оказалось бы, что онѣ сберегаютъ едва одну треть человѣческой рабочей силы.

Короче сказать, нельзя въ 2—3 года перенести весь рабочій классъ въ условія, существенно отличныя отъ тѣхъ, въ которыхъ онъ живетъ теперь. Это соображеніе должны бы имѣть въ виду прежде всего тѣ, кто охотно допускаютъ величайшія преувеличенія въ вопросѣ о численномъ отношеніи неимущихъ къ имущимъ классамъ. Но кто нераціонально мыслитъ относительно одного вопроса, тотъ дѣлаетъ это и относительно другихъ. Поэтому меня вовсе не удивляетъ, если тотъ же г. П., возмущающійся, когда другіе считаютъ положеніе рабочаго класса не безнадежнымъ, не находитъ противъ моего мнѣнія о невозможности отказаться въ ближайшемъ будущемъ отъ принципа экономической собственной отвѣтственности работоспособныхъ—не находитъ другого возраженія, кромѣ уничтожающаго слова «мелкобуржуазный».

Но кто вникнетъ въ дѣйствительное рабочее движеніе, тотъ найдетъ, что освобожденіе отъ тѣхъ свойствъ, которыя кажутся мелкобуржуазными вышедшему изъ буржуазіи, аффектированному пролетарію, цѣнится тамъ очень не высоко, что тамъ ни въ коемъ случаѣ не ставятъ высоко духовнаго пролетаріатства, а, напротивъ, того, очень стараются изъ пролетарія сдѣлать «мелкаго буржуа». Никакое длящееся и прочное союзное движеніе невозможно среди пролетаріевъ, лишенныхъ опредѣленнаго положенія, родины и семьи; это не буржуазный предразсудокъ, а убѣжденіе, выработанное годами организаціонной работы и сдѣлавшее многихъ ан-

глійскихъ рабочихъ руководителей соціалистовъ и и несоціалистовъ—усердными приверженцами умѣреннаго направленія [1]). Рабочіе очень хорошо знаютъ недостатки своего класса и, далекіе отъ прославленія ихъ, всѣми силами стараются побороть нѣкоторые изъ нихъ.

Я еще разъ долженъ вернуться къ словамъ Либкнехта, что я подпалъ чарамъ громаднаго роста англійской буржуазіи. Это лишь постольку, поскольку я убѣдился въ неправильности утвержденій объ исчезновеніи среднихъ классовъ, ранѣе державшихся въ нашей литературѣ, утвержденій, основанныхъ на недостаточныхъ статистическихъ данныхъ. Но этого одного было недостаточно, чтобъ заставить меня обратиться къ пересмотру моихъ взглядовъ на быстроту и характеръ экономическаго развитія. Гораздо бо́льшую роль сыграло то, чему научило меня болѣе близкое знакомство съ классическимъ рабочимъ движеніемъ нашего времени. При этомъ я убѣдился, не прибѣгая къ слѣпымъ обобщеніямъ, что на континентѣ дѣло обстоитъ не иначе, чѣмъ въ Англіи. Оно и понятно: рѣчь идетъ не о національныхъ, а о соціальныхъ явленіяхъ.

Отъ класса, бо́льшая часть котораго живетъ въ плохихъ помѣщеніяхъ, недостаточно образована, имѣетъ слишкомъ низкій и необезпеченный заработокъ, мы не можемъ требовать того высокаго интеллектуальнаго и нравственнаго развитія, которое предполагаетъ соціалистическій строй. Поэтому мы не хотимъ и приписывать рабочему классу этихъ качествъ. Мы радуемся большому запасу интелигентности, самотверженія и энергіи, который проявило современное рабочее движеніе; но мы слѣпо не переносимъ того, что вѣрно для избранныхъ—скажемъ, для сотни тысячъ,—на массу, на милліоны. Я не хочу передавать заявленій, дѣланныхъ мнѣ устно и письменно рабочими относительно этого пункта; не приходится мнѣ и защищаться передъ разумными людьми отъ обвиненія въ фарисействѣ и мелкомъ самохвальствѣ. Но я охотно признаюсь, что я мѣрю до извѣстной степени двоякой мѣрой. Именно потому, что я многаго ожидаю отъ рабочаго класса, я все то, что ведетъ къ упадку его духовной стороны, осуждаю гораздо строже, чѣмъ происходящее въ этомъ отношеніи въ высшихъ классахъ; я съ величайшимъ сожалѣніемъ вижу, что кое-гдѣ въ рабочей прессѣ распространяется тонъ литературнаго декадентства, который можетъ только сбивать съ толку и въ концѣ концовъ даже оказывать растлѣвающее вліяніе. Классу, стремящемуся впередъ, нужна здоровая мораль, а не декадентское равнодушіе. Если онъ только энергично преслѣдуетъ ближайшія цѣли, то совершенно второстепенный вопросъ, ставитъ ли онъ себѣ опредѣленную конечную цѣль. Важно то, что его цѣли проникнуты опредѣленнымъ принципомъ, выражающимъ болѣе высокую ступень хозяйства и всей общественной жизни; что онѣ проникнуты соціальными взглядами, означающими въ ходѣ развитія

[1]) Недавно правленіе независимой рабочей партіи циркуляромъ очень горячо совѣтовало своимъ секціямъ не допускать потребленія спиртныхъ напитковъ въ ихъ мѣстныхъ клубахъ.

культуры прогрессъ, высшую мораль и правовое устройство.

При такомъ пониманіи я не могу подписаться подъ положеніемъ—«рабочему классу не приходится осуществлять идеаловъ»; въ этомъ положеніи я вижу лишь продуктъ самообмана автора, если только не просто игру словами съ его стороны. Въ этомъ смыслѣ я въ свое время призывалъ противъ «cant'а», стремящагося утвердиться въ рабочемъ движеніи и для котораго гегелевская діалектика представляетъ удобную почву,—я призывалъ духъ великаго кённигсбергскаго философа, критика чистаго разума. Припадки бѣшенства, которые я вызвалъ этимъ у г-на П., укрѣпили меня въ убѣжденіи, что соціалдемократіи нуженъ новый Кантъ, который направилъ бы оружіе своей критики противъ устарѣлыхъ взглядовъ, который доказалъ бы, въ чемъ кажущійся матеріализмъ есть величайшая и потому наиболѣе легко сбивающаяся съ пути идеологія,—доказалъ бы, что презрѣніе къ идеалу, признаніе матеріальныхъ факторовъ всемогущими силами развитія есть самообманъ, всегда признававшійся и признаваемый таковымъ на дѣлѣ тѣми, кто его проповѣдуетъ. Такой умъ, который съ убѣдительной ясностью показалъ бы намъ, что̀ именно въ произведеніяхъ нашихъ великихъ предшественниковъ достойно переживанія и дѣйствительно переживетъ и что̀ въ нихъ должно и можетъ погибнуть,—такой умъ сдѣлалъ бы для насъ возможнымъ болѣе безпристрастное сужденіе о той работѣ, которая, хотя и исходитъ не изъ тѣхъ точекъ зрѣнія, кото-

рыя кажутся намъ теперь руководящими, но все-таки служитъ тѣмъ же цѣлямъ, какимъ служимъ и мы. Ни одинъ безпристрастный мыслитель не станетъ отрицать, что соціалистической критикѣ часто очень недостаетъ именно такого человѣка, и что она обнаруживаетъ всѣ темныя стороны эпигонства. Я самъ въ этомъ грѣшенъ и потому ни въ кого не бросаю камнемъ. Но именно потому, что я принадлежу къ партіи, я считаю себя въ правѣ выразить свое мнѣніе о необходимости реформы. Если бы я не боялся быть невѣрно понятымъ (я, конечно, приготовленъ къ тому, что мои слова будутъ невѣрно толковать), я замѣнилъ бы выраженіе—«вернемся къ Канту»—выраженіемъ «вернемся къ Ланге». Какъ для философовъ и естествоиспытателей, которые признаютъ этотъ девизъ, дѣло идетъ не о возвращеніи къ буквѣ того, что писалъ кённигсбергскій философъ,—но лишь объ основномъ принципѣ его критики, такъ и для соціалдемократіи рѣчь идетъ не о возвращеніи ко всѣмъ соціалполитическимъ взглядамъ Фридриха Альберта Ланге. То, что я имѣю въ виду, есть отличительное для Ланге соединеніе искренняго и неустрашимаго участія къ прогрессивнымъ стремленіямъ рабочаго класса съ высокой научной безпристрастностью всегда готовой сознавать свои заблужденія и признавать новыя истины. Ту широкую сердечность, которой проникнуты сочиненія Ланге, встрѣчаешь, быть можетъ, только у людей, которымъ недостаетъ всепроникающей остроты, свойственной такимъ піонерамъ, какимъ былъ Марксъ. Но не каждая эпоха имѣетъ своего Маркса, и даже для человѣка, рав-

наго по генію Марксу, современное рабочее движеніе оказалось бы слишкомъ сложнымъ, чтобы отвести ему такое мѣсто, какое занимаетъ Карлъ Марксъ въ его исторіи. Нынѣ на ряду съ боевыми умами рабочее движеніе нуждается въ умахъ, приводящихъ въ порядокъ и резюмирующихъ, стоящихъ достаточно высоко, чтобы умѣть отличать плевелы отъ пшеницы, и достаточно широко смотрящихъ на вещи, чтобы признавать растеніе, выросшее на чужомъ полѣ.

КОНЕЦЪ.